Лев Краснов

МНОГОГОЛОСЬЕ

Сборник

Я — как скрещенье многих дней,
И слышу я в лугах росистых
И голоса моих друзей,
И голоса с небес российских.
Ю. Визбор, «Многоголосье»

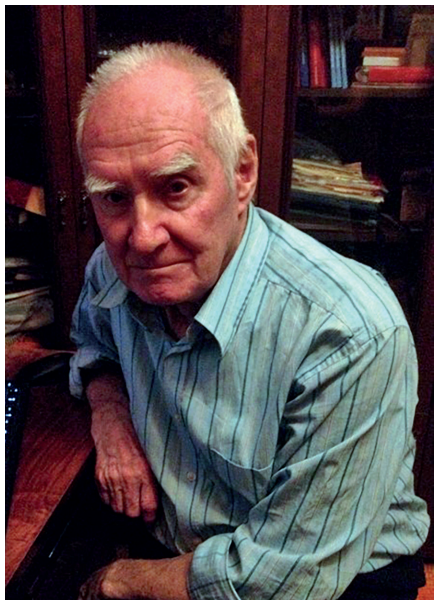
2020 год

Содержание

От составителя....4
Об авторах....6
Благодарю!....8
Л. А. Краснов. Капчук и Шурка....9
Л. А. Краснов. Мой первый тайм:1931–1954....27
Л. А. Краснов. Ближний круг....75
Н. А. Викторов. Путь радиоинженера....125
О. Д. Викторова, Е. Д. Викторова. Сцинтилляторы-Сухуми-Дубна....167
Н. Н. Семёнов. Военное детство....171
В. Н. Семёнов. Геолог и государственный деятель....208
В. Н. Семёнов. Геофизик и бард....225
А. Н. Роков. Путешественник, геолог, профессор....258
А. Н. Румянцев. Разработка проекта РБМК-1000....264
В. Н. Румянцев. «Солдату не должно быть ни жарко, ни холодно»....278
Е. Н. Викторова-Зуева. «Прелести жизни» в СССР....281
И. Н. Мещеряков. О моих родителях....287
Е. А. Румянцева. Физика, математика и… палитра....290
М. А. Румянцева. МАшины машИны....293
Л. А. Краснов. «Есть сигнал!»....298
Л. А. Краснов. Четыре индийские сказки....307
Д. Л. Краснов. Всё, чего я хотел — это капля тепла....337

От составителя

Немного об истории создания моих книжек. В книге «Два столетия рода Викторовых из Тамбовской губернии» рассказано о судьбах трёх поколений этого рода, память о которых сохранилась в семейных преданиях. В обзоре «Потомки», завершающем книгу, даны очень краткие факты биографий представителей последующих поколений.

В книге, которую вы сейчас держите в руках, собраны живые голоса этих потомков.

Первым, кто собрал и опубликовал воспоминания своих родных, был Виктор Семёнов — один из трёх сыновей Натальи Фёдоровны Викторовой-Семёновой, представитель четвёртого поколения Викторовых. Им была написана книга «Братья Семёновы», отрывки из которой приводятся в этом издании.

Эстафету у него перенял я, когда в 2002 году записал со слов Николая Александровича Викторова, лежавшего в больнице, рассказ о его жизни, и оформил позже в виде очерка «Путь радиоинженера».

Потом я написал очерк о родителях, о ~~своей~~ семье, о родителях моей жены Галины Павловны Котовой.

Удалось собрать и воспоминания некоторых представителей разных поколений Викторовых. Это не подробные жизнеописания, а очерки о значимых ~~событиях жизни~~ для самих рассказчиков.

Учитывая, что тяга к дальним странствиям у многих персонажей книги была и есть в крови, я поместил в конце рассказ о своих путешествиях в Индию вместе с сыном Денисом.

Вот так и получилась эта книга — многоголосый рассказ о прошлом и настоящем, словно пёстрый букет из трав и цветов, ~~берущих своё начало на~~ тамбовской земле.

Это моя пятая книжка, которую я написал или составил. Названия предыдущих книг можно найти на оборотной стороне обложки. Первые три книжки полностью написаны мной. Последние две, включая данную книгу, являются сборниками, составленными из записок моей многочисленной родни и моих воспоминаний.

Когда я готовил первые три книги, то думал, что ~~покажу~~ некий срез эпохи, увиденный глазами человека, принимавшего непосредственное участие в разработке и испытаниях ракетной и космической техники. А последние два сборника — дань памяти предшествующим поколениям и моему викторовско-семёновскому окружению. Писал с надеждой, что кому-то это будет интересно, может быть, и не сейчас. Ведь «рукописи не горят».

~~Л. А.~~ Краснов

Об авторах

Авторами материалов данного сборника являются представители разных поколений рода Викторовых из Тамбовской губернии, ведущего отсчёт от Александра Андреевича (1816–1906) и Анны Викторовых по линии их старшего сына Фёдора Александровича (1858–1938) и его жены Екатерины Александровны (1859–1945), представляющих **второе поколение** рода Викторовых.

Л. А. Краснов. «Капчук и Шурка», «Мой первый тайм: 1931–1954», «Ближний круг», «Есть сигнал!», «Четыре индийские сказки».

Лев Александрович Краснов (1931 г. р.) — представитель **четвертого поколения** рода Викторовых, сын Капитолины Фёдоровны, младшей дочери Фёдора Александровича и Екатерины Александровны Викторовых.

Н. А. Викторов. «Путь радиоинженера».

Николай Александрович Викторов (1912–2007) — представитель **четвёртого поколения**, сын Александра Фёдоровича, старшего сына Фёдора Александровича и Екатерины Александровны Викторовых.

Н. Н. Семёнов. «Военное детство»

В. Н. Семёнов. «Геолог и государственный деятель»

В. Н. Семёнов. «Геофизик и бард»

Братья Николай Николаевич (1930–2014), Владимир Николаевич (1935–2003) и Виктор Николаевич (1937–2016) Семёновы — представители **четвёртого поколения**, дети Наталии Фёдоровны, старшей дочери Фёдора Александровича и Екатерины Александровны Викторовых.

О. Д. Викторова, Е. Д. Викторова: «Сцинтилляторы-Сухуми-Дубна»

Ольга Дориановна (1961 г. р.) и Елена Дориановна (1953 г. р.) Викторовы — представительницы **пятого поколения** рода Викторо-

вых, дочери ***Дориана Владимировича Викторова*** (1928 г. р. — **четвёртое поколение**).

А. Н. Роков. «Путешественник, геолог, профессор»

А. Н. Румянцев. «Разработка проекта РБМК-1000»

В. Н. Румянцев. «Солдату не должно быть ни жарко, ни холодно»

Е. Н. Викторова-Зуева. «Прелести жизни» в СССР»

И. Н. Мещеряков. «О моих родителях».

Представители **пятого поколения** Андрей Николаевич Роков (1938 г. р.), Александр Николаевич Румянцев (1940–2017), Вячеслав Николаевич Румянцев (1942 г. р.), Евгения Николаевна Зуева (1955 ~~г.~~ р.), Игорь Николаевич Мещеряков (1961 г. р.) — дети Николая Александровича Викторова, старшего внука Фёдора Александровича и Екатерины Александровны Викторовых.

Е. А. Румянцева. «Физика, математика и… палитра».

М. А. Румянцева. «МАшины машИны».

Елена Александровна (1963 г. р.) и Мария Александровна (1975 г. ~~р.~~) Румянцевы — представительницы **шестого поколения** рода Викторовых, дочери Александра Николаевича Румянцева.

Д. Л. Краснов. «Всё, чего я хотел — это капля тепла».

Денис Львович Краснов (1970–2009) — представитель **шестого поколения** рода Викторовых, сын Льва Александровича Краснова.

Благодарю!

Я благодарю Татьяну Львовну Лежнёву, Галину Петровну Митькину, Ольгу Александровну Волкову, Марину Алексеевну Жеглову за огромную помощь и творческое участие в создании этой книги.

Благодарю Вячеслава Николаевича Румянцева и Андрея Николаевича Рокова за предоставление дополнительных материалов, которые расширили знания о людях, связанных с семьей Викторовых, и за написанные ими очерки.

Благодарю Валентина Дмитриевича Борисевича за комментарии к статье Александра Николаевича Румянцева и помощь в её обработке.

Благодарю Евгению Николаевну Зуеву, Игоря Николаевича Мещерякова, Елену Николаевну Румянцеву, Марию Николаевну Румянцеву, Наталью Николаевну Жалнину, Екатерину Викторовну Михайлову, Ольгу Дориановну Викторову, Елену Дориановну Викторову, Петра Евгеньевича Нагорного за написанные ими очерки и предоставленные фотографии и материалы из семейных архивов.

Л. Краснов

Л. А. Краснов

КАПЧУК И ШУРКА

Прослушал по радио рассказ Астафьева «Хлястик» о женщине, в одиночку воспитывающей сына. Снова задумался о судьбе мамы, которая тянула меня одна. Сложная у неё была жизнь. Слава богу, семья Викторовых была очень дружной и всегда помогала ей.

«Должна была обратить на него внимание»

Не знаю почему, но никогда мы с мамой о моём отце не говорили. Его незримое присутствие было только на фотографии, которая всегда стояла у нас на письменном столе. Видимо, эта фотография «гуляла» между мамой и отцом в период его ссылки.

Надписи на обороте:

«11.11.28 г. Ленинград.
Не верь мой друг, когда в избытке горя
Я говорю, что не люблю тебя.
В отлива час не верь измене моря.
Оно к земле воротится, любя.
Уж я тоскую, прежней страсти полна,
Мою свободу я тебе отдам.
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам.*

Милому, дорогому Саше. Капитолина».

«4.6.29 г. Всегда с тобой. Твоя Капчук».

«30.7.29 г. Челябинск (изолятор … зачеркнуто).
Тоскую и болею, но боль остаётся немой
— нервы не из железа (?) тебя чувствую с собой».

«7.10. Челябинский изолятор (?)»

* Стихи А. К. Толстого.

Николай Викторов, мой двоюродный брат

Образ отца мне нарисовал Николай Александрович Викторов по моей просьбе, когда записывал рассказ о собственной судьбе. Текст сохранён полностью — уж больно колоритен!

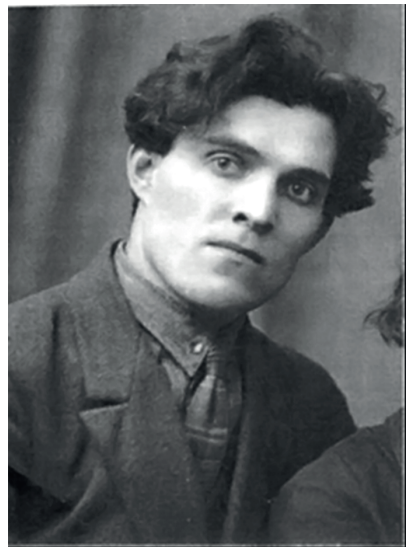
«Дядя Шура забрал меня к себе в студенческое общежитие. Весной 29-го года я попал к нему в общежитие, т. к. не мог жить у тёти Маши. Работал я электромонтёром-практикантом на ж/д ветке, которая идёт от Белорусского вокзала. Привёл меня в общежитие Шурка и сказал: «Поскольку тебе деваться некуда, спать будешь здесь». Я спросил: «На чём?» Он показал ряд стульев: «Поставим посередине, вот тебе подушка, одеяло». Одеяло было тонким, но шерстяным. Я устраивался на табуретки, когда кончались разговоры, в которых я иногда участвовал, раскрыв рот, но не принимал участия в дискуссиях, не понимал их основ. Пытался понять, кто такие троцкисты. Я им тогда больше симпатизировал, потому что они больше предлагали рациональных способов, были более революционны. Когда всё это утихало, мирно пили чай перед сном. Не было никакой особой снеди для еды. Помню чёрный хлеб, белую булку, иногда — небольшой кусок тонкой колбасы. Пьянок в памяти у меня не осталось. Это была комната работающих студентов, не лодырей. Может быть, и выпивали днём, когда меня не было, но вечером — никогда. Все пили чай, закусывали какой-нибудь колбасой, если она была, и ложились спать, продолжая ещё споры. Я выстраивал свои табуреты, половину одеяла под себя, другую

половину — на себя. Иногда во время сна я сваливался с табуреток. Я не умел ещё спать на одном боку. Начинал возиться, одна из табуреток вылетала. От грохота я просыпался и снова выстраивал свою халабуду. Самое главное было не шевелиться и лежать, строго вытянувшись под одеялом. Основное ощущение — главное укрыть спину и ноги, и неважно, что часть живота не была закрыта. Живот мог мёрзнуть.

В комнатах жило 4–5 человек. В комнате, где жил я, были койки, которые стояли по стенам, столики между койками, сбитые из досок, гнутые венские стулья — но их было мало, в основном, табуреты, настольные лампы. Но, как правило, лампочки висели на проводах, либо были закреплены на имитации подставок. Обстановка была очень бедной. Иногда на столах стояли глиняные кружки, а чаще — железные, эмалированные. Было много полочек, прикреплённых к стенам, на которых размещались какие-то книги. Больших завалов книг не помню. Обедали, как правило, вне этого помещения, а тут пили чай. Я не знаю, что происходило днём (занимался на электрокурсах), но по вечерам помню эти комнаты темноватыми, освещёнными тусклым светом электрических лампочек, где сидят в двух-трёх местах разговаривающие или пьющие чай, наливая его в кружки из обычных жестяных или эмалированных чайников. Вот, собственно, вся обстановка. О чём шли разговоры? Это был период 1927 года. Внешне в Москве ещё было всё прилично. Было много чайных магазинчиков, можно было купить колбасу. Колбаса чайная стоила 12 копеек за 200 граммов, кружка чая с сахаром стоила три копейки. Говорили о том, что будет дальше с сельским хозяйством, о колхозах и т. п., поскольку все были из Сельхозакадемии. Был такой период, когда кулаки перестали торговать дешёвым хлебом, и цена на него в городах стала подниматься. Стоял вопрос, как быть в городах. Бытовали разные мнения. Мнение троцкистов: надо

организовать отряды и заставлять кулаков сдать хлеб. Но одновременно с этим необходимо было какое-то количество товаров подвезти, а их было очень мало. Но всё же торговля в городе ещё теплилась. В 1928 году студенты ожесточённо спорили о том, что неправильную политику ведёт Сталин, что он слишком мягко (!) обращается с крестьянами, и что нужно руководить жёстче. Нужны отряды, которые обеспечат наличие продуктов в городах. Обсуждалась идея коллективизма для деревни. Троцкисты были более решительными и более жёстко настроенными людьми.

О личности Шурки Краснова: черноволосый (с проседью), кудрявый (волосы вились крупными кольцами), с большими блестящими глазами; очень активен, очень хорошо владеет языком, агитатор. Он красивый, лиричный, скуластый, иногда бритый, иногда небритый. Яркие, характерные, решительные губы немножко сжаты, улыбка как будто девичья. Очень активен и горяч в спорах. В основном навязывает свою точку зрения, невнимательно выслушивает оппонентов, которых он считает не троцкистами.

Александр Семёнович Краснов

Он всегда активно влезал в разговорную драку. Не терпел сильных возражений. Аргументация у него была довольно мощная, во всяком случае, его считали одним из ведущих студентов-политиков в этой комнате. Когда встряхивал головой, то большие завитки волос разлетались в стороны. Вот такие впечатления.

Шурка Краснов был отличный заводила, верховодил. Тётка Капа должна была обратить на него внимание».

Что связывало моих родителей? Она — бывшая воспитанница епархиального училища, дочка сельского учителя, регента церковного хора, а потом священника в захолустном селе. Он — хлебопашец (так записано в его документах), сельский активист-комсомолец (с 1919 года). Познакомились они в Карай-Салтыково, где Викторовы жили в 1911–1916 годах. Александр в это время мог учиться в земской школе в Карай-Салтыково, где учителями были Людмила Филипповна и старший брат Капитолины Александр Фёдорович. В 1923–1927 годах Капитолина училась в педагогическом институте в Ленинграде, а Саша в 1925–1929 годах — в Тимирязевской академии в Москве, но их женитьба в 1928 году не стала случайностью, к тому времени они были уже давно знакомы. По легенде, отец на лодке вывез маму на середину озера и сказал: «Выходи замуж! Иначе…» (дальше не помню: либо «Сам утоплюсь», либо «Тебя утоплю»). Они любили друг друга. Но жизнь сложна. Они жили в разных городах. Он был слишком активен в студенческой среде. И вот что пишет в своём дневнике Николай Викторов:

«9.05.29. Среда. Между прочим, пропал Краснов. С вечера субботы его нет — наверное, сидит в ГПУ. Подали заявление о пропаже человека в милицию, если ничего не узнаем, придётся вызывать Капчуку.

10.05.29. Четверг. Ах! Да вот ещё: Шура Краснов сидит в ГПУ, по всей вероятности, за «принадлежность к троцкистской оппозиции», вот припечатали-то! Ну какой он к чёрту оппозиционер, даже своих твёрдых убеждений не имеет, а просто, наверное, подпал под чьё-то влияние и пляшет под чужую дудочку, воображая себя оппозиционером и трезвоня об этом на каждом перекрёстке. Липовый оппозиционер, не понимаю, за что его забрали!»

А вот что написала моя мама:

«Много лет прошло с тех пор, но события, произошедшие в моей жизни в майские дни 1929 года, без волнения не могу вспоминать до сих пор.

15 мая 1929 года я получила из Москвы письмо (я работала и жила в Ленинграде) от товарищей Саши, что он, выйдя из общежития, не возвращался уже несколько дней. Все поиски его и справки в бюро происшествий ничего не дали. Остаётся одно предположение, что он арестован, и сведения об этом могут получить жена или родственники. Такое письмо повергло меня в мрачные мысли. Что можно было думать? И жив ли он вообще? О его принадлежности к троцкистской оппозиции я узнала в январе 1929-го, когда на каникулах гостила в Москве. До этого он скрывал от меня, тем более это было легко ему делать, живя врозь со мной (он в Москве, я в Ленинграде). Я его взглядов политических никогда не разделяла, спорила, доказывала неправоту его убеждений. Но в то время часть студентов, особенно это бурно было в Тимирязевке и МГУ, разделяли взгляды Троцкого и шли за ним.

Я решила ехать в Москву и всё самой узнать. Взяла отпуск и поехала. Конечно, я была полна мрачных дум. В вагоне произошёл маленький эпизод, который научил меня быть внимательной и аккуратной. Кроме меня в купе было два гражданина, один из них военный, который всё время старался со мной разговаривать и как-то всё сводил разговор на политическую тему. В то время печать была полна всяких новостей об оппозиции. Она была фактически разбита, верхушка вся арестована, Троцкий был выслан за пределы Советского Союза. Вот, говоря со мной, военный спросил, по каким делам я еду в Москву. Я, не думая, сказала зачем еду, а потом спросила: «А кто Вы?» Он ответил: «Посмотрите на мои знаки отличия». Тут я поняла, что передо мной

большого чина работник НКВД. Я тогда говорю: «Значит, Вы настоящий центрист?» Сказала, и в мыслях молниеносно промелькнуло, не наговорила ли я до этого чего-либо лишнего. Он понял меня моментально и успокоил: «Не бойтесь, я не причиню Вам ничего плохого, а желаю Вам удачи и счастья». Потом, при подходе поезда к Москве, взял мой чемодан и проводил.

По приезде в Москву я сразу пошла на Лубянку (где тогда содержались политические арестованные). Там я в справочном узнала, что Саша жив, находится на Лубянке, свидание не разрешается, но передачу можно сделать. Я тут же быстро что-то купила в магазине и передала. Передачу приняли — это было ещё одно подтверждение, что он здесь, на Лубянке. Начались хождения с передачами. Делала попытку у начальников что-либо узнать о его деле, в чём обвиняется, ничего не удалось, говорят: «Ждите, скоро решится вопрос». И вот потянулись дни ожиданий.

Наконец однажды ко мне приходит военный (я жила на улице Герцена у Марии Владимировны) и говорит, что завтра мне разрешено свидание с мужем, что он высылается из Москвы, чтобы я собрала для него необходимые вещи и пришла к определённому часу в Бутырку (это была пересыльная тюрьма). Я поехала в общежитие, где с большим трудом, только благодаря товарищам, получила Сашины вещи. Товарищи положили ещё книги — два тома «Капитала» К. Маркса и некоторые труды Ленина. «Пусть там изучает», — сказали они. И вот на следующий день, одевшись в светлое белое платье, поехала в Бутырку. Провожал меня один товарищ, Фёдоров Иннокентий Платонович, чудесный человек, всегда его помню, что в трудную для меня минуту поддержал и не побоялся сопровождать меня, как некоторые струсили. Приехав, я подошла к часовому, он указал мне, куда идти. Путь до

нужного здания был длинный, и я буквально волоком тащила корзину, набитую книгами, и постельный мешок. Наконец, я достигла нужного мне здания. Провели меня в комнату, довольно большую, с каменными стенами и одним окном. Посредине стоял деревянный стол и вокруг скамейки. Мне указали сесть на одну из них. Я была полна тревожного ожидания. Через некоторое время вошёл Саша, я его сразу не узнала — он был с бородой и какой-то совсем другой. Вошёл бодрым шагом и сел на скамейку за стол напротив меня. Свидание было короткое — 30 минут. Ну что скажешь в эти минуты? Я была охвачена волнением, старалась в то же время не показать его, старалась вглядеться в его лицо и понять всё, что с ним происходит. Я ему сказала, что он заблуждается, что сегодня в газетах напечатано, что Радек, Смилга и другие отошли от оппозиции, что верхушка осознала свои ошибки и сняла свои подписи с оппозиционной платформы. Он ответил, что всё это знает, но готов претерпеть наказание. Мне показалось, в нём было что-то от народничества, когда люди шли на жертвы во имя своих идей, не оценённых народом. Я ждала от него, что он скажет, как мне дальше жить, но он был возбуждён и всё старался убедить меня в правоте своих идей. Потом он сделал знак, я поняла, что он хочет передать письмо какое-то. Я раскрыла сумочку, и он бросил незаметно для часового свёрточек бумажки. Во время свидания у двери сидел часовой, периодически смотрел на часы и щёлкал крышкой через каждые 10 минут. Звук этого щёлканья мне не забыть никогда, как удары молота по сердцу. Наконец, ещё щелчок и безразличный голос: «Свидание окончено». И так мы расстались, не сказав друг другу ничего о будущей нашей жизни.

Выйдя из комнаты, я не выдержала и горько заплакала и всю дорогу до улицы Герцена шла пешком. Придя домой, я вынула записку, надеясь,

что там будет письмо лично ко мне, но и там были одни сплошные политические идеи.

Его осудили на три года и сослали в Челябинск в политизолятор. Я вернулась в Ленинград, потрясённая всеми событиями, и вскоре уехала на каникулы к родителям в Тамбов. Там я заболела, начались нервные галлюцинации. Я по ночам кричала, не могла спать одна, и со мной ложилась мама, тогда я засыпала. Вскоре открылся туберкулёз лёгких, который развивался молниеносно, врачи пожимали плечами и не знали, в чём дело. Потом я всё рассказала про себя, почему и отчего. В ноябре я написала Саше, что я больна, что пусть он знает правду обо мне, как я когда-то узнала о нём. В ответ я увидела в «Правде» фамилию его, отошедшего от оппозиции. В январе 1930 года он вернулся, страшно потрясённый».

Моя дочь Таня в 2018 году обратилась в ФСБ с просьбой об ознакомлении с делом своего деда. Получив дело, мы узнали, что А. С. Краснов был приговорён Особым совещанием ГПУ 26.06.29 г. (не судом!) к трём годам заключения в политическом изоляторе по статье 58–10**. По рассказам мамы, когда у неё открылся туберкулёз, она написала отцу: «Если хочешь видеть меня живой — отказывайся от всего…» Он написал заявление: «Идеологию троцкистской оппозиции не разделял и не разделяю» — и его… отпустили 14.10.29 г. Время было ещё «вегетарианское». Интересно, что он был отпущен, но считался судимым до 1953 года, когда был реабилитирован. Недаром моя мама ничего не рассказывала, считая, что это не даст мне возможности учиться.

** *«58–10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы».*

И снова мамины воспоминания:

«Его восстановили в Тимирязевке, дали окончить её, заплатили за все месяцы стипендию, но в кандидатах партии не восстановили. Саша окончил с/х академию им. Тимирязева и получил назначение на работу в Северный Казахстан в станицу Щучье, куда мы приехали в феврале 1930 года».

Вот что писала мама в дневнике, когда они жили в Казахстане:

«Дорог он мне и люблю его со всей нежностью. Попался его дневник. Вспомнилось всё пережитое. Как он хорошо обо мне думает! Захотелось больше для него делать и не заниматься глупыми мыслями. Что они по сравнению с тем большим, что нас соединяет».

«Вчера немного поссорились. Он расплакался. Мне было невыносимо больно за его обиды, забыла свои обиды, и хотелось одного, чтобы он был покоен. Как мать готова жертвовать ради ребёнка всем, так и я готова ради него сделать всё. Люблю его, он меня любит 5 лет. Сашка, родной мой, любимый, жизни нет без тебя, ты мой стимул ко всему хорошему в жизни».

В 1931 году семья вернулась в Москву, у них родился сын Лёва, а в 1933 году, после очередной командировки, отец заболел сыпным тифом и умер.

В 1937 году бабушка Катя уничтожила всю переписку отца и матери. Однако она сохранила тетрадку с маминими записями и книги отца. Читая мамин дневник, думаю, какой же удар постиг её, когда умер отец!

Дом в станице Щучье

И ещё: беда не приходит одна, она как карточный домик — только тронь. Бабушка Екатерина Александровна едет к Капочке помогать растить внука Лёву. Но дед Фёдор Александрович остался один, без собственного жилья, живёт у старых добрых знакомых Ромашиных. В письме сыну Алёше он пишет: «Со смертью Саши Краснова и моя семейная жизнь потряслась и разбилась: в преклонных летах приходится одному бобылём коротать, может быть, последние дни старости. Да будет во всём воля Божья святая на меня грешного». Он умер в 1938 году в одиночестве, простудившись в очереди за керосином.

Об отце

Я мало что знаю об отце и его «клане», т. к. фактически прожил всю жизнь в ареале Викторовых. Но здесь постараюсь коротко изложить крупицы услышанных рассказов и даже легенд.

Мой дед Семён Иванович Краснов появился в Тамбовской губернии откуда-то из Костромы. Поэтому в Карай-Салтыкове, где он обосновался, никаких родственных ветвей не осталось.

Держал он мелкую лавочку, были у него и коровы, и овцы, но лошади, кажется, не было. Жил, видимо, не очень богато, т. к. имел дом «несолидный» — саманную мазанку под соломенной крышей (напротив стоял каменный дом под железной крышей).

Было у него семеро детей. Младший — Саша, мой отец (родился 8 июля 1902 года). Потом у Семёна Ивановича умерла жена, моя бабушка (даже имени её я не знаю). Семён Иванович женился ещё раз — нашлась такая храбрая, «пошла на семерых детей». Звали её Анна.

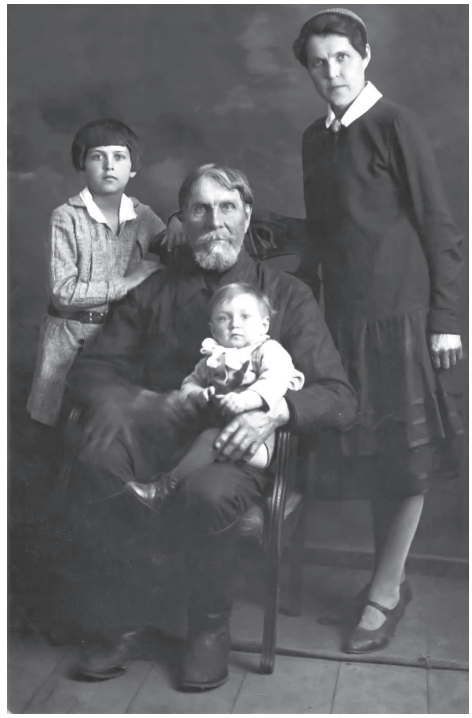
Как прожили революцию — не знаю, но, видимо, Красновы были «активные». Про брата отца Терентия говорили — «старый большевик», сам дед пользовался уважением сельчан, был председателем сельсовета. По рассказам, называли его мужики Семён Иванович и уважительно снимали шапки.

Отец окончил в 1915 году «Курс учения во 2-м Карай-Салтыковском народном училище». В свидетельстве об окончании училища записано: «Сын крестьянина».

В документах отца за 1925 год значится: «Род занятий — хлебопашец». Отец был в комсомоле вожаком (с ноября 1919-го по февраль 1923 года являлся секретарём ячейки ВЛКСМ Карай-Салтыковской волости).

В 1925 году он окончил Тамбовскую губсовпартшколу, а с 1925-го по 1929 год учился в Тимирязевской академии.

Во времена антоновщины его искали, но он сумел спрятаться (как будто бы помогла Людмила Филипповна).

Я на коленях у деда Семёна Ивановича, слева стоит Лёля, справа тётя Паша

Видимо, в академии были сильны антисталинские настроения и симпатии к Троцкому. Отец был настроен именно так. Поэтому в 1929 году он попал в тюрьму — это подробно описано мамой.

Его друг Николай Петров «сел» в 1937-м и отсидел больше десяти лет. Когда вернулся, выглядел столетним стариком.

Личностью отец был интересной, пользовался успехом у друзей-приятелей и у девушек, хотя по характеру был мягким. Его любили и в семье Красновых, и в Викторовском окружении. Помню какие-то тёплые слова Марии Владимировны об отце. Лёля (дочь тёти Паши, сестры отца) рассказывала, как он за ней ухаживал во время болезни, отмечала заботливость и умение нежно укрыть и приласкать…

Роман с моей мамой был, наверное, бурным (вспомним сцену на середине озера!), хотя отец и оказывал знаки внимания другим девуш-

Мои родители с родными отца. Слева направо: отец, мама, тётя Паша, её дочь Лёля, жена дяди Терёши Ефросинья, дядя Терентий

кам. Однажды отец захотел избавиться от какой-то своей пассии. Подговорил приятеля прийти к ней с букетом цветов, а сам нагрянул в это время. Дальше — немая сцена…

В 1929 году он вёл подготовку 25-тысячников, мобилизованных на работу в колхозы. От них получил благодарственный адрес за хорошую работу, который остался в деле ЦК РКП (б). В 1930-м прошёл «чистку» в совaппарате.

Официально специальность отца называлась так: «Агроном-организатор сельскохозяйственной кооперации». Поэтому работа была связана с разъездами. Одна из командировок закончилась сыпным тифом, и 22 апреля 1933 года отец умер.

О маме

О семье Викторовых написано уже много. И моими братьями Семёновыми, и самой мамой. Здесь — лишь несколько добавлений. Мама окончила педагогический институт в Ленинграде. Жила в общежитии. Её соседка болела туберкулёзом и пренебрегала правилами гигиены, и мама заразилась.

По окончании института она работала преподавателем в младших классах с 1926-го по 1930 год. Но потом по состоянию здоровья преподавать не смогла, поэтому после смерти отца устроилась лаборантом в патологоанатомическую лабораторию Ветинститута. Здесь она освоила сложное и тонкое дело — изготовление препаратов для диагностики изменения тканей организма при различных заболеваниях. Делалось это с помощью прибора под названием «микротом» — инструмента для приготовления супертонкого образца ткани, который затем окрашивался специальным раствором. Толщина среза ткани была порядка 0,05–0,1 мкм. Без таких препаратов ни один аспирант не мог

выполнить свою научную работу. К маме стояла очередь из аспирантов, желающих получить материалы для своих научных работ.

Когда я вижу сцену пикника в фильме «Москва слезам не верит», где хвалят незаменимость талантливого механика Гоши («Когда Гоша заболел, вся научная работа в НИИ остановилась»), я вспоминаю маму.

Конечно, маме приходилось туго одной, хотя у нас всегда были друзья. Помощи от старшего брата отца, Терентия Семёновича, было немного. Я помню, в годы войны однажды получил от него «ордер» на американские ботинки. Они были очень красивыми, но с картонной подошвой.

Какое-то время мы жили вместе с сестрой отца тётей Пашей и её дочерью Лёлей. Потом жили одни. Все мои тётки очень любили отца и помогали нам по мере сил. Но они были далеко, а близкая тётя Паша была в той же ситуации, что и мама — одна, без мужа, с дочкой Лёлей, которая старше меня на пять лет.

Помогали Викторовы. Особенно дядя Саша и тётя Наташа. Бабушка Екатерина оставила деда Фёдора и приехала к маме растить меня. Я помню о ней много хорошего.

Маме симпатизировали многие мужчины. По рассказам я вспоминаю Казимира Иосифовича Вертинского (профессора из Ветинститута), Бориса Карловича Боля (заведующего кафедрой патанатомии, где работала мама). Перед войной бывал у нас в гостях цыган Яша, а перед самой войной — студент Вася Литвиненко. Последний, уходя на войну, оставил свои вещи и документы у мамы. С войны он не вернулся. Я потом щеголял в пальто и курточках, переделанных Людмилой Филипповной из его костюмов.

После войны мама познакомилась с Сергеем Владимировичем Злобиным. Хотя мы и жили разными домами, но это был добрый,

С. В. Злобин

хороший союз. Он дал мне сводную сестру Ирину и её окружение. Сергей Владимирович был крупным специалистом в области лесного хозяйства. Умер в 1947 году. Я был у него в больнице за час до его смерти.

Примерно в 1955 году в жизни мамы появился Лев Николаевич Кацауров. Их союз был счастливым, они несли друг другу радость и тепло. Лев Николаевич прошёл войну, был механиком-водителем тяжёлых танков. На привалах он вырезал из дерева миниатюрные шахматы и обучал игре своих сослуживцев. Эти шахматы сохранились — сын Л. А. Кацаурова Алексей подарил их моей дочке Тане.

По профессии Лев Николаевич был физик-экспериментатор, работал у академика Сергея Ивановича Вавилова. Вернувшись с войны, Л. Н. Кацауров проводил исследования, необходимые для создания водород-

Лаборатория Вавилова до войны. Вавилов сидит (в костюме), Лев Николаевич стоит сразу за ним справа

ной бомбы, получил за эту работу Сталинскую премию. Ушли мама и Лев Николаевич из жизни почти друг за другом. Лев Николаевич — летом 1992-го, мама — осенью 1993 года.

Эпилог

Между братьями и сёстрами Викторовыми до последних их дней царили взаимное внимание, дружелюбие и любовь. Вот что отмечает в своих записках Людмила Филипповна:

«Вот две сестры, а какие разные. Капочка недавно была на дне рождения Танюши — сколько достоинства и даже красоты она имеет, несмотря на седые волосы. Яркий взгляд умеющих думать карих глаз, прямая фигура, умные движения и выдержка как-то особо выделяют её среди окружающих. Обеих их, Наташу и Капочку, я люблю, с обеими прошла моя молодость и теперь близость прежних дней осталась…»

Л. А. Краснов

МОЙ ПЕРВЫЙ ТАЙМ:1931–1954

Листаю Катаева, «Волшебный рог Оберона»… Этот стиль мемуаристики мне очень нравится: не последовательное изложение, а только яркие пятна воспоминаний.

Постараюсь и я нарисовать какие-то яркие куски начала своей жизни. Может быть, из этого возникнет цельная картина — образ ушедших лет, куда будет интересно заглянуть.

До войны

Смутные воспоминания

Я родился в 1931 году в известном родильном доме имени Грауэрмана на Арбате. Первое смутное воспоминание (а может быть, сон?): какая-то станция, почему-то варёная кукуруза, и это связано с отцом. Дальше в памяти провал.

Отец умер в 1933 году. Дружная семья Викторовых помогала маме, и я стал своеобразным «сыном полка» — меня брали к себе на лето мамины родственники. О них — в тексте «Братья и сёстры Викторовы».

Малые Кочки (теперь улица Доватора) — московская улица в районе Усачёвки.

Смутно помню детский сад в доме у метро «Спортивная»: первый приход, звон погремушек.

Быт тех времён

В нашем доме на кухне была плита, которая топилась дровами. Так же топилась колонка в ванной. В качестве холодильника использовали нишу под подоконником на кухне, имевшую маленькое отверстие наружу стены. Отопление квартир — централизованное, котельная во дворе. Осенью там сгружали уголь — получалась большая гора.

Мы с мамой на Малых Кочках

Я третий слева – самый высокий

Готовили еду либо на керосинке, либо на примусе. Керосин привозили во двор в специальной бочке на телеге. Раздавался крик: «Керосин привезли!» — и выстраивалась очередь с бидончиками. Приходили во двор старьёвщики и тоже кричали: «Старьё берем!!!»

Воронеж

Более осознанное воспоминание — я на даче у дяди Саши в Воронеже. Самые яркие штрихи: меня забодал телёнок и приезд с работы на дачу Людмилы Филипповны. У неё с собой термос с мороженым — работала где-то «на холодильнике». Воспоминание о ГАЗике, на котором ездили в лес на охоту — запах кожаных сидений.

Учусь есть с вилки. Беру жареную картошку, насаживаю её на вилку, подношу ко рту и снова снимаю рукой. Примерно в то же время дядя Саша учит меня дудеть в охотничий рог. Советует: закрывай

Тот самый охотничий рог

попу, иначе ничего не получится. Я послушно выполняю, все хохочут. Потом его приезд из Америки. Привёз мне в подарок надувной дирижабль. Стал его надувать, а дирижабль лопнул!

Саратов

Потом были поездки в Саратов на дачу к тёте Наташе. Там собирались её дети — Коля, Вова, Витя и дети дяди Володи — Дора и Лиля. Дача была недалеко от железной дороги. Помню, уезжающая мама махала рукой из проходящего поезда и, может быть, бросала какой-нибудь гостинец.

Бабушка Катя

Чем-то недовольная бабушка Катя, добрейшая душа, лупит меня полотенцем (конечно, совсем не больно), приговаривая: «Красновщина!» Характерная деталь — на столе на «бабушкином» месте всегда стояла маленькая чашечка чая с какими-то

На крыльце сидят: Дора, я, моя мама. У неё на коленях Вова

В Саратове. Все дети играют возле дачи

фруктами. Подумаешь о её судьбе — печально… Что там «Дальше тишина…» Она приехала к моей маме помогать растить меня, когда умер отец, а дедушка Фёдор остался один в Тамбове без своего угла. Где его могила, уже не найти.

Челюскин и Чкалов

Помню, что события, связанные с гибелью Челюскина и перелётом Чкалова через Северный полюс в Америку, нас очень волновали. Может быть, гибель Челюскина помню не прямо, а по толстой книжке об этой эпопее. Книга была в семье братьев Якубовичей: Спартака (Патик) и Одиссея (Одик). Они жили этажом выше. Я с ними контачил. Патик впоследствии где-то сгинул, может быть, в тюрьме, а Одик работал в киноархиве.

Перелёт Чкалова переживали «в реальном времени». С тех дней у меня хранится книжка «Сталинский маршрут» об этом перелёте.

Первые книги

Читал что-то про ЭПРОН (экспедиция подводных работ особого назначения) и водолазов. Мама сшила куклу-водолаза — я выкидывал её из кровати «под воду». А кровать была с верёвочной сеткой — таких не было уже ни у Ани, ни у Маши, моих внучек.

Начал читать я очень рано. Одно из первых тёплых воспоминаний — «Детство Никиты» Алексея Толстого. Потом, когда появились Таня и Денис, эту книжку они тоже прочли одной из первых.

В школу пошёл перед войной в «нулёвку». К тому времени прочитал «Чёрную стрелу» Стивенсона и, воображая себя его героем, выбирал себе в классе принцессу.

Первый лыжный поход

Очень запомнился поход по Воробьёвым горам, который устроил мне Анатолий Иванович Потехин (товарищ по МЭИ Коли Викторова), снимавший комнату у соседки по квартире. Мы прошли на лыжах от одного окружного моста до другого. А главное, преодолели длинный спуск с горки, тогда мне показавшийся огромным и крутым. Конец пути — у Андреевского монастыря, который сохранился до наших дней.

Первая ёлка

Перед самой войной мама устроила дома ёлку. Кто-то, может быть, Терентий Семёнович, брат моего отца, принёс огромную коробку с ёлочными игрушками. Игрушки были потрясающие, ручной работы. Запомнились сделанные из ваты Дед Мороз и очаровательная девочка на качелях. Теперь они «живут» у Тани.

Кубинка, канал Москва — Волга

Ещё пара довоенных впечатлений: поездка в Кубинку, в военные лагеря к дяде Серёже. Видел тренировки кавалеристов: скачки, рубку лозы. А потом Мария Владимировна (фактически член семьи Викторовых) устроила мне путешествие на пароходе. Мы проехали совсем немного по каналу Москва — Волга. Путешествие было коротким, но осталось в памяти.

С мамой в гостях

Были с мамой в гостях у какого-то мальчика по имени Илюша. Поразил меня маленький игрушечный паровозик, сделанный исключительно изящно и точно, блестевший эмалированными деталями.

Война

22 июня 1941 года

Я в гостях на даче у Зои Дмитриевны Шостакович, сестры Дмитрия Шостаковича, маминой подруги. Дом из свежевыстроганного дерева (запах!..) Сообщение о начале войны и озабоченные военные, едущие на грузовиках.

Первые бомбёжки. Мама увезла меня на дачу к тёте Паше. Надо же, немцев не пустили к Москве, и они побросали бомбы в Подмосковье (дача находилась то ли в Томилино, то ли в Кратово). Мы сидели в щели, вырытой специально для защиты от взрывов. Земля дрожала от свиста падающих бомб, от взрывов, раздающихся совсем недалеко. Со стенок щели осыпалась земля. Было очень страшно!

Переехали снова в Москву. Первые дни в московских магазинах есть всё. Бомбоубежище уже в подвале дома. Чувствовал себя абсолют-

но спокойно. (Забегая вперёд, скажу: когда были бомбёжки в Саратове, я уже считал себя «бывалым» и лазил на крышу смотреть, что происходит во время налётов).

Первая коллекция: осколки от снарядов и бомб, стабилизатор зажигалки. Около завода «Каучук» — огромная воронка от фугасной бомбы. Ходили смотреть на площадь Революции сбитый немецкий бомбардировщик.

В Саратове

Осенью 1941 года мама отвезла меня и бабушку Катю в Саратов. Бабушка жила у дяди Володи, я — у тёти Наташи.

У меня не осталось чёткой хронологии жизни в Саратове. Помню, жили в красном кирпичном доме на улице Чернышевского. Двор дома был в виде замкнутого каре. Внутри двора стояли сараи, там же — погреба с запасами. Вкуснее саратовских солёных помидор той поры

я ничего не знаю. Где-то вблизи находился крутой Глебычев овраг. Учился я в какой-то очень старой школе (наверное, раньше там была гимназия). Зимой в школе было очень холодно. Мёрзли руки, бывало, замерзали чернила (с тех пор у меня суставы пальцев слегка «пухлые»).

Ходили зимой на лыжах на Волгу. Река у берега была загромождена торосами. Однажды, когда я возвращался один, старшие парни отняли у меня варежки — чёрные, шерстяные. Потом боялся вернуться домой.

Во двор рядом с нашим привезли девочку из Ленинграда, из блокады. Играли вместе во что-то, но я очень стеснялся.

Было, конечно, голодно. Наверное, прокормить такую ораву удавалось благодаря командировкам дяди Коли. Он работал в противочумном институте «Микроб», у него была очень важная работа, поэтому он не попал в армию.

По мере сил каждый что-то делал по дому. Надо было заготавливать дрова: пилить, колоть. Стоять в очереди за хлебом. Очередь была длинная, на руке писали номер чернильным карандашом. Запомнился особый саратовский хлеб вроде большого пирога с присыпкой — «кух». Всё это было, конечно, по карточкам. Весной ездили за Волгу сажать картошку. Помимо самой работы запомнилось приготовление кулеша — жидкой пшённой каши с картошкой. Костёр был из кизяков — сухого коровьего навоза.

Комендантский час

Однажды со мной произошло ЧП. Я поехал что-то делать на огороде один. Собираясь обратно, обнаружил в яме с водой много мелких рыбёшек. Стал их, конечно, ловить (яма вроде маленькой старицы). Наловил, но опоздал на поезд и попал под комендантский час. Добрался домой поздно, дома был переполох. На другой день тётя Наташа

послала меня на рынок «Пешка», что рядом с домом, продавать улов, что я и сделал. Вырученный «эквивалент» равнялся половине буханки чёрного хлеба.

Рынок, конечно, был фантастический! Помню гадание с помощью записочек, которые вытаскивала какая-то птица. Крики «рекламщиков» тех дней:

Махорка «Вырви глаз» —
Походи, рабочий класс!
Подходи, народ —
Свой огород!

Вход на рынок «Пешка»

Танки на берегу

Но война была близко — рядом Сталинград. Однажды на берег выгрузили огромное количество подбитых танков — наших и немецких. Несмотря на охрану, мы, конечно, в них лазили.

Ещё раз о … еде

Несмотря на суровое время, о детях всё же заботились. Я помню, был в пионерском лагере на 12-й Дачной в Саратове. Там среди детей находилось много испанцев, привезённых из самой Испании.

Поскольку я числился «ослабленным» (когда я родился, у мамы был туберкулёз), мне сравнительно регулярно давали талончики в диетическую столовую (это было и в Саратове, и потом в Москве). До сих пор не могу понять, из чего тогда приготавливались некоторые блюда: какие-то большие мучные горошины (диаметром ~ 4 мм), но явно не макаронного происхождения. Всё равно было голодно, поэтому при каких-то обстоятельствах могли совершаться «неуправляемые» поступки. Например, помню эпизод в Саратове, когда я тайно ложкой ел топлёное масло из банки, чем очень расстроил тётю Наташу. В Москве, у Марии Владимировны, я дорвался до шпрот и потом долго не мог их даже видеть. А вообще в воспоминаниях самые вкусные лакомства той поры — американская тушёнка, яичный порошок и сухое молоко (порошок и молоко я мог есть просто ложками!).

И ещё штрих из саратовских впечатлений. Вкуснейшим лакомством тех времён был «колоб» — плитка высушенных жмыхов подсолнечника толщиной 1,5–2 см. Он продавался на рынке.

Братья Семёновы

В нашей домашней компании тон, конечно, задавал Коля. Он старше меня на год. Он сочинял какие-то игры, связанные с войной. Рисовал большой план расположения «войск», и дальше что-то куда-то двигалось. Витя и Вова были младше нас. Пока работал детский сад, я их туда водил. Помню одно ЧП, связанное с Витей. Я его катал на шее, изображая коня, а он, как бравый кавалерист, трубил в игрушечную трубу. Я решил изобразить коня норовистого и сбросил Витю с себя на диван. Он ударился о трубу, и было много слёз.

Слева направо: Вова, Витя, Коля

У дяди Володи, где поселили мою бабушку, было двое детей: Лиля и Дора. Но мы редко виделись

Семья жила очень дружно. Читали вслух. То ли тётя Наташа, то ли дядя Коля очень любили читать «Лес шумит» Короленко. Каким-то образом мама прислала мне в Саратов (или купила перед войной) книжку Камиля Фламмариона «Астрономия». Я читал её с упоением, и удивление перед бесконечностью мироздания было безграничным.

Москва. Улица Герцена. Скарятинский переулок

В 1943 году меня отправили в Москву с каким-то родственником тёти Ани (это был полковник, дважды орденоносец ордена Красного Знамени). В доме Марии Владимировны, где жила в то время мама, я появился в более чем живописном виде: в соломенной шляпе, в бумажных брюках в полосочку (новые, купила тётя Наташа) и босиком (в те годы и позже я много ходил по Москве босиком, хотя мне и купили какие-то бутсы).

В моё отсутствие мама жила у Марии Владимировны Вороновой — друга семьи Викторовых и, прежде всего, дяди Серёжи. Понятно, почему: проще поддерживать «жизнедеятельность». Поэтому в первый год после моего возвращения (1943–1944) мы продолжали жить у неё.

Я ходил в школу в Трубниковском переулке мимо огромного дома, в котором позже снималась сцена из фильма «Романс о влюблённых». Этот год в школе мне ничем не запомнился. Помню только, что у меня был приятелем мальчик по фамилии Красовский, сын авиационного маршала. Потом мы как-то разошлись.

А вот дом Марии Владимировны оставил много интересных воспоминаний — и как строение, и — особенно — интересными жильцами и гостями.

Мы обитали на втором этаже, в одной комнате, разделённой на три клетушки. В одной из клетушек жила Ирина Львовна, бывшая жена дяди Серёжи, с новым мужем Семёном Ханаановичем Гушанским. Она сошлась с ним, когда дядю Серёжу арестовали и посадили «за брата». Я знал их ещё с довоенных времён, они были артистами Детского театра. Помню их в пьесе «Снежная королева». Ирина Львовна была очень красивая женщина и прекрасно играла маленькую разбойницу. Я бывал у неё за кулисами, очень мне понравился её «разбойничий» пистолет с широким раструбом. А Семён Ханаанович играл волшебника. Помню его волшебное заклинание: «Снип, снап, снурре, пурре-базелюрре!» Потом Семён Ханаанович служил в театре им. Ермоловой. Помню его в роли Жуковского в известной пьесе «Пушкин», где Пушкина играл Всеволод Якут. Пьеса произвела на меня огромное впечатление. Уже много позже я не попал на юбилей Гушанского в театре. Жаль — там много читал Евтушенко.

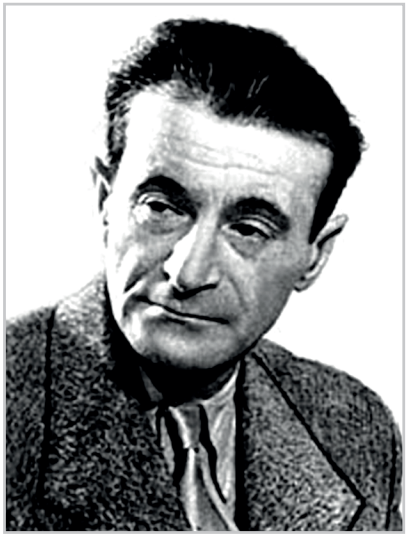
В двух отдельных клетушках жили мы с мамой и Мария Владимировна. В нашей клетушке находилась диванная стенка чёрного дерева с резными физиономиями каких-то кричащих монстров (до войны меня ими пугали, называя «хабиасами»). На диванчике у этой стенки я спал. В «гостиной» у Марии Владимировны стоял круглый стол с мраморной столешницей и красивыми инкрустациями. Над столом нависал низкий абажур (почти как в «Белой гвардии» у Булгакова), расписанный самой Марией Владимировной.

Она была очень интересным человеком. По преданию, её муж, полковник царской армии, погиб в Первую мировую войну. Она была единственной владелицей дома, в котором мы жили, и добровольно передала его Советской власти, оставив за собой всего одну комнату. Опять же по преданию, дядя Серёжа был её вторым мужем, а потом встретил Ирину Львовну и женился на ней, но они все вместе остались жить у Марии Владимировны. До революции она занималась конным спортом. Помню её фотографии на лошади верхом. (Перед уходом из жизни она уничтожила все свои фотографии.) После революции зарабатывала на жизнь разными художественными промыслами, в том числе вышивкой — вышивала знамёна. Почему-то в моей памяти довоенной поры осталась красная сумочка, вышитая белыми «фашистскими» знаками, которые она потом зашивала красными нитками.

Мария Владимировна была человеком огромной душевной доброты. Готова была помочь всем, никогда никого не осуждала. Любила возиться с детьми своих друзей.

За круглым столом вечерами собирались за немудрёной трапезой. Вели интересные разговоры, приходили интересные гости.

Михаил Светлов. Фаина Раневская

Михаил Светлов

В друзьях у Семёна Гушанского был поэт Михаил Светлов, который знал и мою маму. Помню его, зашедшего «на огонёк», в военной шинели (он был военным корреспондентом).

Как-то Гушанский читал свежее стихотворение Светлова, которое почему-то нельзя было публиковать. Почему? Я его и сейчас помню (пишу по памяти, а не по книжке!)

Чёрный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, —
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый…

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далёком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришёл с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землёй Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился…

А вот дальше не помню.

(… Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным учёным изучена?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далёких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного…

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застеклённое в мёртвых глазах…
1943 г. — Ред.)

А на первом этаже жила Фаина Георгиевна Раневская. Я её не помню, но мама была с нею в контакте. Помню разговоры в нашем кругу о Завадском, о Вульфах и т. п. Когда читал воспоминания о Раневской той поры, чётко угадывались и этот дом, и его главная примета — дворник татарин по имени Хабибула. На одной из довоенных фотографий он снят с компанией Викторовых. Дом и сейчас стоит на своём месте (угол улицы Герцена и Скарятинского переулка). Какое-то время там шли съёмки передачи «Что? Где? Когда?». Сейчас в нём располагаются закрытый клуб и еврейский культурный центр.

Увлечения

На улице Герцена началось моё увлечение электричеством. Помню, с мальчиком-соседом по имени Дима мы делали пультики для включения каких-то приборов.

Потом у меня собралась целая коллекция марок. Марки были трёх сортов: «свежие» марки, посвящённые войне; марки иностранные, источники которых тогда были непонятны (мы их на что-нибудь выменивали) и марки царской России. Особенно красочными были марки земской почты с гербами России. В это же время я прочёл книгу С. Могилевской «Марка страны Гонделупы» — очень захватывающее чтение.

Малые Кочки

В 1944 году мы с мамой переехали на наши Малые Кочки, где у неё была одна комната в 16 квадратных метров. Две другие комнаты занимала семья Гришиных. Мать их, Мария Денисовна, сильно пила. Младший сын Гриша погиб в финскую войну. Он присылал мне бодрые письма с фронта (они, увы, не сохранились). А старший сын, Иван Михайлович, жил ещё очень долго, увлекаясь в разные времена разными делами: то он играл на скрипке, то занимался ремонтом старых приёмников (с моей подачи), то играл в волейбол.

На Малых Кочках я понял жестокость маминой болезни. Однажды у неё началось кровохаркание. Я с испугу вихрем домчался до поликлиники за кислородной подушкой (как у Высоцкого: «Восемь тыщ как на пятьсот..» — до поликлиники пешком минут двадцать).

Школа на Кооперативной

В 6–7 классах я учился в школе на углу наших Малых Кочек и Кооперативной улицы. У нас был очень «весёлый» класс (мальчишки тогда обучались отдельно от девочек), и некоторые эпизоды вполне достойны страниц книги вроде «Республики ШКИД». По тем временам школа была военизированной. На входе на посту стоял

Школа сложена из красного кирпича, в те времена она не была оштукатурена, и кирпичи давали хорошие зацепки

Мои усачёвские друзья. Слева направо: Юра Кузнецов, Люся Артамонова (будущая лётчица), Эрик Кочерян

ученик с винтовкой, конечно, с просверленным патронником. Вход и выход проверялись с очень большими строгостями. Для обхода этой ситуации я однажды на спор влез по стене (по кирпичным выступам) на второй этаж! Было жутковато, но я всё-таки это проделал!

Я презирал уроки литературы, считал их недостойным занятием. Только помню фразу нашей учительницы о Гоголе, о его улыбке «сквозь незримые миру слёзы». Ещё с тех времён я знаю Юру Кузнецова и Эрика Кочеряна, которые потом учились со мной в МЭИ. У Юрки была отвратительная манера скрипеть расчёской по стеклу, за что ему изрядно доставалось (обычно раздавался клич: «Опять Кузнецова бьют!»)

Первый радиоприёмник

К тем временам относятся первые шаги в радиолюбительстве. Первый толчок сделал мой двоюродный брат Коля Викторов, который

соорудил для меня детекторный приёмник. Потом он приволок свой ламповый приёмник, который я и сейчас помню. Его включение и работа казались каким-то таинством. Сверху были лампы, сотовые катушки.

Потом я собрал из готовых деталей свой первый настоящий приёмник — хороший по тем временам супергетеродин «СВД-9». По нему можно было слушать не только «Маяк», но и на коротких волнах Би-би-си и «Голос Америки».

Радиолюбители «с хулиганским уклоном»

А потом из ребят нашего класса образовалась компания, которая занималась тем, что немножко «чистила» склады приёмников, конфискованных в первые дни войны, и умыкала разную аппаратуру с выставки образцов трофейного вооружения, которая была развёрнута в Парке культуры им. Горького. Немецкая аппаратура была выполнена очень солидно в отличие от американской (начав работать, я понял, что в области монтажа мы учились у немцев).

Дома же у меня была целая лаборатория по разборке этих трофеев. Помню ребят из этой компании: Еленского и Куприянова. Куприянов («Куприк») был грозой нашего района. Потом его осудили за кражу мотоцикла, а после тюрьмы Куприк работал в радиоремонтной мастерской.

ВЫСТАВКА ОБРАЗЦОВ
ТРОФЕЙНОГО
ВООРУЖЕНИЯ
ЗАХВАЧЕННОГО У НЕМЕЦ

БРОНЯ 100мм
БРОНЯ ПРОБИТА
ПОДКАЛИБЕРНЫМ
СНАРЯДОМ 57мм
ПУШКИ
БРОНЯ 65мм

Коля и Людмила Филипповна

В эти же годы у нас с мамой жили Коля и Людмила Филипповна. В те годы Коля был моим кумиром, это ему я обязан выбором профессии. Он был ярким, увлекающимся человеком, прекрасным рассказчиком. Прекрасно читал стихи. Его чтение «Облака в штанах» приводило слушателей в трепет. А Людмила Филипповна отсидела пять лет в Карагандинском исправительно-трудовом лагере (Карлаге) для членов семей «врагов народа» — из-за дяди Саши, её мужа, который был арестован в 1937 году. Он был осуждён за «вредительство» вместе с Варейкисом, руководителем Воронежского обкома (об этом деле писали в перестроечном «Огоньке»). Приговор — «10 лет без права переписки», т. е. расстрел. Потом его реабилитировали, но где он нашёл свою смерть, так и не ясно. Николай после реабилитации отца сдал все свои лауреатские сталинские медали в знак протеста против несправедливости властей.

По возвращении из лагеря Людмила Филипповна жила у нас нелегально, без прописки. Однажды по какому-то доносу к нам пришли с обыском, и она спряталась в ванне.

Помню ещё, у неё был ватник с крупными буквами «КАРЛАГ» на спине.

Военное кино

Главным развлечением в годы войны, конечно, было кино. Очень сильное впечатление произвёл документальный фильм о победе под Москвой. Дело было в Саратове, и все валили валом на этот фильм. Запомнился из тех времён фильм с Марком Бернесом и Борисом Андреевым — «Два бойца», боевые киносборники. Почему-то вспоминается название «Ночь над Белградом» и песня:

Ночь над Белградом тихая
Вышла на смену дня.
Вспомни, как ярко вспыхивал
Яростный гром огня.

Вспомни годину ужаса,
Чёрных машин полёт…
Сердце сожми, прислушайся:
Песню ночь поёт!..

Когда я прочёл книгу Татьяны Окуневской «Татьянин день», то узнал, что эту песню исполняла она. Запомнились ещё два фильма: «Леди Гамильтон» и «Джордж из Динки-джаза» (весёлая комедия).

Сводки с фронта

Конечно, мы болели военными сводками. У меня была карта (она сохранилась), на которой я отмечал линию фронта. Всегда внимательным образом слушал сводки Совинформбюро или приказы Верховного главнокомандующего, после чего можно было ждать салюта.

Первый салют я увидел на улице Герцена. А сообще-

ние о победе услышал поздно вечером, почти ночью, на Малых Кочках. Люди все выскочили из своих квартир, был какой-то взрыв радости. Но ничего, кроме эмоций, не помню.

После войны

Школа имени Ворошилова на Усачёвке

В 8–10 классах (1947–49 годы) я учился в другой школе: имени Ворошилова, на Усачёвке. В классе была большая группа парней из интерната — дети специалистов, работающих за границей. Остальные были все свои, усачёвские.

Из самых сильных школьных впечатлений тех времён — учитель истории Пётр Васильевич Гора. Он учил нас только один год в восьмом классе. Молодой, подтянутый, со значком ГТО (это было очень уважаемо!). Мы с замиранием слушали его рассуждения, получали от него первые сведения о диалектике. Именно он привил нашему классу любовь к гуманитарным наукам. Многие ребята пошли по гуманитарным направлениям — даже следующая за ним «историчка», очень несимпатичная особа, не отбила этого интереса. Была очень хорошая преподавательница математики Софья Соломоновна (фамилию, к сожалению, забыл). Физика не помню. Казалось, что он всегда «чумной», и объясняет предмет очень невнятно.

Одним из интереснейших предметов 10-го класса была астрономия. В основном, не школьными уроками, а лекциями, проходившими в планетарии. Сходились в планетарий все десятые классы Москвы, и мужские, и женские. Лекции читал замечательный, теперь, наверное, уже легендарный Феликс Юрьевич Зигель. Слушали все заворожённо. Помимо лекций было неформальное общение. В зимнее время, кро-

Наш выпускной 10-б класс (16 мая 1949 года).
1-й ряд: Леонид Железняк, Юлик Фатеев, Игорь Посошков, Юра Иванов, ?, Миша Погорелый, Марат Пальников, Володя Мондрус, Карадо, Галина Евгеньевна Пешехонова, Георгий Дмитриевич Щипакин, Мамиконов, Пётр Васильевич Гора, Алик Гоппен, Женя Чебоксаров, Лев Харлов, Миша Нефёдов, Сима Шурин, Валя Храмеев.
2-й ряд: Эрик Кочерян, Леня Брондз, Сидор Косоглядов, я, Борис Рунов, Женя Веселов, Софья Соломоновна, ?, Гозак, Геля Комаров, Витя Глейзер, Коля Шершаков, Арджум Рабинович, Кузнецов, Владимир Янков

ме шуток и разговоров, развлекались снежками. Вообще, эти три года до окончания школы были очень многоплановыми. Учились мы в то время раздельно с девочками, поэтому попытки завязать знакомства приобретали нестандартные формы. Наши контакты происходили в основном на танцевальных вечерах, в местной библиотеке и на катке.

Жизнь нас всех раскидала, но многие имена или хотя бы фамилии до сих пор в памяти. Лёва Харлов (слева), мой большой приятель тех времён, полностью подпадал под описание «стиляга» — шляпа, длиннополый пиджак… Общим у нас было радиолюбительство. Вадим Мантьев – тоже страстный радиолюбитель

На этом фото мы с Володей Пантереевым. Володя жил один — его мать убило камнем, когда она шла мимо стереокино

Танцы

Танцевали в те времена под радиолу. Здесь наша радиолюбительская компания играла большую роль: как же! — мы заводили музыку, приносили из дома и проигрыватели, и усилители с динамиками. Танцы проводили или на вечерах в школе, или на улице.

Наиболее яркое воспоминание из этой серии — танцы под моим собственным окном, где была открытая площадка. На мой подоконник ставили усилитель, проигрыватель, а пластинки нам давала молодая женщина с четвёртого этажа нашего подъезда. Это были пластинки «Белокорд Электро» с песнями Петра Лещенко. Помню слова и названия многих песен: «Помнишь, как на масляной в Москве …», «Татьяне», «Белочка», «Мишка» и другие. Пользовались успехом песни Леонида Утёсова. Кстати, об Утёсове: в те времена работал средневолновый радиомаяк (видимо, для привода самолётов, оборудованных автоматическими радиокомпасами, в район аэродрома), по которому беспрерывно «гоняли» именно Утёсова.

Библиотека

Наша местная библиотека (она располагалась в «красных домах», где сейчас ~~студия~~ Театра Джигарханяна) пользовалась большой популярностью. Неудивительно — дома мало у кого были свои библиотеки. Поэтому масса встреч происходила именно там. Способов представиться друг другу мы не знали, поэтому писали записочки вроде: «Давай дружить…» Как танцевальный, так и вечер в библиотеке до сих пор сохраняется в памяти в романтическом ореоле. Там я познакомился с первой девочкой, с которой был дружен. Её звали Тамара.

После школы она поступила в пединститут, и наши пути разошлись, она вышла замуж за моего приятеля Юру Кузнецова, радиолюбителя, учившегося в МЭИ на гидроэнергетическом факультете — ГЭФ.Но в школьные годы мы вместе гуляли, даже ходили в театр. В Большом слушали «Травиату». С Тамариной подругой Диной Ходанович я потом учился на РТФ.

С Тамарой

Юра Кузнецов

Каток

Культовым местом был каток, который пользовался бешеной популярностью. В ЦПКО им. Горького заливалось много аллей, гремела музыка. Но прорваться на каток было трудно, билеты брали с боем, в раздевалках всегда были толпы народа. Обычно мы отправлялись на каток большой компанией. Самым большим конькобежным асом был уже упоминавшийся мной Куприк.

…Когда я слушаю песню Визбора «Волейбол на Сретенке», она возвращает меня в те времена.

Спортивная школа

Большой кусок жизни того времени принадлежал спорту. Мы большой компанией ходили в детскую спортивную школу в секцию лёгкой атлетики. Участвовали в соревнованиях, и командный дух того времени вспоминается очень тепло. Именно там я заработал свою

первую спортивную награду — третий разряд по спортивной ходьбе. Ещё немного о спорте и спортивных развлечениях. Конечно, никакого приличного спортивного инвентаря мы не имели. Я сумел купить в комиссионке подержанные «норвеги», чем был страшно горд и доволен. Но пятка у ботинка была очень мягкой, приходилось сильно бинтовать ботинок, чтобы держал ногу. Поэтому было невозможно долго кататься без остановок. Позже я себе купил «канады», и с ними была та же самая проблема.

Велосипед был недоступной роскошью. Когда мне Куприк дал покататься свой велосипед на несколько часов, я носился в упоении и дело кончилось, увы, сломанной вилкой.

Мои первые лыжи были предназначены только для валенок, с мягкими креплениями. Импозантность такого инвентаря и моей спортивной формы хорошо видны на снимке при первом свидании с «Туристом». Потом, уже в институте, были у меня огромные (трофейные?) ботинки, мы их звали «студебекеры» по названию знаменитого военного грузовика. А крепления у них были пружинные, тоже немецкого образца «Кандахар».

Мои спортивные награды

На Спартакиаде детских спортивных школ Москвы, 12 сентября 1948 года. Некоторых из ребят помню. Слева направо: четвёртый — Марат Пальников, десятый — я, Лев Краснов, четырнадцатый — Игорь Посошков. Помню нашего тренера, которого мы очень уважали, но не помню его имени и фамилии (кажется, Комолов)

Наши игры

В наши послевоенные игры уже не играли ни во времена Татьяны, ни во времена Дениса, тем более не играют сейчас. Может быть, стоит сделать в них маленький исторический экскурс.

«Штандер». Мяч подбрасывается как можно выше. Все разбегаются, кроме ведущего. После поимки мяча все останавливаются, а ведущий должен «осалить» мячом любого. При удаче водит осаленный.

«12 палочек». На доску, лежащую на перекладине, кладут 12 палочек. От удара ноги по доске палочки взлетают вверх. Ведущий их подбирает, кладёт на доску и начинает искать разбежавшуюся команду. Если в это время кто-то незаметно подкрадывается к доске, палочки снова взлетают в воздух, и цикл продолжается.

«Чижик». Брусок (приблизительно 1,5х1,5х8 см) с заострёнными концами выкидывается битой одному из игроков. Тот должен уводить

«чижика» своей битой как можно дальше, пока кто-то не перехватит его.

«Лапта». Мяч ведётся битой вперёд по площадке. Надо так пробежать всю площадку, чтобы не оказаться осаленным ведущим.

«Ножички». Рисуется на земле круг. Игроки поочерёдно бросают ножик или просто острую палочку и постепенно делят круг на части, отвоёвывая землю.

«Расшибец» (разновидность «Пристеночка»). В стопку кладутся монеты. Битой (большой монетой) расшибается столбец монет. Задача — перевернуть битой все монеты на одну сторону.

«Жечка» («Жосточка»). Тряпка, набитая чем-то тяжёлым (вместо мяча!), подкидывается внутренней стороной ноги и удерживается от падения как можно дольше.

«Отмеряла». Что-то вроде игры в чехарду. Прыжки друг через друга с замером длины прыжка от стартовой позиции.

«Слон». Играли прямо в классе. На ведущего запрыгивают по очереди остальные, пока он не перестанет выдерживать вес и не упадёт.

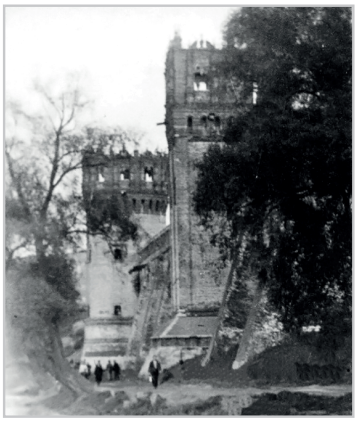
В «официальные» игры играли мало. Конечно, оставались волейбол и футбол, но я был не очень координирован, и это дело у меня не особенно шло. Очень нравилась игра в нечто вроде ручного мяча (модифицированное регби). Как ни странно, мне особенно нравилось бегать. Соревновательный азарт на дистанции давал очень много эмоций.

Прогулки

Ареал наших прогулок по району проходил от берега Москвы-реки за Окружным мостом (там располагался стадион «Трудовые резервы»), мимо стен Новодевичьего монастыря до большого сквера, где теперь находится выход из станции метро «Спортивная».

Наш двор

Новодевичий монастырь

Техническое хулиганство

Одним из излюбленных наших «технических хулиганств» было освещение уединённых парочек в сквере мощной фарой-прожектором от «Студебекера» с балкона дома напротив (там жили братья Ширенины). Сквозь прошедшие времена я не припомню каких-либо примеров злостного хулиганства в нашем районе (убийств, изнасилований и т. п.). Мы с мамой жили на первом этаже, но попыток грабежа никогда не было. Все жили с надеждой на новые послевоенные времена.

Весёлые ЧП

В школьную пору случались разные весёлые истории, связанные с общественными мероприятиями. Однажды, ещё пионером, пошёл на какой-то слёт, проходивший на стадионе на Красной Пресне. Решил сократить путь по хорошей тропинке. Увидев симпатичную жёлтую лужайку, я подбежал и прыгнул на неё. Каково же было изумление, когда я оказался по горло в воде! Это был маленький прудик, затянутый ряской. Захлёбываясь, я еле вылез, цепляясь за ветки (плавать тогда я ещё не умел).

Было очень весело ходить на демонстрации. Наш район проходил вблизи от Мавзолея. Это прибавляло энтузиазма. Сейчас не помню, но, наверное, я видел Сталина на трибуне. Помню демонстрацию 1 Мая под проливным дождём. Мы ждём своей очереди на Манежной площади. И, поскольку на нас смотрят из американского посольства, поём бодрые песни, естественно, о мире.

Ира Злобина

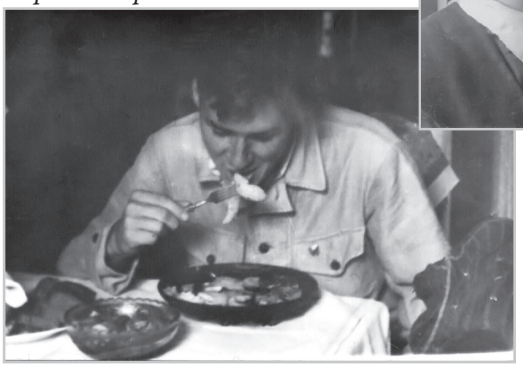
Много тёплых воспоминаний той поры связано с компанией моей сводной сестры Ирины Злобиной.

Ира — компанейский человек, всегда была центром притяжения друзей. Её окружали очень хорошие девочки: Лера, Лида, Нина, Лора. Все они были старше меня на год. Почему-то помню, как я переписывал им шпаргалки перед экзаменами в десятом классе.

Нина Козлова (слева) и Ирина Злобина

Ира кормила меня жареной картошкой

Поездки к дяде Серёже

К этому времени относятся мои поездки с Марией Владимировной в Кировскую (теперь Вятскую) область к дяде Серёже. После ссылки (его посадили как родного брата «врага народа») он обосновался там ветврачом в одном из совхозов. Женился на очень симпатичной женщине по имени Фаина. У них родились две девочки — Маша и Таня. В совхозе я хлебнул и деревенского воздуха, и ощущений деревенской жизни. Там же получил уроки верховой езды на лошади. Вид стада, заходящего в село вечером — вот, пожалуй, главное воспоминание, оставшееся в памяти о той поре. Был я у дяди Серёжи пару раз, и оба раза происходили приключения, связанные с выездом в Москву.

Первое: мы возвращались вместе с Марией Владимировной. На прямой поезд сесть было невозможно. Решили добираться на перекладных. На посадку прорывались в толпе. Нас с ней прижали к какой-то стенке, и я в сердцах крепко выругался. Она потом рассказывала: «Это так удивило меня! Лёвка так ругается, что откуда-то силы взялись, и мы сумели прорваться…»

С Марией Владимировной

В другой раз меня отправили в Москву одного. Посадили в телегу к какому-то парню, попросили довезти до вокзала. Ехать было долго. На половине пути мой проводник решил «согреться». Заехали в сельскую забегаловку, где нам налили по стакану водки. О закуске я не помню, думаю, её не было. Я смело выпил весь стакан, а потом анализировал,

как быстро пьянею, как у меня стали замедляться движения и начала заплетаться речь. Ну, ничего, мы всё же добрались до вокзала.

Работа в колхозе

Ещё о быте тех времён. У мамы на работе сотрудники сообща выращивали картошку. Я тоже принимал участие. Помню, меня посадили верхом на лошадь — я был её ведущим, а какой-то мужчина плугом вспахивал поле. От школы (классе в девятом или десятом) ездил осенью убирать урожай. Убирали картошку, капусту, горох. Мы были аховые работники, и какая-то часть урожая, конечно, оставалась в земле. Например, мы придумали убирать побеги гороха ногами, сматывая их в тюки. Но всё-таки что-то полезное, наверное, сделали. Нам начислили трудодни, и я помню гордость, с которой я еле приволок мешок овощей домой. Примечательно — работал коллектив мальчиков, но негативных, «неуставных», как теперь говорят, отношений я не помню.

Людмила Филипповна и моя куртка

С одеждой мне здорово помогала Людмила Филипповна. У нас в сундуке (это был старинный, обитый железными полосками сундук) хранились вещи пропавшего на войне знакомого мамы Васи Литвиненко — его костюм и пальто. Из пиджака Людмила Филипповна сшила мне куртку с молнией, очень модную по тем временам.

Выпускной класс

Сейчас понимаю, как тяжело было маме тащить меня. Она работала лаборантом в Ветеринарном институте и брала дополнительные работы — готовила препараты для соискателей диссертаций. Я бывал у неё в лаборатории. Она делала тончайшие срезы тканей животных

специальным прибором — микротомом и окрашивала их специальными красками. Такая работа хорошо описана Людмилой Улицкой, одна из её героинь занимается этим.

В 10 классе надо было выбирать свой дальнейший путь. Мама, конечно, считала, что нужно продолжать учёбу. К своему теперешнему стыду я не предлагал ей своей помощи, на работу не рвался. Я колебался между МГУ и МЭИ. Ходили мы с ребятами на лекции по физике в МГУ (ведь тогда была очень модна ядерная физика). Это было здорово, интересно. Но лаборатории МГУ тех времён (все приборы казались какими-то ретроприборами) меня не прельстили. А лаборатории РТФ МЭИ (осциллограф меня заворожил!) плюс рассказы Коли о радиолокации всё же затянули меня в МЭИ.

Учился я хорошо, но хромала литература. Помню, как мы писали сочинения, компонуя некий текст из набора книжных цитат с минимумом своих мыслей. В итоге в выпускном аттестате у меня оказалась одна «четвёрка», и медали я не получил. Зато аттестат получал вторым после единственного медалиста Олега Янкова. Он пошёл в МГУ. Поступил, стал физиком-теоретиком, но дальнейшая судьба его мне не известна.

Поступление в МЭИ

Итак, я подал документы в МЭИ. Сдавал без дрожи в коленках, вёл себя нахально-уверенно. По русскому заработал «трояк», но проходной балл получил.

1 сентября 1949 года я пришёл на первое занятие в МЭИ — кажется, это было занятие в литейной мастерской в подвале основного корпуса. Там я впервые встретил девчонок и ребят, с которыми так или иначе прошла вся моя дальнейшая жизнь.

После вступительных экзаменов проводились собеседования. Помнится, был разговор с Петром Ильичом Пениным и Алексеем Фёдоровичем Богомоловым. Видимо, я «показался». 1 сентября обнаружил себя старостой потока. Занятие не бог весть какое хитрое, но благодаря этому я довольно быстро узнал минимум полкурса. А было нас 160–170 человек.

К учёбе я относился крайне сознательно. До этого начитался у Коли советов ещё довоенного МЭИ. Помню, по математике вёл второй обработанный конспект, который можно вполне считать произведением искусства (сей конспект должен быть ещё цел). Учёба нравилась. У меня возникли более постоянные контакты с ребятами с Усачёвки: Юрой Кузнецовым и Эриком Кочеряном. А моим постоянным партнёром по лабораторкам стал Юра Рожков. Первые наши неформальные контакты состоялись на Новый 1950 год. Наша группа (Р-3–49) собралась в доме у Гали Котовой.

Из деталей той встречи помню только, как тащили бутылки с вином в авоське и что-то разбили.

На первой сессии получил щелчок по носу. На экзамене по моей любимой физике на меня нашёл какой-то ступор, всё вылетело из головы, и я получил «трояк». Было очень стыдно. Кстати, за всю мою МЭИшную историю случился только ещё один такой казус — на экзамене по электрическим машинам.

Галя Котова

Альпинизм: начало

Зимой 1949–50 года я был в доме отдыха на станции «Турист». Там жили и тренировались горнолыжники из МГУ. Эти ребята удивили меня… А я приехал в валенках с равнинными лыжами.

В летние каникулы после первого курса (1950 год) отдыхал в спортивном лагере в Фирсановке. Интересно: чтобы сдать зачёт на значок ГТО, надо было уметь плавать, а я плавал очень плохо. Придумали замену — прыжок «солдатиком» с пятиметровой вышки, что я и сделал.

Весь первый курс я занимался в секции лёгкой атлетики. Получалось неплохо — меня прочили в бегуны с барьером. Но со второго курса я решил уйти в гимнастику — укрепить руки. Так я столкнулся с альпсекцией МЭИ: моим гимнастическим тренером был Борис Матвеевич Уткин, он же тренер по альпинизму.

И в довершение мой брат Дориан Викторов, побывавший в альплагере, прислал мне письмо с описанием своего пребывания в горах.

Мой «ближний круг» начального альпинизма – 3-е отделение отряда, мы его гордо называли «третье мощное».
Слева направо: сидят Володя Терлецкий, Таня Левина, ?, Лев Краснов. Стоят: Володя Буянов, Фаина Швецова, Юра Кузнецов

Поэтому, очутившись однажды с Володей Терлецким перед объявлением о наборе в альпсекцию МЭИ, мы пошли записываться в эту секцию. Это был конец второго курса, 1951 год.

Однажды у нас со Светой Колесниковой состоялось чудесное путешествие. После первого сезона в горах мы совершили вояж «на перекладных»: на разных поездах, в основном на третьих полках. Маршрут из Сухуми в Краснодар, потом в Сталинград (город произвёл огромное впечатление — он вырастал из руин, ведь после войны прошло всего шесть лет!), потом я поехал в Саратов, а Света в Москву. Ночевали, где придётся: на скамейке в саду в Краснодаре, у родственников альпиниста Добрушина — в Сталинграде.

Студенческая жизнь

Круг моего общения с девчонками ограничивался компанией Иры Злобиной и студенткой МАИ Люсей Артамоновой из наших домов. Она была очень увлечена авиацией, даже училась водить само-

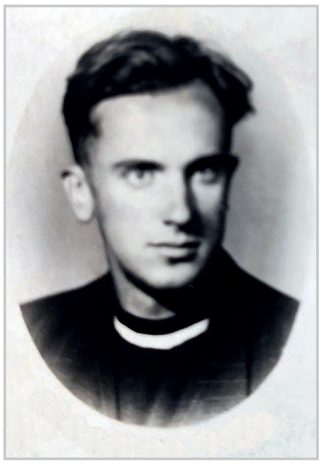

Альпсекция МЭИ на Воробьёвых горах: Лев Краснов, Инна Лопуцко, Юра Кузнецов, Олег Гобчанский, Володя Винокуров, Володя Терлецкий, Тамара Федосова, Юля Петрова, ?, Юра Минин, ?, Вера Блинова

лёты. С ней мы несколько раз ходили в консерваторию. Но она была очень занята учёбой, а я не слишком увлечён, и постепенно мы стали видеться всё реже.

Из общественных впечатлений одно из самых больших — какая-то комсомольская конференция. Я был поглощён энергетикой зала, но описывать сейчас детали — значит высасывать их из пальца. Ну и, конечно, демонстрации тех времен 1 Мая и 7 ноября. Правда, видимо, курса с третьего я проводил 1 Мая на маёвках с альпсекцией где-нибудь на речке Воря.

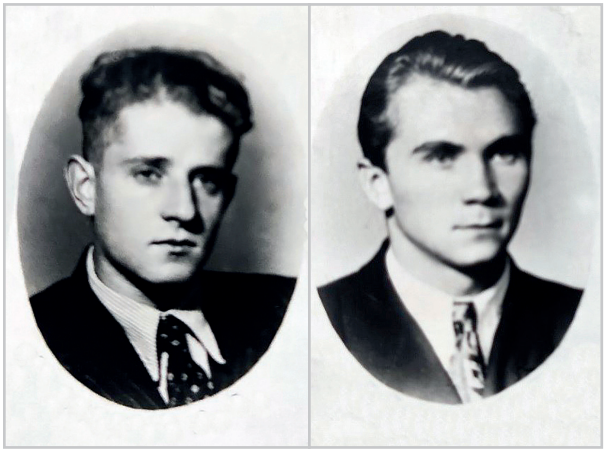
На первом же курсе были у меня опыты контактов в студенческом научном обществе. Мне поручили доклад по ультразвуку. За него я получил памятную книгу. Было это при кафедре физики. Лабораторией там руководил Валентин Иванович Алексашин — отец моего

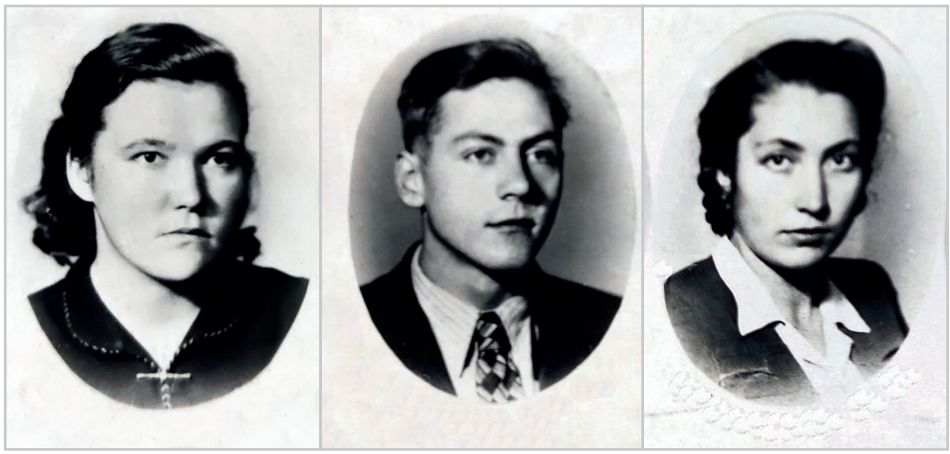
товарища по альпинизму, очень доброжелательный человек. А генератор для эксперимента делал Андрей Снесарев (на фото) — студент нашего курса, вступивший на тропу альпинизма вне стен МЭИ. Андрей был очень талантливым человеком. Мастер спорта по стрельбе, радиоспорту, альпинизму, он рано защитил диссертацию. В альпинизме он был одним из сильнейших стенных восходителей. Погиб он не в горах, а в автомобильной катастрофе…

Моя жизнь до окончания второго курса делилась между учёбой и общественной работой. С началом занятий альпинизмом максимум свободного времени уходил на тренировки и на общение в этом кругу «избранных» и в собственной учебной группе.

Наша студенческая жизнь вертелась прежде всего в нашей группе Р-3–49, а также в группе Р-6–49. Пожалуй, её центром для меня была Валя Кунавина — обаятельнейшая и спокойная девушка. Помню чисто приятельское общение на лекциях и лабораторках. Мой остальной круг общения тоже находился в группе. Вот он (кроме вышеупомянутых): Юра Рож-

Саша Ставицкий и Лев Шаров

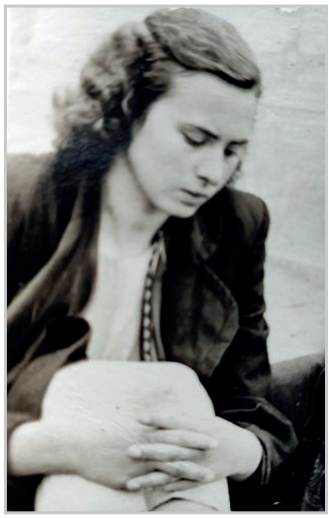

Неля Прозорова, Юра Рожков, Валя Кунавина,

ков, Галя Котова, Саша Ставицкий, Неля Прозорова, Юра Кузнецов, Эрик Кочерян.

Бывали у нас организованные мероприятия, в том числе незабываемые вечера факультета с выступлениями СТЭМа (студенческий театр) во главе с очень ярким парнем Олегом Бенько.

Бывали и групповые встречи, иногда смешные. Мы устраивали мероприятия, которые собирали только ультраэнтузиастов, в числе которых во всех случаях оказывался и я. У меня было два таких мероприятия с очень милой Аллочкой Фоминой. Однажды никто не явился, кроме меня и Аллочки, в кино на «Весёлых ребят» с Утёсовым в главной роли, где мы обхохотались, а в другой раз — на каток (в страшнейший мороз!), а мы с ней с удовольствием покатались.

Алла Фомина

Почему-то помню вечер группы у меня на Малых Кочках. Было очень весело, но мой приятель Лёвка Шаров обпоил меня ликёром, и я ушёл «отходить» на улицу, а группа догуливала без меня. С тех времён помню весёлую песенку про парня «в красной рубашоночке, хорошенький такой». А я как раз ходил в ковбойках, и у меня была красная — любимая.

Свадьбы

Необычным событием для нас в те времена были свадьбы. Помню свадьбу Вали Кунавиной и Саши Ставицкого (мы подарили им хрустальный графинчик с намерением часто встречаться, но жизнь нас всё же разъединила).

Снимок ~~на предыдущей странице~~ сделан на свадьбе Юры Кузнецова и Марго Калистратовой, альпинистки с физфака МГУ. На этой свадьбе у нас с подругой Марго Галиной возникла взаимная симпатия,

так что мать Марго испугалась и старалась всё время нас друг от друга «изолировать». Но я опять уехал в горы (дело было весной), а ~~она, конечно же, вышла замуж не за меня.~~

Практика в Ленинграде

Летом после третьего курса мы всей группой поехали в Ленинград на практику. Жили в Лесном, в общежитии Политехнического института. Практику проходили на известном заводе радиодеталей (название не помню, но помню фирменный знак — три треугольничка). Галка Котова показывала на заводе чудеса ручной работы — никто не мог так быстро смонтировать бумажный конденсатор!

А свободное время проводили в Ленинграде, были в Петродворце, Ораниенбауме и других замечательных местах. Это, конечно, способствовало моим романтическим настроениям. Но мне не очень везло.

Наша группа Р-3–49: Коля Сергеев, Миша Дружинин, Олег Байдулов, Майя Власова (стоит), Алла Фомина, Саша Ставицкий, Галя Котова, Валя Кунавина, Юра Кузнецов, Неля Прозорова, Юра Исаенко; ближний ряд: Юра Рожков, Галя Клочкова, я

Билета на ночную прогулку на пароходе (в белую ночь!) мне не досталось. А разведение мостов, которое я так никогда и не увидел, Галка смотрела с Юркой Рожковым.

Были и другие приключения, более приятные. Так, мы попали с Юрой Рожковым на живой концерт джаза Утёсова. Впечатление огромное!

Военные лагеря

На третьем и пятом курсах ребят направляли в военные лагеря: один раз в Прибалтику, местечко Вартемяги, и один раз на Карельский перешеек. Жили в палатках, освоили ношение портянок и кирзовых сапог. Мне лагеря были не в тягость. На Карельском перешейке мы видели ДОТы, которые были законсервированы после войны. Учили нас всяким строевым делам, а главное, обслуживанию радиоаппаратуры самолётов. Тогда мы работали с новым фронтовым бомбардировщиком ИЛ-28. Посмотрел и самолёты Второй мировой войны.

О политике

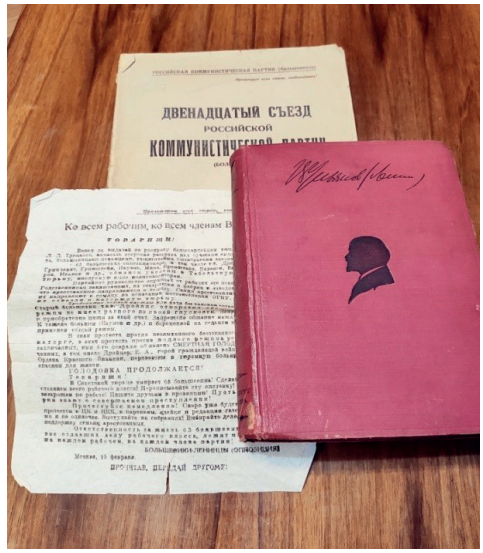
Конечно, я был и пионером, и комсомольцем. Не помню каких-то важных моментов, связанных с комсомолом, кроме огромной энергетики зала на собраниях факультета. Но сопереживание героям Аркадия Гайдара было безусловным.

В школе (я уже говорил об учителе истории П. В. Горе) появился вкус к чтению политической литературы. С энтузиазмом читали главу из «Истории ВКП (б)», посвященную диалектическому материализму.

Дома от отца сохранилось несколько томов Ленина в красных переплётах и стенографические отчёты о съездах и конференциях партии. Отчёты — толстенные книги. Стоит их открыть, и почувствуешь атмосферу времени, поймёшь, как остры были дискуссии, ведь каждый отчёт сохранил массу эмоциональных моментов: острые реплики, взаимные оскорбления. Однажды из одной из книг выпала листовка размером 17х22 см, на папиросной бумаге. Текст начинается так:

«Вслед за выдачей на расправу белогвардейцам вождя Октября тов. Троцкого началась зверская расправа над лучшими силами пролетариата: большевиками, ленинцами, защитниками Октябрьских завоеваний…» Дальше всё в том же ключе. Листовка датирована 15 февраля, год не указан.

В институте первые курсы в области марксизма-ленинизма я изучал по инерции, полученной ещё в школе: лекции, конспекты, семинары. Но с третьего курса начались какие-то сбои. Помню, меня «прорабатывали» на партбюро (лично Юра Дубровин, с которым потом мы были вместе на Камчатке) за мои вольные слова на политэкономии. В чём была суть, и не вспомню.

Эти раритеты остались от отца

Когда умер Сталин, я пытался пройти на прощание с ним, но достаточно быстро вернулся домой и ни в какие давки не попал.

К этому времени мы читали последние работы Ленина, и ко мне пришло первое озарение: Сталин в своем «учении» прежде всего популяризировал Ленина.

О массовых репрессиях мы тогда мало что знали, а семейные трагедии, связанные с дядей Сережей и дядей Сашей, не приводились в систему: думалось, что это «частная несправедливость, досадная случайность».

Диплом и — радиоинженер!

На подготовку диплома я остался в МЭИ. Весь остальной «ближний круг» разъехался по разным предприятиям Москвы. Меня снова попытались «нагрузить» общественной работой — назначили председателем студенческого научного общества МЭИ. Ничего достойного я там не сделал, а вот диплом сильно затянул. К моменту нашего выпускного вечера я ещё не защитился — это произошло только 30 декабря. И в новом году, уже инженером, я смылся в горы. Алибек зимой — это сказка! Неплохо начать трудовую жизнь со сказки!

Вернулся и был зачислен в лабораторию Зиновия Моисеевича Флексера, где я и делал диплом. Начались трудовые будни. В одну из первых же получек я исполнил свою заветную мечту — купил велосипед. А с наступлением лета снова умудрился удрать в горы.

Л. А. Краснов

БЛИЖНИЙ КРУГ

Слева направо: мои дети Денис и Таня, отец жены Павел Григорьевич, внучки Маша и Аня с сыном Петей, зять Алексей

В современном бурном мире крайне важно понятие «ближнего круга», а значит, семьи. О семье, в которой я родился и вырос, уже написано. Теперь хочу рассказать о своей семье: жене Галке, наших детях Тане и Денисе, о Галкиных родителях.

Галин рассказ о её детстве

Годы войны

Летом 1941 года я была в детском санатории в городе Остёр, километрах в ста от Киева. Начало войны пришлось на выходной день, и ребята старшей группы накануне уехали в Киев в театр. Оттуда они в Остёр уже не вернулись. Нас, младших, спешно собрали и на грузовиках повезли в Киев. Ехали через горящие или дымящиеся поля, пахло горелой резиной. Потом погрузили в вагоны, и нас из них не выпускали. Только старшие могли выйти на станции и что-то купить из еды. Нам давали варёные яйца, и мне попалось тухлое, но я его съела. Меня стало тошнить. Для снятия этого недомогания меня пытались кормить мятными конфетами, а потом чесноком. После войны я долго не могла есть чеснок и мятные конфеты, хотя отвращения к яйцам не было.

Нас привезли в Калугу и поместили в какой-то военный санаторий. Туда пришла телеграмма с просьбой оставить меня, потому что за мной из Ленинграда приедет мама. Она действительно пыталась это сделать, но не хватило её короткого отпуска. Она была военнообязанной, и ей пришлось вернуться в Ленинград, иначе бы её отдали под суд.

Если бы не это обстоятельство, я бы оказалась в блокаде вместе с мамой, бабушкой и дедушкой. Они спаслись, т. к. их поддерживал папа из своего фронтового пайка: в баночке из-под чёрной икры (150 г) он для мамы приносил половинку котлетки и часть гарнира. А мама делилась этим с бабушкой и дедушкой. Во время блокады Ленинграда составляли списки, кто будет эвакуирован через «дорогу жизни» — так называли путь по льду Ладоги. Дедушка наотрез отказался, собирался защищать Ленинград. Дедушку моего звали Иван Иванович Иванов. Он очень любил меня. А когда документы были оформлены, дедушка

уже слёг — у него началась голодная дистрофия, и эвакуировать его уже не было возможности. Потом бабушка с мамой уехали через Ладогу на Большую землю (в марте 1942 года).

Ожидая маму в Калуге, я сидела в какой-то комнате на втором этаже и наблюдала за жизнью на улице. Почему-то помню очереди за керосином. Когда стало понятно, что мама за мной не приедет, моряк по фамилии Бобошко отвёз меня в Ульяновск. Там я жила в семье моряка Кошко, у которого был сын моего возраста. Мы вместе ходили в школу. Взрослые всегда вставали на мою сторону, когда у нас случались размолвки. У меня не было никакой зимней одежды, и мне купили пальто (мама прислала деньги). Настоящих валенок тоже не было. Были самодельные стёганые сапоги, которые вставлялись в галоши. В школе мне нравился мальчик. Звали его Лёва.

Потом семью, в которой я жила, перевели на Дальний Восток. Я очень хотела уехать с ними, плакала, просила взять с собой. Но меня перевезли в Кировскую область в детский интернат для ленинградских детей. Там было три группы, я попала в среднюю. Учились мы в школе, которая была расположена в церкви. Писали на перевёрнутых листах газет между строк.

Старшие работали на трудных работах: валили лес, пилили дрова. Мы же должны были ухаживать и за старшими, и за младшими. Летом собирали грибы и ягоды. Была норма сбора — две кружки ягод для старших и младших — остальные можешь съесть сама. Кроме того, мы были обязаны чинить всем одежду. Ниток не было. Мы распускали что-нибудь трикотажное и из этого получали ниточки. Штопалось всё. Помню, когда я приехала в Москву, на моих чулках штопки было больше, чем собственно чулок.

Жили мы в избах. У каждого в средней группе был свой подшефный. Тем, кого опекали, мы носили остатки еды, подкармливали.

Моя койка стояла у окна. Из-за плинтуса иногда показывался мышонок. Я прищемила его линейкой и поймала. Посадила в банку — такой у меня был живой уголок. Девчонки все визжали, когда я его ловила.

Из разрозненных воспоминаний помню, как старшие ребята разорвали котёнка, привязав его между наклонённых берёз. Это была для меня трагедия.

У деревни, где мы жили, протекала речка. В ней мы купались. Мне нравилась одна девочка, которая хорошо одевалась и хорошо плавала. Я решила научиться плавать, как она, и научилась.

Я смотрю на старую фотографию времён войны. Рядом со мной эта девочка. А ребята, стоящие за нами, все ушли на фронт

Зимой катались на лыжах. Был наст блестящий, как сахар. Я накаталась и залезла на печку в избе. Вдруг открывается дверь, врываются клубы пара, и спрашивают меня. Это ко мне приехала мама. Она была в какой-то шубке и с муфточкой, как было тогда принято, а рука была подвешена на бинте. Я спрыгнула с печки с криком: «Мамочка, я тебя не узнала!»

Мама потом работала в госпитале на станции Ивки в ста километрах от моего интерната. Я оставалась в интернате. В соседней деревне жила бабушка Арина. У неё была дистрофия, и мама откармливала её шанежками, но много их не давали. Бабушка причитала: «Я в блокаде не умерла, а ты меня здесь уморишь». Жила бабушка у «богатых» крестьян, и они по-доброму к ней относились. С дедушкой всё было трагичней.

Когда из Ленинграда уехали мама с бабушкой, дедушка остался один. Папа (Павел Григорьевич) принёс ему несколько буханок хлеба, сало и другие продукты, которые выдавались военным морякам. Самолётами эти продукты пересылали в Ленинград с Большой земли. Он объяснил дедушке, что надо есть маленькими порциями, что теперь он будет регулярно приносить продукты, и попросил соседку присматривать за дедушкой. Но через несколько дней она сообщила отцу, что дедушка умер. Его похоронили за оставшийся хлеб.

А потом к нам приехал папа. Здесь я его впервые так назвала, и он очень этому радовался. До этого я его называла дядей Павлушей. Мы переехали в Москву на Чистые пруды. Ходила в школу сначала в Армянском переулке, потом — в Харитоньевском.

Потом в Москву вернулась семья, в которой я жила в Ульяновске. Но мама не позволила мне с ними встретиться. Я очень переживала, потому что в их семье мне было тепло.

О моих родителях

Эти записки посвящены годам войны, но вспомнились мне и некоторые эпизоды из довоенной жизни.

До войны я жила у бабушки Арины и дедушки Ивана в Колпине под Ленинградом. Дедушка работал на Ижорском заводе, где папа (Павел Григорьевич) был военпредом.

Там я пошла в первый класс, где в моей жизни появился первый Лёвочка, одноклассник, внук учительницы, который провожал меня домой и носил мой портфель.

Второй мой Лёвочка был в Ульяновске, а третий появился в институте в 1949 году — Лев Александрович Краснов.

Сложно переплелись судьбы моих родителей. Мама Матильда Ивановна Котова (в девичестве Матрёна Ивановна Иванова) и папа Павел Григорьевич Котов жили в соседних деревнях Поповке и Матвейкове Смоленской области. Семья мамы — зажиточные крестьяне. Семья отца — многодетная, бедная.

С дедушкой Иваном Ивановичем Ивановым

Мамин отец, Иван Иванович Иванов, и папина мама, Евдокия Фёдоровна Краснова, любили друг друга. Но они не смогли пожениться, т. к. в семью бабушки нужен был работник, а дедушка по своей молодости не мог быть хорошим помощником. Поэтому бабу Дуню выдали за рабочего из Питера

— Григория Фёдоровича Котова. У них родились дети — Василий, Дмитрий, Павел, Варвара. Дедушка Иван женился на Ирине (Арине) Константиновне. У них было только двое детей — моя мама и сын, который умер в детстве. Иван Иванович был квалифицированный и высокооплачиваемый рабочий. Это видно по фотографии.

Семья Ивановых

Любовь между Иваном Ивановичем и Евдокией Фёдоровной перешла к их детям Матрёне и Павлу. Он любил её, а она… училась. Павел работал, а к ней приходил за книжками, читал. Потом Матрёна уехала в Питер, где поступила в медицинский институт и вышла замуж за Ивана Сергеевича Буланцева.

В 1931 году родилась я. Из раннего детства помню только, как меня водили в детский сад. Потом мама привезла меня к бабушке Арине в Колпино под Ленинградом и сказала: «Если не возьмешь её, брошусь вместе с нею в реку», — от кого-то в детстве я слышала такую байку. Дедушка и бабушка во мне души не чаяли. Мы жили в комнатке, которую снимали. Но мне с ними было тепло и уютно. Дедушка работал мастером на заводе, а бабушка вела хозяйство. Помню, она водила меня в церковь. Священник чего-то написал у меня на лбу и дал выпить из ложки. Говорят, что это могло быть крещением. Дедушка был коммунистом, и бабушка водила меня в церковь тайно. Из Ленинграда

И. С. Буланцев

приезжал мой папа Иван, и бабушка, несмотря на запрет мамы, отпускала меня с ним погулять. Помню, мы катались на лодке.

А Павел Григорьевич поехал на заработки в Ленинград.

В Ленинграде Павел стал передовым рабочим, поступил на рабфак. Вступил в комсомол, и его как отличника производства и комсомольского вожака по личной просьбе направили учиться в инженерное училище (Адмиралтейство). Окончил училище он с отличием.

К тому времени мама разошлась с моим отцом Иваном Сергеевичем Буланцевым. Павел Григорьевич, став военным кораблестроителем, женился на маме в 1938 году, удочерил меня в 1942-м, и я стала Галиной Павловной Котовой.

Отец и дед П. Г. Котова

Дедушка Иван умер в блокадном Ленинграде и был похоронен на Пискарёвском кладбище.

Бабушка Дуня с дедом Гришей жили в собственном доме в Сычёвке Смоленской области. Дед Гриша был рьяным верующим, церковным старостой. Кроме религиозных книг он

Павел Григорьевич и Матильда Ивановна Котовы

увлекался Достоевским (и сам был на него немножко похож). После смерти деда баба Дуня жила у дочери Вари в Ленинграде.

А бабушка Ирина жила у нас в Москве, куда папу Павла перевели после войны. Когда умерла баба Дуня, тётя Варя попросила у бабушки разрешения похоронить её в могиле деда Ивана. И моя любимая бабушка разрешила. Так в могиле встретились те, кто в юности не смогли объединиться. Бабушка Ирина похоронена в Москве на Хованском кладбище. Я взяла землю с бабушкиной могилы и отвезла на могилу дедушки в Ленинград.

Отец мой Иван Сергеевич пропал без вести во время войны.

Когда я вышла замуж, я попросила Льва разыскать следы моего отца в Ленинграде. Мама напрочь отрицала, что у меня был другой отец, доводя меня до истерики. Я ведь была достаточно большой (восемь лет) и помнила, что у меня был родной отец.

Лев разыскал сестёр отца. Как — одному Богу известно. Ведь была война, которая могла уничтожить все следы пребывания отца на земле. Но получилось так, что Лев привёз мне фотографию отца, его письма к друзьям и второй жене, которую звали Галя.

Галина Котова

Разные фамилии

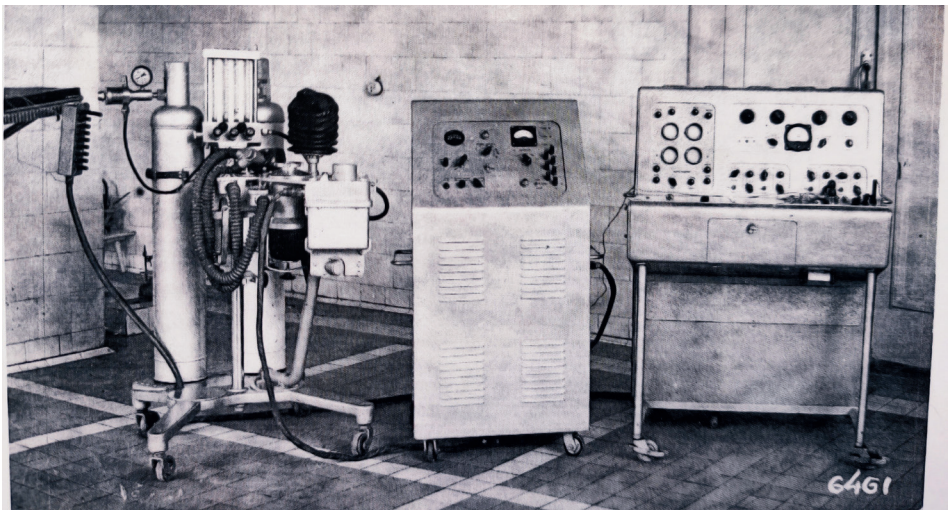
Разные фамилии (я считала, что один раз мне фамилию поменяли — и хватит!) приводили иногда к курьёзам.

Когда мы бывали в альплагерях, мы не афишировали, что являемся мужем и женой. Лев был в более продвинутой группе по горным лыжам, а я — среди начинающих. У него тренер — Любаня Власенко, а у меня — Мишка Плышевский. Ребята узнавали, что мы женаты, только в поезде на обратном пути в Москву. Некоторые при этом смущались, а нам было весело!

Работа

После окончания РТФ по распределению я работала в п/я (где-то в Химках) у Грушина, занимаясь настройкой узлов системы наведения изделия «воздух-воздух».

После рождения Тани в 1956 году перешла работать в НИИ-17, где участвовала в разработке аппаратуры для системы наведения изделия «земля-воздух». Работала на заводе по настройке этой аппарату-

Аппаратура автоматического поддержания уровня наркоза

ры, участвовала в лётных испытаниях, читала лекции настройщикам на заводе в Киеве.

В дальнейшем длительное время участвовала в разработке аппарата автоматического поддержания уровня наркоза. Образцы этого аппарата испытывались в клинике на Пироговке, где пришлось много потрудиться вместе с медиками. По этой работе получила авторское свидетельство и награждена медалью ВДНХ.

После окончания «наркозной» темы ушла из НИИ-17 и какое-то время трудилась в КБ Кунцевского завода по созданию АСУ, а потом перешла в Институт патентной экспертизы, где проработала в отделе автоматики несколько лет.

Но обстоятельства и жизнь снова привели меня к сочетанию электроники с медициной. В 1973 году я перешла в организацию «Медтехника», где первоначально занималась монтажом и освоением нового медицинского оборудования, а в дальнейшем занималась его эксплуатацией и ремонтом до самого выхода на пенсию.

У меня были хорошие отношения со всеми моими начальниками. Помню, как на дипломном проекте за меня болел мой руководитель. А в НИИ-17 помню контакты со Станишневым, Погрешаевым, с начальником отдела Ходоровским.

Но особенно яркие моменты остались в памяти от работы с моим прямым начальником Владимиром Георгиевичем Смирновым. Он очень хорошо ко мне относился, несмотря на мой упрямый характер. Помню эпизод, когда он из-за каких-то мелочей не отпускал меня в отпуск со Львом, а потом через пару дней сам покупал мне билет. Он же «подарил» мне Баку, выпросив у своих приятелей билет на конференцию. Буквально силком заставил меня делать доклад для аттестации на старшего инженера. Он погиб от инфаркта на лыжне институтских соревнований. У меня была острая ангина, на похороны пойти не могла. Владимир Георгиевич похоронен на семейном участке Ваганьковского кладбища.

Вообще, от НИИ-17 осталось много ярких воспоминаний. Были очень интересные поездки на испытания на аэродром в Луховицах. Ребята летали на МИГах с нашей аппаратурой, я же помогала что-то делать на земле. А однажды, чтобы скорее добраться до Москвы, всю нашу команду подбросили до Быково на каком-то маленьком самолётике.

Интересно было работать с медиками по наркозному аппарату. Случилось так, что больница, где шли испытания, находилась напротив квартиры Капитолины Фёдоровны, Лёвиной мамы, на Малых Кочках. Она вывешивала «сигнал» в виде платочка на форточке: «Обед готов!» И я с удовольствием шла к ней обедать.

Таковы краткие заметки о моих родных, о моём военном детстве и совсем немножко о взрослой жизни. Об институтских годах и последующих путях–дорогах написал Лев.

Экстрим

Наша институтская жизнь, наши горы были общими. Некоторые штрихи к этому были мною написаны, считайте, за нас обоих. Но есть несколько экстремальных приключений, которые характеризуют Галку как достаточно рискового человека, и которые я хотел бы здесь отметить.

Первое приключение — это одиночное путешествие ко мне в Уллу-Тау. Надо же было не побояться пойти в одиночку по горной тропе, заночевать с каким-то попутчиком и утречком появиться у «моего» ручья!

Второе — весенний поход на питерский слёт к нашему другу Плышевскому. Также достаточно бесшабашное путешествие: в одиночку, через лесную чащобу, надо было найти слёт и найти там Мишку!

Третье приключение — путешествие из Баку в Гарни. Ехала она одна в вагоне, полном кавказских парней. Сумела сохранить спокойствие при приставаниях и, понимая это, один из парней взял её под свою защиту.

И наконец, приключение на каких-то стрелковых сборах в Чкаловске. Местные парни начали так приставать, что было принято решение: берём винтовки и будем стрелять!

После этого неудивительно её согласие пойти со мной вдвоём в Фанские горы или втроём (со мной и Ниной Алексашиной) на Алтай.

Стоит ещё отметить, что спортом она занималась, близким к экстриму — спортивной гимнастикой и стрельбой. И то, и другое получалось неплохо. А в стрелковых соревнованиях она всегда выручала те организации, где работала, начиная с НИИ-17.

И ещё одно замечание к рассказу Галки. Моя мама и её муж Лев Николаевич души не чаяли в Гале. А вот что написала о нас с Галей Людмила Филипповна, мать моего двоюродного брата Коли Викторова:

«Недавно у Капочки видела Лёву с женой Галей. Пришли с прогулки на лыжах — оба катались с гор. Пришли «обедать к маме». Оба как умытые: розовые, глаза блестят, прополосканные воздухом весеннего дня. Так хорошо было смотреть на них: когда мысли и движения согласованны, когда это не просто муж и жена, а два молодых друга, две хорошо понимающие друг друга, слитно идущие вперёд молодые жизни. У них есть всё: молодость, цели в жизни, энергия, общие понятия и работа, какая приносит им удовлетворение. Пусть так будет как можно дольше — это и есть красота в жизни, в совместной жизни мужчины и женщины».

И ещё одна её запись: «Вчера вечером были Капочка со Львом Николаевичем и позже Лёва с Галей. Все что-то такое привезли, а Галя и Лёва привезли две чудесные игрушки. Галя — сказочный фонарик, и тут же сама пристроила у кровати — свет приятно сиренево-розовый — как в сказках, а Лёва — маленький ящичек с музыкой — такой я видела в карманных приёмниках, а этот ящичек чуть побольше и, главное — музыка. Оказывается, мне её здорово не хватало».

«Секретный адмирал»

Галин отец Павел Григорьевич Котов всю свою жизнь посвятил строительству Военно-Морского Флота. Исключительная верность избранному пути, недюжинный ум и хорошая въедливость в любое дело позволили ему стать заместителем Главнокомандующего ВМФ СССР С. Г. Горшкова по кораблестроению и вооружению.

Потомственный корабел (его дед строил крейсер «Аврора», отец — линейные корабли Балтийского флота) П. Г. Котов в 19 лет (в 1930 году) начал свою карьеру помощником сборщика корпусного цеха на Ленинградском судостроительном заводе имени Андре Марти, окончил

рабфак, в 1933 году поступил в Военно-морское инженерное училище имени Ф. Э. Дзержинского, с отличием окончил его и до 1986 года преданно служил делу строительства флота России, укреплению обороноспособности страны.

Великую Отечественную войну П. Г. Котов встретил в Ленинграде, на Ижорском заводе. Занимаясь восстановлением повреждённых в боях кораблей, предложил на основе запасов корабельной брони изготовить доты и создать из них кольцо обороны города. Было построено более 8.000 броневых сооружений 40 типов. «Броневой пояс Ленинграда» укрепил рубежи города, а инженера-капитана 3-го ранга Котова стали называть «броневым капитаном».

Воспоминания очевидца тех событий Б. Бычевского, бывшего начальника инженерных войск Ленинградского фронта:

«Броневой капитан»

«Молодой, но уже достаточно опытный кораблестроитель Павел Григорьевич Котов возглавил оперативную группу по монтажу броневых сооружений на местности.

— Как миноносец: напористый и быстрый, хоть и маленький, — говорили у нас о Котове.

Было удивительно, как это он всюду и всегда успевал: отработать проект, объездить заводы, отобрать броню, скомплектовать монтажные бригады, договориться с трестом «Стальконструкция» о такелажниках, с конторой «Автотранс» о трактористах и шофёрах.

Каждое новое броневое сооружение тщательно испытывалось. Помню, как-то Котов привёз на Ижорский завод фронтовика-пулемётчика, чтобы проверить только что изготовленную приземистую конструкцию из броневых листов. Собрались рабочие, и Котов представил им бойца: «Наш заказчик! Пусть посмотрит, может, что посоветует».

Пулемётчик залез под колпак, осмотрел его внутри и вылез.

— Знаешь что, друг, — обратился он к сварщику, — давай в днище вырежем отверстие пошире. Мы к этой штуке сделаем раму из брёвен и прямо на траншею будем ставить.

— А может, ещё к стенке крюк буксирный приварить? — предложил сварщик. — Пойдёте в наступление и захватите с собой. Трактор или танк смело потащит.

— И то верно, — обрадовался пулемётчик. — Он будет у нас вроде как ползунок: и для обороны, и для наступления.

Так и окрестили мы в тот день эту конструкцию: «бронеползунок оборонительно-наступательный». Под этим именем он приобрёл широкую известность на всём Ленинградском фронте.

Кроме ижорцев к серийному изготовлению различных броневых дотов или деталей приступили коллективы заводов Балтийского, «Большевик», имени Жданова. За одну только неделю кировцы и ижорцы изготовили для красногвардейского и пулковского рубежей сто сорок башенных установок.

Тысячи броневых точек появились и на различных направлениях вокруг Ленинграда. Созданные П. Г. Котовым небольшие бригады из сапёров, такелажников и сварщиков монтировали их частенько под артиллерийско-минометным, а то и под пулемётным огнём противника.

А вот ещё один пример их работы.

В нейтральной полосе около станции Лигово остались два полузатопленных танка «КВ». Начальник инженерных войск 42-й армии полковник Н. Ф. Кирчевский решил вытащить их с помощью монтажников броневых точек из отряда П. Г. Котова. Но дело это непростое. Местность вокруг ровная, как стол. Фашистам всё видно даже ночью. Темноту они ракетами разгоняют. И пулемёты у них близко — за полотном железной дороги.

— Тут, братцы, честь наша задета, — сказал Котов, когда кто-то из танкистов выразил сомнение в возможности вытащить эти машины. — Ну что ж, попробуем.

В первую очередь Котов обследовал место затопления танков. Глубина была невелика, но машины затянуло льдом. Одна из них лежала вверх гусеницами.

Внимательно оглядевшись, Котов понял, что незаметно подвести к берегу тягач нельзя. Вытаскивать танки придётся лебёдками.

Начали комплектовать рабочую команду. Для подготовительных работ набрали группу из добровольцев. Возглавили её военпред Ижорского завода старший техник-лейтенант Михаил Андреевич Розанов и такелажник Адмиралтейского завода Михаил Алексеевич Пантелеев. В помощь им выделили взвод сапёров под командованием младшего лейтенанта Льва Ароновича Кейдаля. Все необходимые приспособления — две лебёдки, блоки, механические тали и тросы — достали на Адмиралтейском заводе.

В одну из ночей сапёры создали вокруг места затопления снежный вал: и маскировка хорошая, и какая ни на есть защита от осколков. Через него потом пропустили тросы, предварительно выкрасив их в белый цвет.

Всё это делалось, разумеется, под пулемётным, миномётным и артиллерийским огнём. Трос неоднократно перерубало осколками, и его приходилось сращивать.

Наконец подготовительные работы закончили. Стали тащить перевёрнутый танк. Он — ни с места. И тут-то родилась дерзкая идея: вытолкнуть его взрывом.

Рассчитали заряд. Один из сапёров спустился под воду, заложил взрывчатку. Перед тем как произвести взрыв, тросы натянули до отказа, чтобы танк вытолкнуло в нужную сторону.

К общей радости, после взрыва он отлетел точно на предназначенное ему место и, главное, встал на гусеницы. Только башню отбросило метров на пять в сторону.

Вторую машину вытащили быстрее, с помощью лебёдки. Потом танкисты отбуксировали оба танка. А на Кировском заводе рабочие быстро привели их в порядок, и уже через несколько дней эти «КВ» вернулись в строй».

Из записок П. Г. Котова:

«В укромном уголке Карельского перешейка, неподалёку от финских укреплений, вблизи трансформаторной подстанции был организован пункт сборки бронеточек. Вскоре враг разрушил подстанцию артиллерией, оставив нас без тока. Но коммунисты нашли выход. Это была дерзкая операция. На проволочные заграждения финны подавали высокое напряжение. Ночью скрытно, через ничейную землю, наши специалисты проникли к заграждениям и подсоединили к ним кабель, а затем через трансформаторы обеспечили себя электроэнергией. Так противник, сам того не зная, помог нам сваривать броню огневых точек. Вскоре сварщики морской оперативной группы стали принимать участие в ремонте танков, а несколько позже освоили и ещё одну «профессию» — из остатков труб изготавливали агитминомёты для забрасывания листовок в траншеи противника».

…В это же время, согласно семейной легенде, по просьбе жены Матильды Ивановны Павел Григорьевич организовал демонтаж коней Клодта с Аничкова моста и их надёжное укрытие от бомбёжек.

В марте 1943 года П. Г. Котов был назначен в Москву для участия в разработке плана строительства флота и восстановления судостроительных заводов. Участвовал в разработке «Программы военного кораблестроения на период 1946–1956 годов» и активно претворял его в жизнь, работая в Главном управлении кораблестроения.

Котову пришлось на четыре года оставить любимое дело и перейти на работу в центральные органы власти страны — его назначили заместителем секретаря Постоянной комиссии по вопросам обороны, председателем которой был маршал Н. А. Булганин. Впоследствии П. Г. Котов был назначен адмиралом для особых поручений–помощником министра обороны по военно-морским вопросам.

В 1957 году контр-адмирал Котов вернулся к работе в Управление кораблестроения ВМФ на должность заместителя начальника кораблестроения ВМФ СССР по научно-исследовательской работе. В этот период он участвовал в строительстве и приёмке первой советской атомной подводной лодки «К-3» вместе с академиком А. П. Александровым, с которым дружил долгие годы.

П. Г. Котов был заместителем председателя Госкомиссии по испытаниям первой атомной подводной лодки. Вот что он писал об этих испытаниях:

«…Работы по выводу реакторов на мощность были начаты 17 апреля 1958 года. Вначале не всё ладилось. Возникли гидравлические удары в силовой установке, специалисты во главе с А. П. стали разбираться, в чём дело. Но им мешали. На лодке было слишком много народа. Кроме экипажа и сдаточной команды завода на лодке присутствовала вся правительственная комиссия, начальство во главе с Д. Ф. Устиновым, С. Г. Горшковым и Б. Е. Бутомой. Когда Д. Ф. Устинов стал задавать вопросы Анатолию Петровичу, тот не выдержал, прямо-таки взорвался и в крепких непечатных выражениях потребовал, чтобы все, кроме его специалистов, покинули лодку.

Прошло несколько часов, энергетики разобрались в неполадках, ликвидировали помехи, вывели реактор на мощность, ввели в турбогенераторный режим, об этом было объявлено по трансляции. Мы поздравили Анатолия Петровича, командира Л. Г. Осипенко, механика Б. П. Акулова с успехом — «с лёгким паром».

Вот тогда дежурный матрос в центральном посту лодки, услышав объявление по трансляции, записал в вахтенном журнале историческую фразу: «Впервые в Советском Союзе без угля и мазута на подводной лодке дан пар». Это было ночью.

П. Г. Котов и А. П. Александров. На обороте фотографии та знаменитая фраза: «Впервые без угля и мазута на подводной лодке дан пар»

Главком прилетел перед заходом солнца, мы все в строю на палубе подводной лодки. Главком дал команду: «Заводской красный флаг подводной лодки спустить!» Это сделал директор завода Е. П. Егоров, с которым я накануне «по секрету» договорился не передавать в заводской музей этот флаг, а подарить его А. П. Александрову. Затем последовала команда: «Военно-морской флаг на подводной лодке «К-3» поднять!» После подъёма флага к Главкому подошёл командир лодки Л. Г. Осипенко и, сказав, что до спуска флага осталось 15 минут, обратился: «Разрешите флаг не спускать». Главком разрешил спустить флаг на час позже».

С 1965 года П. Г. Котов — заместитель Главнокомандующего ВМФ СССР С. Г. Горшкова по кораблестроению и вооружению–начальник кораблестроения и вооружения ВМФ СССР. Он внёс вклад в создание

Дружеский шарж на Александрова и Котова выполнен только для друзей: «Впервые в Советском Союзе без угля и мазута на подводной лодке дан пар»

и организацию серийного строительства важнейших типов кораблей. Всего в этот период было построено около 180 АПЛ с баллистическими и крылатыми ракетами и торпедно-реакторным вооружением, 100 крупных надводных кораблей, включая авианесущие и атомные ракетные крейсеры, 500 малых боевых надводных кораблей, 160 тральщиков и 300 вспомогательных кораблей и судов *(Судостроение России. Сост. М. А. Первов.— М.: Столичная энцикл., 2008).*

П. Г. Котов — лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического труда, награждён многими орденами и медалями СССР, России и зарубежных стран. Он почётный гражданин Северодвинска — города корабелов и моряков, где имя П. Г. Котова присвоили Морской кадетской школе.

П. Г. Котов с С. Г. Горшковым

После выхода в отставку всегда был в курсе дел Военно-Морского Флота, глубоко переживал развал в области строительства новых кораблей и сохранения действующего состава, писал отклики на статьи в «Красной звезде», если находил в них неточности.

Галина мама, Матильда Ивановна Котова, была врачом-хирургом. Она ушла из жизни раньше Павла Григорьевича и всегда была для него непререкаемым авторитетом и любовью всей его жизни.

Жил Павел Григорьевич в семье своей внучки Тани, очень любил правнучек Аню и Машу.

Матильда Ивановна Котова (справа) в операционной

И, конечно, вся семья была в сборе, когда праздновали день Военно-Морского Флота.

Слева направо: Денис, Галина, Павел Григорьевич, Аня с сыном Петей, Алексей

Наши дети

Таня

Малые Кочки

Жили мы на Смоленской набережной, в доме рядом с метромостом. Достаточно часто мы с Таней путешествовали на Малые Коч-

ки к моей маме и Льву Николаевичу. Появляясь там, Таня деловито делала запись в «гостевой» тетрадке.

Потом был фирменный обед: отварная телятина или ещё что-то очень вкусное, например, пирог с капустой (в наши юные годы тесто для пирога готовилось очень тщательно. В большом эмалированном ведре замешивалась опара, и ведро ставилось на батарею. Потом тесто надо было долго-долго месить. Это была моя обязанность).

Одно из любимых «игральных мест» Тани было под обеденным столом. В этих играх часто принимал участие Серёжа Соколов — сын соседей Тони и Михаила Константиновича. И все эти действия развертывались в комнате площадью 16 кв. м.

Детский сад. Верея

Таня росла с большой долей коллективного воспитания. Очень долго и с большим удовольствием ходила в детский сад от Галкиной работы (НИИ-17). Потом она отправилась с детским садом на дачу, которая находилась недалеко от Вереи. Очень запомнился один из наших визитов к ней. Мы с Галкой отправились из Тучкова (или Дорохова?) на велосипедах. Прошёл дождь, и дорога засасывала наши велосипеды буквально по ступицу. Мы их больше тащили на себе (это 5 или 10 км), чем ехали. Ночевали под забором детсада ~~(буквально)~~ в нашей зелёной брезентовой палатке, которую нам подарили на свадьбу. А утром была встреча, и мы очень радовались друг другу. Обратная дорога прошла без приключений.

Востряково

Одним из любимых мест нашего зимнего времяпрепровождения было Востряково — «резиденция» Терлецких. Туда приезжали

ещё Винокуровы с дочкой Ольгой, там же была дочка Володи Терлецкого и Светы Чубукиной, тоже Ольга. Ходили на лыжах. Когда кто-то из девчонок уставал, кидали им верёвочку с поперечной палочкой — буксир. А потом сидели, гоняли чаи. Для домашнего отдыха была очень популярна игра с разбором из кучи тонких круглых палочек. Туда же иногда ездили и весной.

«Турист». Муханки

С маленьких горок Татка начала кататься на Воробьёвых горах.

Помню наши походы через лужи и ручьи в Муханки — деревню недалеко от станции «Турист» (там северный склон, и можно было кататься до мая). На склоне оставался язык снега, и мы катались между зелёными лужайками. Собирались туда фундаментально, брали даже надувной матрас, на котором можно было посидеть, попить чайку из термоса.

Однажды, это было ещё до школы, мы уехали на недельку в Муханки. Сняли угол комнаты у какой-то заслуженной колхозницы (она имела орден) и развлекались, как могли. Устраивали ночные катания на салазках (думаю, что Татке было страшновато мчаться по склону в темноту, но она терпеливо переносила такие забавы). Там же она получила первые уроки слалома. Как сейчас помню красивые дуги её поворотов по свежему снежку («плужком», конечно).

Полёт Германа Титова

Зелёная палатка, подаренная на свадьбу, служила долго, по-моему, даже когда Таня стала совсем взрослой. Но её первая ночь в палатке, думаю, была в день старта Титова. Мы тогда сымитировали поход, уйдя от дома совсем недалеко. В те времена в районе Горок-6 было пустынно и чисто. Переночевали. А наутро я включил самодельный транзисторный приёмник, и мы услышали сообщение ТАСС о старте Титова.

Вообще, в походах Татка была очень «правильная». Таскать ветки к костру, помогать его раздувать она никогда не отказывалась. А во время сборов проверка наличия спичек и прочего входила в число её ритуальных вопросов.

Музыка

Было принято давать детям музыкальное образование. Сия чаша не миновала и Татку. Нашли ей учительницу, которую звали Мира Осиповна. Таня доблестно трудилась с определённым успехом, но без энтузиазма. Но она заслужила помимо приличной оценки за успехи ещё одну. Мира Осиповна заявила: «Она эстрадоустойчива. Её не берет никакой мандраж перед выступлением».

Плавание

Плавать Таня училась в открытом бассейне, он назывался «Москва». Поскольку времени у неё уже не хватало, мы с ней поговорили так: «Ну что, и музыкой будешь заниматься, и плаванием? Или выберешь что-то одно?» Татка однозначно выбрала бассейн и по завершении учебного цикла с гордостью получила значок «Умею плавать». Тогда мы решили продать фортепиано, ибо, что с ним делать? Продали и купили мне лыжи мечты — Fisher Superglass. Но судьба распоря-

дилась так, что моя лыжная «карьера» к тому времени скукожилась. Но всё же я съездил на этих лыжах в Хибины.

Хрущёв: белый или чёрный?

Ещё жили на Смоленской набережной. Таня сильно спорила с одной из своих подружек, чуть до драки дело не дошло. «Хрущёв белый!» «Нет, Хрущёв чёрный!» Речь — о цвете костюма, в котором ходил Никита Сергеевич Хрущёв.

Школа

Со школами нам повезло. Первые четыре года Таня ходила в школу около дома на Смоленской набережной. Почему-то в памяти сохранился поиск формы для неё и— о, счастье! — как купили ей очаровательный чёрный фартучек с плиссированными крылышками. Первая учительница строгая (как звали, не помню). Главное, чему она научила — самостоятельно всё делать. Все 10 лет, хотя я исправно ходил на все родительские собрания, хлопот не знал. Потом переехали в Давыдково, там была французская школа с очень симпатичными учителями.

Изредка я затевал какие-то мероприятия. Помню поход в Архангельское, где известный теперь Сережа Корзун выкидывал котлеты, которые ему дала мама, а Галка этим возмущалась. Ещё я водил ребят в походы в район Барвихи, имитируя ориентирование. Было очень весело и дружно. А на какой-то школьный спектакль Галка ушила Тане своё шикарное свадебное платье, и на этом же спектакле сгинул наш старинный медный подсвечник.

Ходил в школу на 12 апреля, чтобы рассказать ребятам о космосе.

Выпускной вечер окончился на Москве-реке. С группой родителей я смотрел на уже взрослеющих детей (какой-то папочка догадал-

ся прихватить фляжку с коньяком, потому и не замерзли). А Корзун опоздал на кораблик и встречал нас, когда мы уже вернулись.

Имена

Вот такая семейная легенда. Ленинград, практика на третьем курсе. Мы гуляем в Летнем саду. Вдруг какая-то девчушка ко мне: «Папа, папа». Извиняющаяся мама: «У неё папа — моряк, вот она и тянется к мужчинам». Девочка была очень симпатичная. Мы с ней очень мило поиграли. А звали её Таня.

А Денису придумывали имя Танины подруги. В те времена были популярны «Денискины рассказы» Драгунского. Я помню, как я читал их Тане на даче у Злобиных (там в это время жили моя мама и Лев Николаевич), покатываясь со смеху (особенно, как он красил белье: «сверху вниз, наискосок…»)

Поход с Евтеевым

Однажды весной мы с Сашей Евтеевым устроили детский поход. Главной достопримечательностью похода стало катание на спасательном плотике-палатке. Но море удовольствия окончилось страшной простудой. Обратный путь был кошмарным. Привезли Татку домой с высокой температурой.

«Салютинки»

Во время больших праздников с дома на Смоленской запускали фейерверки. На улицу сыпались металлические «крышечки» от ракет. Мы с Таней называли их «салютинками» и собирали в мешочек (литра на два). К сожалению, при переезде они пропали.

Колготки

Эпоха дефицита. Тане нужны колготки. Их можно купить только в «Детском мире», причём, с боем. И вот я провожу такую операцию: приезжаю раньше открытия «Детского мира» за час, толкусь у входа. При открытии — бегом! Кто быстрее! На второй этаж и — к прилавку с колготками! Гордый, возвращаюсь домой.

Водные развлечения

К сожалению, в дальние походы с байдаркой с Татьяной мы не ходили. Были отдельные вылазки. Вот, например, в компании с инструктором Волченко и его сыном Никитой, Ольгой Тимофеевой (Терлецкой) и её сыном Васькой были на Пироговском водохранилище. На снимке из этого похода Таня сидит в байдарке в красной футболке.

Под руководством Юры Горшенкова катались на катере. И, пожалуй, в памяти более ничего не осталось.

Максимум водных приключений пришёлся на Белое море.

О наших с Таней трёх главных путешествиях (Карадаг, Кавказ, Белое море) я уже писал в «Записках увлечённого человека». Здесь чуть-чуть расскажу о Крыме.

Крым. Лагерное

1964 год. Маленькое селе-

ние у бухточки восточнее мыса Метаном. Таня, Галка и я устроились в маленькой гостинице воинской части на берегу моря (с помощью Павла Григорьевича). До селения от гостиницы километров пять, туда мы ходили редко. Главная достопримечательность посёлка — огромное дерево шелковицы, усеянное жирными, тёмными ягодами наподобие ежевики. Ягоды сыпались на землю, и под деревом оставалось множество тёмных пятен от раздавленных ягод.

Пляж был пустынным. Мы натягивали простыню вместо тента и под ним отдыхали после купания. В те времена только входило в моду плавание с маской и дыхательной трубкой. Таня это здорово освоила и плавала именно с маской. Я пытался охотиться с какой-то острогой. Зачем-то поймал ската, совсем не думая, что он может ответить. Вечерами гуляли по гладким пологим холмам вдоль берега. Иногда делали большие дальние экскурсии: в Судак, в Коктебель, на Карадаг.

В Судаке ползали по развалинам Генуэзской крепости, а потом шли Царской тропой в красивейшую бухту Новый Свет.

Ездили в Планерское (Коктебель). Смотрели дом Волошина. Добрались вдоль берега до знаменитой Сердоликовой бухты, где искали сердолики и даже что-то нашли. Но главное, конечно же, что около Карадага очень красивое дно моря. Мы с Татьяной вдоволь налюбовались видами подводного царства.

Не помню, добрались ли мы до Феодосийского музея Айвазовского. Но то ли там, то ли в Симферополе мы смотрели акварели Волошина. А пиком нашего житья в Крыму стал выход на Карадаг.

…Таня окончила радиофакультет МЭИ, у неё хорошая семья: муж Алексей Лежнёв, тоже выпускник РТФ МЭИ, дочки Аня и Маша, внук Пётр.

Денис

Денис с мамой (справа), бабушкой и дедушкой

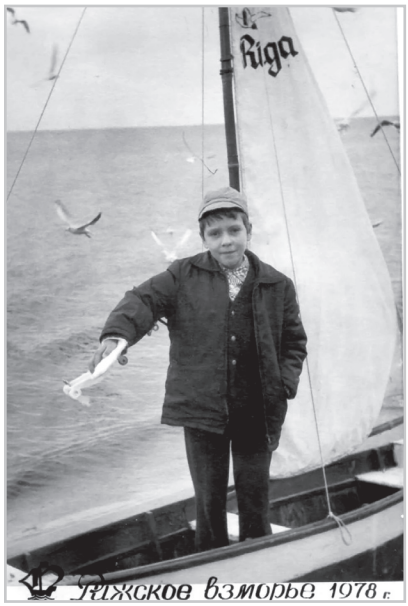
С Денисом было сложнее, т. к. в два года он заболел сахарным диабетом. В те времена не было одноразовых шприцов и других технических приспособлений. Это ограничивало наши передвижения. Вместо походов мы были вынуждены отдыхать в цивилизованных местах.

Но, тем не менее, всему, чему должен научиться мальчишка, он научился: грести на лодке и байдарке, кататься на велосипеде и на скейте, ходить на лыжах.

Год Олимпиады был для него особым: он сдал «экзамен» по плаванию. Пошли мы с ним и с Галей на пруд в Архангельском. Галя плыла рядом в лодке, а мы с Денисом — вплавь через пруд! В награду Денис получил тяжёленькую модель «Волги» с надписью «Олимпиада 80».

Мы часто бывали на Рижском взморье. В 1978-м у нас случилось ЧП. Полез Денис на какую-то конструкцию, сорвался, зацепился рукой — рука и сломалась. Помчались в больницу в Риге. Там бедняге сверлили кость и что-то у них не получалось. Кончилось тем, что сделали

гипс с «аэропланом», и потихоньку всё заросло.

В наших увлечениях особое место занимало Крылатское, где был горнолыжный подъёмник. Денис там быстро освоился, умело пользовался бугелем и спускался хорошо и безбоязненно.

Пару раз Денис бывал на праздниках ВМФ с дедушкой Павлом Григорьевичем. Однажды — в Севастополе. Поднимались на вертолётоносец «Ленинград», обедали в кают-компании. Мне почему-то запомнились моряки, стоявшие на корме и носу адмиральского катера, закусив в зубах ленточки, и наш дедушка, который буквально взбежал по трапу на корабль (такова морская традиция: по трапу — бегом).

Лорка — тоже важный эпизод биографии. Её оставили «в подарок» жильцы, снимавшие квартиру у Дениса. Славная была собачка. Но, увы, видимо, очень переживавшая предательство предыдущих хозяев.

Был у нас и воднолыжный эпизод. Катал нас на катере и на водных лыжах Юрий Николаевич Горшенков. А в компанию мы взяли Ваню Терлецкого, сына моего товарища

В центре — мы с Денисом

Оно обошлось ей нелегко.

Повзрослев, Денис часто летом отдыхал в Калязине, на базе ОКБ МЭИ. Катался на велосипеде, играл на флейте и на бильярде, бывал на антенне, плавал…

Наверное, самые главные наши общие впечатления — это Индия: о них подробнее написано в тексте «Четыре сказки» в этой книге.

Денис ушёл из жизни в 39 лет. При его форме диабета дольше не

живут…

Мои внуки

Твердят:
«Вначале было слово».
А я провозглашаю снова:
Всё начинается с любви!

Это слова одного из лучших поэтов нашего века — Роберта Рождественского.

Почему мы любим своих детей? Почему мы любим своих внуков? Никакими материальными причинами это не объяснишь. Это возникает в человеке не осознанно, не по обязанности, а из каких-то неуловимых потоков. И повторяется многократно. Помните песню: «Будут внуки потом, всё опять повторится сначала»?

Моя любовь к внукам заключается в сопереживании их успехам

и неудачам, пёстрым событиям в жизни очень уже далёкого от тебя, но твоего продолжения… У меня две внучки и правнук. Кто они? Как сложатся их судьбы? — до конца не узнаю никогда. Только начало.

Нюся, старшая внучка

Натура цельная и загадочная. Заботлива, внимательна, но свои мысли и чувства держит под замком.

В детстве хотела стать врачом, как бабушка Лида — мама Нюсиного отца. Но, когда летом в деревне увидела, как петуху рубили голову, резко передумала.

И решила стать педагогом. Оказалось, что это её призвание. Закончила Московский педагогический государственный университет им. В. И. Ленина. Уже много лет Нюся занимается с детьми. Одно время работала в школе, теперь в детском саду. И у неё НИКОГДА не было конфликтов ни с ребятами, ни с их родителями. Сама она объясняет эту гармонию так: «Люблю я их и жалею. Переживаю из-за их промахов и любуюсь чудными мордашками». Детишки, которые уже стали школьниками, продолжают с ней общаться. А родители считают большой удачей, если младший ребенок в семье тоже попал в группу к Анне Алексеевне.

Дома её ждет сын Пётр — сейчас он девя-

тиклассник, вступающий во взрослую жизнь, и собаки — верные друзья.

Когда надо было спасать собак из закрывающегося приюта, Нюся не раздумывая взяла себе Оскара — огромного лохматого пса. Так у Оскара началась новая счастливая жизнь. А остальные питомцы с восторгом встретили этого гиганта.

Забота о своих близких и помощь друзьям, «грибная охота», садово-огородные хлопоты — это наша Нюся.

Слово Маше, младшей сестре:

— Бабушка Галя называет нас с Нюсей «Белочка и Розочка», как девочек из сказки Андерсена. Мы такие и есть; кажется, что, кроме чёрных глаз, у нас нет ничего общего, но это не так. Мы часто ссоримся, спорим и не соглашаемся друг с другом. Всё детство мы делили родительскую

любовь и изводили друг друга и всех вокруг. А сейчас мы пришли к согласию, потому что делить, в общем, нечего — любви хватит на всех. И это, наверное, самое главное, что есть у Нюси, и что, я надеюсь, есть и у меня — доброта и любовь к окружающим. Порой Нюся прячет эту свою доброту, потому что кажется, что быть мягким — это показывать свою слабость. Но на самом деле доброта — это и есть сила.

Слово Петру, сыну Ани:

— Моя мама — поразительно многосторонний человек. На работе она то строгий воспитатель, то заботливая мать для детей, которых она опекает в своей группе…

Как и у любого другого человека, у неё многое зависит от эмоций, и это сильно отражается на взаимоотношениях с людьми. Простой пример: на работе у неё был тяжёлый день и, встретившись дома, мы с ней можем поссориться из-за какого-нибудь пустяка. Но как толь-

ко мама остынет, она всегда первая подойдет и извинится, нежно обнимет. Да она и не может долго злиться или обижаться, а я, в свою очередь, перенял у неё эту черту.

Мама очень добрый, чуткий и понимающий человек. Она всегда остаётся на моей стороне, какое бы решение я не принял.

Маша, младшая внучка

Окончила истфак МГУ, искусствовед. Но удержаться в «классике» работы искусствоведа (музейное дело, экспертиза) оказалось не судьба. Поработала в Историческом музее, в МВЦ «Музей моды», в Институте русского реалистического искусства, в Реставрационном центре имени И. Э. Грабаря… Но не выдержала статики, да и начальство было заскорузлое.

Запись с Машиной странички в Фейсбуке:

«У меня есть любимая история про то, как меня уволили. Я пошла работать в частный музей, где нужно было соблюдать дресс-код — всегда быть в чёрном. Мне это казалось невыносимым, ни разу я не пришла, как надо. На открытие музея надела чёрное, но с открытой спиной, а наверх накинула пудровый пиджак. Начальница была в ярости! — и так плохо, и так. За это и была уволена».

Сама придумала пойти волонтёром работать с детьми, создала с нуля (!) «Школу позитивных привычек».

Её работу заметили в благотворительном фонде «Образ жиз-

ни». Там она организовала, раскрутила и (добрая душа!) отдала придуманное ею дело в другие руки («Так получилось»). Вот результат: *«Мне хочется сказать много спасибо разным, очень важным людям. У нас запустилась онлайн-платформа «Школы позитивных привычек» (http://positiveschl.ru/), теперь учителя со всей Земли могут регистрироваться, пользоваться нашими методическими наработками и по ним рассказывать детям о том, что помогать полезно и легко. Наши уроки — это возможность для ребёнка в будущем не делать мучительный моральный выбор, а помогать, потому что иначе он не может».*

Сейчас Маша — директор ассоциации «Благополучие животных».

Она считает, что отношение к животным — это «лакмусовая бумажка отношения человека к себе и к Земле».

Но… «мне всегда чего-то не хватает: зимою — лета, осенью — весны».

Рассказывает Маша:

«Летом мои родители поехали на Белое море и возвращались на машине через Кострому. Там находится Костромская мануфактура, которую основали братья Третьяковы. Родители привезли мне оттуда потрясающие скатерти и салфетки, которые стоили «три копейки». Тут я поняла: срочно хочу это развивать и продавать. Чтобы люди поняли, что российские сувениры — это не «рашн-деревяшн», а потрясающий текстиль, который когда-то был известен по всему миру. Я рассказала об этом Аллочке, а она сказала, что нам нужно скоординироваться с Аней (Аня и Алла — Машины подружки. — *Л. Краснов*).

И я, и Аня давно хотели открыть какой-то свой бизнес — но этого мы друг о друге не знали, а мечтали каждая в тиши своих комнат. Я вообще постоянно генерирую идеи, которые мне кажутся гениальными, загораюсь, говорю: «Сейчас всё будет!» — а потом ничего не происходит. Первые полгода мы раскачивались и думали, делаем мы что-то или не делаем, собирались раз в месяц, строили планы. Потом Анин муж внезапно придумал нам название «Накрой» — и оно моментально прижилось. Тогда мы организовали индивидуальное предприятие и в первый раз поехали на разведку: в Ивановскую область, на Гаврилов-Ямскую мануфактуру. Ездили мы везде вместе, а параллельно я занималась «бюрократией», а Аня делала сайт. Это было очень долго и нудно, но мы справились.

Сейчас мы работаем с четырьмя мануфактурами: «Гаврилов-Ям-

ский ткач», «Елецкое кружево», Костромская мануфактура и «Яковлевский жаккард». Мы быстро поняли, что ситуация везде плачевная: например, в Гаврилов-Яме почти все замечательные старинные станки пришлось продать на металлолом, чтобы закрыть долги. В целом везде похожие проблемы: продукт отличный, а продают плохо. Одни мануфактуры вообще не идут на российский рынок — они просто делают большие заказы и отправляют их на Запад. Например, Костромская мануфактура производит ткани для ИКЕА и Zara. Другие пытаются продавать свою продукцию в сувенирных магазинах, палаточках в Измайловском кремле или онлайн, но получается не очень. При этом они с удовольствием идут на контакт. Вот, например, мы приехали в Елец, нас встретила директор, провела нам экскурсию, спросила: «Расскажите, что нужно, какие претензии к нашему товару, мы сделаем по-другому».

Самое важное и любимое для меня сейчас — «Накрой». Я всё

время о нём думаю и говорю. Не только как о собственном бизнесе и будущем, а как о партнёрстве, идеологии и собственных способностях. Прошло полгода, и мы не только заработали на развитие, но и получили прибыль. Нас начали приглашать на выставки, и они стали приносить деньги, у нас каждый день есть заказы и даже есть повторные. Мануфактуры сами стали предлагать более льготные условия или предлагать большее сотрудничество.

Я недавно поняла, что, если ты делаешь что-то своё, то все вокруг вдруг начинают тебя поддерживать и помогать. Всё туфта, что предпринимателей и бойких гнобят. Всё наоборот. Когда я была волонтёром со своим проектом в «Дарящих надежду», все посмеивались над собачками, но сами предлагали вести занятия, отдавали книги для нашей «Полки добрых книг» и много чего ещё.

Сейчас, когда мы начали делать «Накрой» (https://nakroy.store/), и у меня сердце млеет от русского текстиля, столько людей стали писать, помогать и приходить на ярмарку! Я никого и ничего не вижу из-за большого объёма работы, а за эти дни увидела так много тех, кого люблю!

Спасибо вам огромное!»

Маша очень позитивно относится к окружающим людям. Вот её зарисовки:

«Иду по двору, впереди дворник сидит, я улыбаюсь ему, здороваюсь. Он улыбается и здоровается в ответ. Спрашивает, чего это меня давно не видно. Мы болтаем о «короне», о жизни и желаем друг другу хорошего дня».

«Так здорово делать маленькие глупые вещи! Решаться и делать, говорить что-то, что другие осудят или скажут, что ты дурак — а тебе будет кайфово и другим, может быть, тоже.

Ехала сейчас в поезде и всюду развалившиеся лачуги, но на одной красной краской написано: «Счастливого пути!», и это так здорово. Соседи её хозяину, наверно, сказали: «Ты чего, тук-тук? Тебе нравится железная дорога?» А он ответил: «Да так, не убудет же».

И спасибо ему за это».

«Поняла, зачем нужны комары, слепни и мошки: чтобы, даже когда очень хорошо, помнить, что ещё есть куда стремиться».

«Были сегодня в пункте передержки животных в Торжке. Хмурили лбы, задавали вопросы ловцам и администрации, а потом вдруг парень проехал мимо на «девятке» и закричал из окна: «Эй, Саш, а пушистого я заберу!» — и стало полегче».

«Вчера потеряла беретку, сегодня в кармане нашла шекель: Вселенная, на что ты намекаешь?

UPD: посадили в самолёте в бизнес-класс. Шекель сработал!»

«Вчера маме передали фамильные шахматы. Мой прадедушка, Лев Николаевич Кацауров, вытачивал их в перерывах между танковыми атаками, чтобы потом с товарищами развивать свои стратегии уже не на боевом, а на шахматном поле».

«Погода была ужасная. Я стояла на пешеходном переходе, и с носа капал дождь. Чувствовала себя мизераблем и идиотом, а потом подошла девушка и молча накрыла меня зонтом.

Её зовут Рита, она сказала, что в ней очень много

Те самые шахматы и удостоверение механика-водителя танка Л. Н. Кацаурова

любви, и она готова ею делиться, как и зонтом. Девушка Рита, удачи Вам! И как же хочется, чтобы все люди были такими же».

Маша и в «свободном полете» (т. е. на отдыхе) ищет не банальный пляж. Она получает права — но не автомобилиста, а яхтенного капитана!

Внучка легка на подъём: путешествует с родителями в Непал, потом идёт на Алтай…

«Мне особо нечего рассказать о Непале. Очень красиво, спокойно, невероятно. Из дел — пройти, поесть, поспать, подумать. Из понимания: всё самое важное — сложное. Из желаний

— пойти снова за облака, молчать и смотреть».

Она гоняет на SUP-борде (надувная доска для плавания):

«Высоцкий неправильно пел. Можно не в горы тянуть друга, а на сапы. В холод… дождь… ветер… с разливающейся по телу простудой — и получится очень классно. Кажется, что страшно, а на самом деле — супер-друпер!»

… и встречает Новый год за Полярным кругом.

В 2020 году Маше исполнилось 30 лет. Вот её запись в день рождения:

«Мне всегда казалось, что будет страшно в этот день, а мне очень счастливо! Мы недавно обсуждали, что тридцатилетие — лучшее время: уже знаешь, что любишь, разобрался со всеми детскими травмами и сам отвечаешь за себя.

Я очень благодарна и ещё больше люблю тех, кто находится рядом со мной — моих родителей, друзей, единомышленников, да и просто людей, хороших!

Я долго жила без мечты, кроме той, чтобы все собаки жили в своих семьях, но пару месяцев назад мечта у меня появилась. Я хочу купить/арендовать жаккардовый станок, собрать его и снова ткать жаккарды с традиционными рисунками «Ландыши» и «Ромбы» для «Накрой».

Эти станки разобрали полгода назад, хотели сдать на металлолом, но, к счастью, замешкались, так они и лежат неприкаянные. Мы знаем, где найти мастера, чтобы их починить, и лён, чтобы сделать ткань. Картоны с рисунком хранятся на фабрике, поэтому это тоже не проблема.

Надо только выкупить и запустить.

Путешествуя по мануфактурам, мы видели много жаккарда — старинного, однотонного, изящного и похожего на французский, новомодного — привет, плохой вкус! — разноцветного европейского и, как нам сказали на фабрике, стильного: в ткани должно быть минимум три цвета, иначе не красиво.

Мы любим однотонный старинный жаккард, в нём есть лес, поле, небо и душа. Его мы видели у своих бабушек на кухнях и хотим видеть у себя и у всех знакомых.

Если вы хотите сделать мне подарок, пожалуйста, подпишитесь на наш патреон — мы соберём деньги и вернём к жизни старинную машину! Плюсом будут классные истории про ткачество, лён и людей.

Маша, вперёд!

Пётр, мой правнук

Пете пятнадцать лет, он учится в девятом классе с углублённым изучением физики и математики.

Когда Петя был маленьким, мы любили с ним играть в шахматы и смотреть «Звёздные войны». Теперь он увлекается научной фанта-

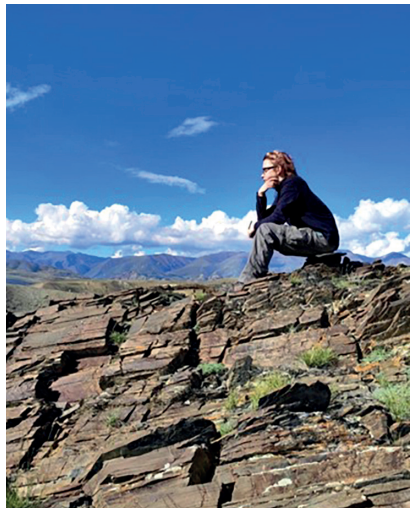
стикой, фэнтэзи и игрой на гитаре. Называет себя мечтателем.

В этом году ходил в поход по Алтаю. Вот его рассказ:

— Это был мой первый подобный опыт и, увы, дорогу до пункта назначения я пропустил. Слишком поздний вылет, а поспать в самолёте мне так и не удалось. Но хоть путь по Чуйскому тракту я помню урывками из-за полудрёмы, это первое впечатление до сих пор будоражит мой мозг. Горные массивы, возвышающиеся над тобой на сотни метров вверх, никого не оставят равнодушным.

И уже этого было достаточно, чтобы появилось ощущение попадания в другой мир, но совершенно меня добил быт местных жителей.

Я парень городской и настоящей деревни никогда не видел, но то, что мне открылось на Алтае, перевернуло мой взгляд об устройстве современной жизни. Вроде 21 век, человек побывал на Луне и собирается лететь к Марсу. Открыты сотни галактик.

Масштабное производство снабжает всем необходимым огромные города. Чего стоит только интернет, если начать задумываться, — одно из величайших изобретений. А люди в отдельных уголках нашей

планеты живут охотой, собирательством и придерживаются кланового строя общества. Это возбуждает мозг так же, как и массивные скальные образования.

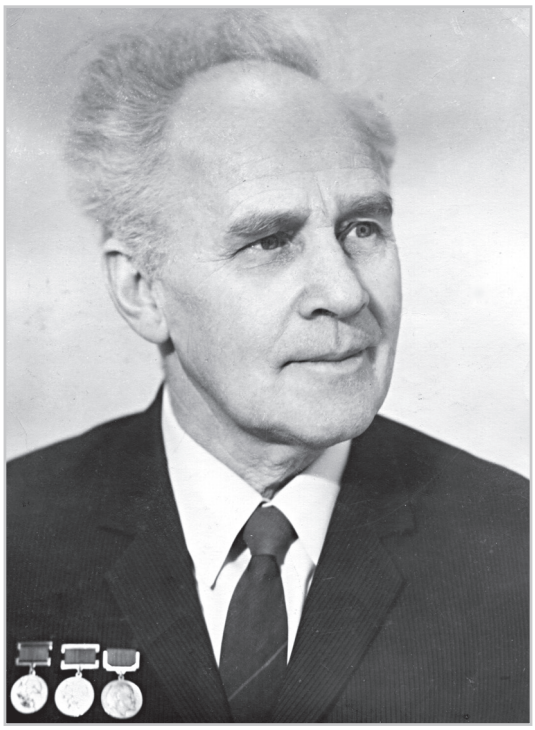
Только на четвёртый день, сидя в палатке, размышляя о происходящем и разбираясь в своих ощущениях, я понял, что нахожусь в своеобразном трансе. Возможно, мне просто не хватало кислорода, и из-за этого моё восприятие так изменилось, но мне всё же хочется думать, что это гипнотическое влияние гор.

Вернувшись домой, я не сразу вышел из этого состояния и вряд ли его когда-то забуду.

Н. А. Викторов

ПУТЬ РАДИОИНЖЕНЕРА

Эта ~~книга~~ содержит в себе письменные воспоминания Николая Александровича Викторова, сына Александра Фёдоровича и Людмилы Филипповны Викторовых, а также его устные воспоминания, воспроизведённые с его слов двоюродным братом Л. А. Красновым.

От составителя

Николай Александрович, безусловно, был яркой, незаурядной личностью. Талантливый инженер и учёный, лауреат двух Сталинских и Ленинской премий, один из пионеров создания систем автоматического наведения ракет, прекрасный чтец Маяковского, отец шестерых детей — неудивительно, что в роду Викторовых он занимает особенно почётное место.

До войны Николай ~~какое-то время~~ снимал комнату у нашей соседки по коммунальной квартире, а в конце войны он вместе со своей мамой жил у нас. Помню его удивительным собеседником, всегда имеющим собственный взгляд на обсуждаемый предмет. А от его чтения «Облака в штанах» или «Разговора с Пушкиным» мороз пробегал по коже. На моих глазах Николай собрал для меня детекторный приёмник.

Его мама Людмила Филипповна жила у нас нелегально, вернувшись из лагерей и ссылки. Помню её ватник с крупными буквами «КАРЛАГ» на спине. Однажды нагрянул обыск, видимо, по доносу соседей, но мы сообразили спрятать Людмилу Филипповну в ванне, и всё обошлось.

~~В юности~~ брат был моим кумиром. По примеру Николая я поступил на РТФ МЭИ и стал радиоинженером. Именно поэтому я и попросил его подробно рассказать о своём прошлом.

Данный материал в основном составлен из магнитофонных записей наших бесед, происходивших в период со 2 ноября 2002 года по 1 июля 2003-го. Позднее Николай Александрович дополнил к этому несколько страниц («О безмятежном»; «Школа»; «1937 год»; «Первые годы оттепели»; «Ещё один поворот — к истокам»), отрывки из которых были опубликованы в журнале ОКБ МЭИ «Радиотехнические тетради».

Л. А. Краснов, декабрь 2003 г.

Начало пути

О безмятежном

Первые воспоминания — село Карай-Салтыково, река Ворона, имение князей Волконских с их детской комнатой…

1919–1921 годы. Я, уже подросший, живу в степном селе Мосоловка, где дед служил попом в маленькой деревянной церковке. Думаю о детстве и представляю пруды, яблоневый сад бывшего помещика Чикирёва, ватагу друзей — сельских мальчишек. Антоновщина оставила свои зарубки: кучи пулемётных гильз (наши «игрушки»); порубленные шашками тела, грудами сваленные на сельском кладбище; пропахший яблоками подвал дома, в котором семья скрывалась во время обстрелов. И полное отсутствие страха — одно любопытство.

Тамбов. Приобщение к радиоделу

1921 год, радиолюбительство под запретом. Интерес к нему пробудил дядя Володя Викторов, который служил в армии в войсках связи. Он занимался моим техническим образованием и подарил мне детекторный приёмник «Телефункен». Дядя рассказывал, как натягивать антенну, наматывать катушки и всё такое прочее, что производило сильное впечатление, и я старался всё запоминать. Память была будь здоров! Ещё дядя говорил: «Мой уши с мылом!» Мудрого совета наставника воспитанник придерживался всю жизнь.

Короче говоря, радиолюбительством я заразился от дяди Володи. Уже по собственному почину принялся воровать провода, обрезал звонки, а свинец добывал из кабелей для аккумуляторов. У меня было двое приятелей-сообщников: Митька Борисов, Митрич, ставший впоследствии крупным специалистом в области радио, и Юрка

Сомов. Втроём мы увлекались сначала авиастроением, завоёвывали призы в виде подписки на журналы, а потом занялись детекторными приёмниками. Монтировали их по описаниям в статьях и сами же изготовляли батареи питания (кислотные, 80-вольтовые).

Случались инциденты. Так, когда я поставил антенну на крышу (радиолюбительства нет, а радиолюбители-то есть!), отцу доложили, пригрозив: уничтожь, не то накажем. Антенну ликвидировали, наш с ребятами приёмник тоже. Но в загашнике остался «Телефункен» дяди Володи. Он представлял собой катушку индуктивности — провод, намотанный на эбонитовый стержень. Крутишь ручку переключателя — число рабочих витков меняется. Ловишь станцию и слушаешь.

Радиолюбительство только-только разрешили, а у нас уже имелось два радиоприёмника, первые в Тамбове, которые мы зарегистрировали на почте. После ставили рекорды, собирали ламповые приёмники. Митька являлся заводилой, он был старше меня на два года.

В 1923 или 1924 году отца с матерью перевели в московские Кузьминки в Ветеринарный институт. Мы прожили там около года.

Школа

Совшкола № 6. Она всплывает в памяти как что-то скучное и тусклое. Мальчики и девочки в основном были крупные, и я со своим малым ростом их не интересовал. Понятно, были и другие ребята (класс как класс), но особых событий не происходило. Я числился полудвоечником. Если чувствовал, что вот-вот должны спросить, следил за уроком по учебнику и старался запомнить текст. В общем, ловчил. Но однажды «Алёша», преподаватель естествознания — из всех учителей его единственного я уважал и любил — закатил мне переэкзаменовку по биологии после летних каникул. Было ужасно обидно. Пол-лета

меня угнетало, что надо браться за «Физиологию человека» Рыбкина, а я и не открывал его. В августе родители отослали меня к тёте Наташе в деревню, и там от скуки стал читать Рыбкина. Учиться по книжкам я не умел и просто вызубрил учебник наизусть. Полностью. Из него и все мои познания о человеческом организме.

Осенью «Алёша» забыл о моём «хвосте», а я сгорал от нетерпения выказать свои успехи и поинтересовался, когда же экзамен. «А ты знаешь?» После моего торжествующего «да» он нанёс мне тяжкое оскорбление: «Ну и хорошо». И не спросил!!! Но всё равно «Алёша» мне нравился, особенно из-за его уроков физики. А самыми противными я считал уроки русского языка.

Само собой, была и любовь, кристально чистая, невысказанная. Её звали Серафимой. Всё началось в шестом классе. Когда школа осталась позади, я всё ещё по-прежнему любил Серафиму.

«И как переливы тончайшей лазури
Весеннего неба и дали полей,
Звучат перепевы промчавшейся бури
Далёкого счастья затерянных дней» …

Электрокурсы имени Красина

В 1925 году отца вдруг назначают заведующим областным земельным управлением в Воронеж. Мать и сестра уезжают к нему, а я остаюсь в Москве. Я уже учился на электрокурсах им. Красина, дававших за два года объём знаний десятилетки и специальность. Выпускники получали профессию электромонтёра 3-й категории.

Курсы представляли собой старорежимное учреждение. Преподаватели были очень квалифицированными, а оценки ставились по пятибалльной системе. Особенно отличался математик Адольф Кар-

лович; неплохо вёл предмет преподаватель физики. Физкультуры не было, её заменяли драки на переменах с учениками соседней школы. На учёбу приходилось добираться 3 км пешком от Кузьминок до Курского вокзала и ехать на поезде.

Я сидел за одной партой с друзьями — Лёлькой Вишняковым и Лёвкой Животовским. В стране заговорили о Стаханове и стахановцах, и нам захотелось стать «лучшей партой» в отметках, особенно по математике. Позднее Вишняков дорос до директора электростанции, а Животовский стал инженером-электриком.

После года курсов, одетый по-городскому (короткие штаны и прочее), поехал в родную Мосоловку. В деревне сколотилась своя «бригада» мальчишек с Филькой во главе. Однажды нашла коса на камень: я отказался что-то выполнить. Филька решил меня побить, чтобы утвердить свою власть, но из этого ничего не получилось — у меня за плечами были московские «университеты». Лидерство перекочевало ко мне.

Когда отца перевели в Воронеж, мне оставалось отучиться ещё год, и меня препоручили тёте Капе, чему я был очень рад. До этого я жил у знакомой родителей, Марии Владимировны. Спал у неё на топчане, накрытом каким-то барахлом, который стоял в углу комнаты.

Родители высылали мне раз в месяц по 30 рублей, больше не могли. Покупал сто граммов любительской колбасы на 10 копеек, булку и бутылку молока. Вот и весь мой рацион. И продолжал заниматься.

Получилось так, что от тёти Капы мне пришлось переехать в студенческое общежитие Сельхозакадемии. Как готовил уроки, не помню; учился во вторую смену, обедал в столовой ЦСО (она располагалась неподалёку, в Большом вузовском переулке). Столовая была замечательной. Там было так: на первое — щи, на второе — хлеб (главное — ешь сколько хочешь!), а на третье — котлета. Всё стоило 50 копеек, так

что половина моих денег уходила на обеды. На остальные можно было купить булочку за шесть копеек и пол-литра молока.

В трамвай мы не садились — очень дорого, поэтому ездили на «колбасе», держась сзади за резиновый шланг. Куда угодно колесили бесплатно!

В общежитии я жил в одной комнате с Шуркой Красновым, будущим отцом Лёвы. Тогда многие были увлечены троцкизмом, в том числе Шурка, и велись всякого рода дискуссии. Я на них присутствовал, но сам не выступал. Для сна в моём распоряжении было несколько стульев или табуреток и одеяло. Одну его половину стелил под себя, другой укрывался. Что клал под голову, не помню, что-то твёрдое. Так продолжалось до весны 1929 года, когда меня послали стажироваться на Белорусский вокзал. Занимался проводкой в царских составах, переоборудованных под вагоны-лаборатории для контроля путевого хозяйства. Со мной работал старый дед, который ездил на этих поездах ещё с царём и рассказывал о нём неприличные байки.

Практику заканчивал в июне на заводе «Ревтруд» в Тамбове — в основном бил шлямбуром стены для прокладки проводов. Как-то раз, находясь на большой высоте, почувствовал себя в дрезину пьяным. Спустился, отдышался, снова залез наверх — опять опьянел! Да что такое? Оказывается, в этом цеху варилась пропитка для электромоторов на шеллаке, разведённом спиртом. Когда чаны кипели, пар валил ужасный и скапливался у потолка.

Пока работал на заводе, жил у мосоловских бабушки и деда. Бабушка с дедом по материнской линии были симбирские, а по отцовской — мосоловские: дед, как я упоминал в начале, служил священником в селе Мосоловка под Тамбовом.

Общество друзей радио

С дипломом электромонтёра 3-го разряда в кармане я оказался в Воронеже и через биржу труда устроился в областное Общество друзей радио, где стал мотать трансформаторы, изготавливать детали — в общем, осваивать ремесло. А в середине 1929 года меня направили в сельскую местность бригадиром по установке радиоточек (шла всеобщая коллективизация). От меня требовалось приладить антенны и научить народ пользоваться радиоприёмниками (трёхламповый батарейный приёмник назывался БЧ). Там со мной происходили разные забавные истории. К примеру, в одном селе мужики совсем не ругались матом, зато бабы!.. По вечерам молодёжь выходила на завалинку. Девки, удивляясь моему неведенью по части мата, объясняли всё «как, зачем и почему». Как-то пригласили в избу, где обычно проводились вечеринки. Вхожу, вижу: на полу, плотно застеленном соломой, лежат парни с девками и тискаются. Поскольку я был приезжим (городской, да еще знаменитость — давал слушать по приёмнику концерты, выступления Сталина!), меня пыталась завлечь самая красивая девка. А я, молодой (16 лет), неопытный, не знал, что с бабами-то делать. Краля тщетно старалась добиться от меня чего-нибудь, но я был совершенно не готов для подобных дел.

Возвратился я из командировки обросший и весь во вшах.

Я не особенно вдавался в политику, но реакцию крестьян на речь Сталина по поводу «перегибов» запомнил. Наблюдал сам, как из колхоза потащили всё что можно в свои дома и как честили своих управленцев.

Москва. Завод «Динамо»

Приятели, с которыми я учился на электрокурсах, работали в Москве на заводе «Динамо». Здорово! Мы переписывались, и я решил

тоже рвануть в столицу. Встретился с Лёвкой Животовским, который сказал: «Ладно, у меня на лавке переночуешь, а утром пойдем на завод, там берут на работу». Пришли, меня представили «барину» — начальнику цеха регулировки. Это был человек крепкой закалки, чрезвычайно тщательный и придирчивый. «Барином» его окрестили потому, что он очень хорошо выглядел — как настоящий инженер старой школы. Он устроил экзамен. Как помню, кивнул на приборы: «Как называются?» Сказал. «А что измеряют? Какие пределы измерений?» Ответил. «А что будет, если таким-то прибором померить то-то?» —«Сгорит».

Короче, я оказался достаточно грамотным и был принят в цех регулировки трамвайных и тяговых моторов, причём, электромонтёром 4-го разряда. У ребят случались стычки с «барином» — требовали повысить зарплату, но я оставался в стороне. Мне доверили регулировку электровозов и их обкатку. На рассвете я уже гонял электровоз по Ярославке на огромной скорости, до 80 км/ч. Мчался с упоением, радуясь, что управляю такой махиной. Это были первые советские электровозы серии «Владимир Ленин» (ВЛ).

Между тем, на заводе развернулась настоящая классовая борьба с пришедшими из деревень и «примазавшимися». Лёвка Животовский был сыном меньшевика. Вначале всё шло нормально: Лёвка вступил в комсомол, я тоже. Мы честно рассказали, кто он, кто я. А потом нашлась сволочь, парторг цеха Ефимов, который принялся выживать Лёвку с завода. Меня к тому времени избрали комсоргом цеховой ячейки и в бюро комсомола «Динамо». Это вам не фунт изюму!

Так вот, прицепились к тому, что Лёвка — сын меньшевика, и начали его прорабатывать. И однажды на общем комсомольском собрании я встал и сказал: «Мои убеждения такие же, как его, значит, и меня надо выгонять из ВЛКСМ. Мы вместе вступали в комсомол. Я пол-

ВЛ19 («ВЛ» — «Владимир Ленин», 19 — нагрузка от движущих осей на рельсы в тс) — советский магистральный грузопассажирский электровоз постоянного тока, выпускавшийся с 1932 по 1938 год. Является первым, а среди серийных (до марта 1953 года) — единственным электровозом, конструкция которого была создана в СССР

ностью его поддерживаю». В результате меня решили исключить, но тут же одумались, сообразив, что исключат члена бюро комсомола всего завода. Тогда меня выперли из комсоргов цеха, но оставили в бюро. Лёвку из комсомола таки выгнали, и я понимал, что для меня тем дело не закончится.

Я работал мастером-регулировщиком ОТК первых советских электровозов. Поставил на рельсы первые три советских электровоза, отрегулировав и проверив их в ходу. Тем не менее, чувствовал, как над моей головой сгущаются тучи. Резко решил поступать в институт и, никого не предупреждая, в течение дня уволился с завода. Снялся

с комсомольского и профсоюзного учёта, получил расчёт в бухгалтерии. Как удалось? — благодаря секретаршам! Я рассказал, кто меня травит, и они были на моей стороне. Всё делалось мгновенно. Замечу: секретарши всегда относились ко мне с симпатией, несмотря на то, что ни за кем из них я не ухаживал. В один день я стал свободным человеком.

МЭИ

Приняли! Правда, вместо престижного электрофизического я был зачислен на факультет радиосвязи, образованный в 1932 году. Что поделаешь, видно, оценки на экзаменах не дотянули, а анкетные данные радиолюбителя сыграли свою роль.

Началась новая жизнь. Общежитие первокурсников МЭИ — кельи старообрядческого монастыря, одна на 12 человек, со строгим режимом, установленным её обитателями. И продуктовые студенческие карточки для «поддерживающего» питания в столовой монастырской церкви…

Студент Николай Викторов, 30-е г.

Милый Коровий Брод! Перед глазами встают лаборатории и лекционные залы старого корпуса МВТУ. Это потом было общежитие в Лефортове, аудитории Теплотехнического института и классы на Гороховской улице. Но здание на Коровьем Броде и входное фойе с вывешенными там списками счастливых абитуриентов 1933 года в моей памяти «остались по-прежнему ярки, как свежие кра-

ски картины».Ректор МЭИ Н. И. Дудкин и декан факультета радиосвязи Г. А. Левин являлись для нас, первокурсников, людьми высшего ранга, богами! Поэтому отказ в своей просьбе о переводе на элфиз я воспринял как часть Абсолютной Истины. Непререкаемым авторитетом пользовались преподаватели В. А. Котельников и С. И. Евтянов. Нам очень повезло, и сейчас, спустя многие годы, я с огромной благодарностью вспоминаю наших тогда ещё молодых учителей.

Конечно, поначалу были трудности с конспектами, неумение работать над книгой, паника на экзаменах. Но первый курс — это ещё и неожиданно высокие оценки, и общественная работа, и стрелковые соревнования в составе команды МЭИ, после которых ректор вручил мне личную малокалиберную винтовку, и поездка на институтскую базу в Коктебеле. Разве такое может забыться!

Лекции, зачёты, учебные проекты, лабораторки на Гороховской с их нехитрым оборудованием, в которых командовал Ю. З. Мамонкин. С какой любовью всё это теперь вспоминается!

Моей давнишней мечтой был Ленинградский институт строения вещества, и в 1929 году я подавал заявление туда, но меня не приняли: нет рабочего стажа, к тому же сын служащего. В 1933 году стаж уже имелся, и я прошел по конкурсу в МЭИ, хотя не особенно надеялся, считая себя слабо подготовленным. И вдруг — блестящие оценки! По химии «отлично» (в которой ни бум-бум, знал только из журналов популярную электронную теорию материи применительно к таблице Менделеева); по физике «хорошо»; по русскому «удовлетворительно», зато по математике «отлично». Ясное дело, в каком-то смысле это была лотерея.

В то время был объявлен так называемый «ленинский набор 25-тысячников». Мне поручили шефство над тремя партийцами, и, под-

тягивая их, я так увлёкся, что сам стал во всём хорошо разбираться. Несмотря на это, при сдаче первой сессии неимоверно трясся. Думал, выгонят. Однако задания и вопросы оказались ерундовыми, особенно по теоретической механике. В результате после первого курса вышел в отличники. Самое главное, я действительно знал! Со всех сторон посыпалось: «Говорил, такая нагрузка с 25-тысячниками! Плакался-плакался, а получил одни пятёрки». Память — мой козырь: удавалось запоминать всё, что нам втолковывали учителя.

На втором курсе я уже не смел снизить планку, гордость не позволяла. На первом думал: главное — не вылететь, а потом, кроме «отлично», не признавал ничего. Вкалывал бешено. Распорядок был таким. Придя из института и пообедав (по талончику), на два часа ложился отдыхать. Засыпал намертво. Вставал и сразу, не отвлекаясь, садился заниматься. Чем? — переписывал начисто конспекты. На лекциях я не успевал за преподавателем и восстанавливал по памяти то, что упустил. Получались чистенькие, хорошие конспекты, а самое важное — я уже всё понимал!

После первого курса меня премировали путёвкой в Коктебель, студенческий лагерь МЭИ. Здесь моё первое море, первые волны и поединок с ними, первые горы. Пел в хоре, выступал с цыганским ансамблем, читал стихи Маяковского, был «признанным чтецом-декламатором смены». Незадолго до отъезда влюбился. Фаина Григорьевна была очень умной, красивой. Муж архитектор, сама работник в аппарате Косыгина. Влюбился — но во что? — в запах её духов! Когда Фаина Григорьевна уводила меня в темноту, в кусты, растущие вокруг лагеря, раскладывала подстилку и ложилась, я опускался рядом и начинал философствовать. И всё! По-другому я просто не умел, боялся. Был романтиком. Да, мог поцеловать женщину, мог произносить ласковые

слова, но всё остальное представлялось недозволенным — женщина казалась божеством. Ещё встречался с замужней студенткой Лидой. Мы нежно относились друг к другу, но опять же платонически.

Путь радиоинженера

1937 год

Мой отец, Викторов Александр Фёдорович, заведующий отделом областного земельного управления Воронежской области, в июле 1937 года поехал в отпуск в Сочи. И пропал. Только потом, в конце августа, стало известно, что его арестовали.

В середине августа, ни о чем не подозревая, я отправился в Воронеж на каникулы. Мать и сестру Люлю (Людмилу) застал среди хаоса, устроенного при обыске. Они уже подыскивали новое жильё, потому что квартира была служебной.

Как обычно в те времена, ни им, ни мне не удалось получить никаких сведений об отце. На службе и в местном управлении ГПУ «ничего не знали» о его местонахождении и причине ареста.

Так ничего и не добившись, уехал в Москву — начинались занятия на пятом курсе. Находился в полной растерянности, ведь я был искренним сторонником Сталина и не сомневался в закономерности репрессий.

Узнав, что в Воронеже начался суд над вредительской группой секретаря обкома партии Варейкиса, я отправился в Ленинскую библиотеку и в газете «Воронежская коммуна» прочитал стенографический отчёт об открытом процессе. Среди подсудимых оказался отец, который признал свою вину во вредительстве и ещё каких-то действиях.

На меня навалился ужас, оцепенение. Рухнули прежние представления о чести и достоинстве отца… Мы свято верили в справедливость суда.

Опыт подсказывал, что родственники тоже подвергнутся наказаниям как члены семьи изменника Родины — ЧСИР. Предчувствие не обмануло: мать арестуют, сестру выгонят из института за отказ снять с руки перстень с фотографией отца.

Дальше случилось многое. Отца расстреляли. Двоих его братьев репрессировали. Мать упекли в концлагерь, меня исключили из комсомола. Сокурсники от меня отвернулись, я стал изгоем. Хотя из института не выгнали — сыграл тот факт, что давно жил самостоятельно, вне семьи и был круглым отличником. Благослови бог ректора МЭИ Н. И. Дудкина! Он дал мне возможность закончить учёбу.

Решением ЦК ВЛКСМ меня восстановили в комсомоле (без прерывания стажа), что, однако, не помешало не допускать меня к работе на предприятиях.

Диплом. Распределение

Над дипломным проектом я трудился в МЭИ. Тема была свободной, потому что ни в какие учреждения, где бы имелась возможность её получить, меня не брали. В своей работе я исследовал генерацию высокочастотных сигналов между сетками электролампы за счёт пучка пролётных электронов. К её окончанию сосед по общежитию принёс обложку американского журнала, на которой изображался первый клистрон 10-см диапазона братьев Вариан. Информация ограничивалась указанием габаритов и общим описанием прибора, ничего больше. Моя тема была из той же области, я быстро понял принцип действия клистрона и, исходя из габаритов, смог вычислить его параметры.

Защита превратилась в своего рода лекцию, так как про клистроны никто ничего не знал. Диплом оценили на «отлично», к тому же по всем предметам у меня стояли пятёрки, кроме четвёрки по материаловедению. Последовало предложение поступить в Остехбюро, филиал головного предприятия, созданного в Ленинграде в 20-х годах по постановлению, подписанному Лениным. (В 1937 году Остехбюро было преобразовано в НИИ-20, но неофициально часто называлось по-прежнему. — *Примечание Л. Краснова.*) Тем не менее, ни туда, ни на какое другое предприятие меня не принимали. Как только заполнял анкету, сразу оказывалось, что все места заняты. Так и маялся со мной МЭИ, пока меня гоняли между наркоматами авиационной и электронной промышленности.

Убедившись, что всё впустую, решил послать письмо в ЦК ВКП (б). При беседе в ЦК выложил историю своего трудоустройства, заявив, что пришёл не просить работу, а за разъяснениями, почему в партийных документах говорится, что сын за отца не отвечает, а на деле выходит иначе. Мне ответили: «Вас вызовут». И действительно, вызвали к двум заместителям наркомов по кадрам. Им явно был неприятен разговор. Они подтвердили, что ситуация им известна, а потом выставили за дверь, поручив заняться моим вопросом служаке из кадрового отдела ЦК. Тот был озадачен и спросил: «Почему Вы хотите именно в Москву и непременно в НИИ?» Ответил, что я отличник и пользуюсь преимуществом при распределении. Спустя несколько дней мне вручили запечатанный конверт с адресом Остехбюро — места моей будущей работы.

Николай Викторов, младший лейтенант Красной Армии

Остехбюро (НИИ-20)

Когда я туда явился, начальник отдела кадров вскрыл конверт и, увидев направление, произнёс: «Знаешь, парень, всё равно тебя не засекретят. Есть где жить, пока всё не утрясётся? При таком раскладе тратить на тебя государственные деньги я не намерен». Я в это время читал лекции в автомобильном техникуме. Через две недели в Остехбюро на меня накинулись: «Где пропадал? Тебе оформили допуск». Как оказалось, допуск был третьей степени, с которым можно было разве что подметать институтскую территорию. Однако начальник отдела А. А. Финн, который присутствовал на моей защите диплома, принял меня очень хорошо и поинтересовался: «Чем хочешь заниматься?» Я ответил, что ВЧ-передатчиками. Это была моя специализация. Меня направили в лабораторию, в группу, создающую передатчик для импульсной линии связи. Устройство предназначалось для метрового диапазона, код — расстановка импульсов в пачке. Моя задача заключалась в разработке линии закрытой связи командного пункта управления беспилотными разведчиками. На дворе стоял 1940 год. Таким образом, проектирование беспилотников в Советском Союзе началось за год до войны. Я справился: командный пункт был сделан и выдержал проверку на полигоне.

До этого, в 1939 году, меня призвали в армию в звании младшего лейтенанта, назначив начальником радиостанции авиационной базы. Я должен был участвовать в боевых операциях на территории Литвы, но Литва вошла в состав СССР, а меня демобилизовали.

Война. Первые радиолокаторы. РЛС «ГНЕЙС-1»

В начале Великой Отечественной войны вышло распоряжение НКВД о моём отчислении из Остехбюро из-за моей биографии. Но за меня вступились главный инженер и директор, после чего поручили срочно спроектировать радиолокатор, устанавливаемый на прожекторе. Перед этим я был занят в разработках радиолокаторов «Редут» с отдельными приёмными и передающими антеннами, которые вращались синхронно.

Локатор на прожекторе, именовавшийся «Гнейс-1», изготовили и опробовали на полигоне в Мытищах. До полигонных испытаний никто не знал, как выглядит его радиолокационная картинка, и при обкатке мы увидели мощные отражения от местных предметов, которые приняли за помехи. Когда включили локатор во время одного из первых ночных налётов на Москву (я тогда дежурил), обнаружили немецкие бомбардировщики, уходившие в сторону Подлипок. Как же досадно было, что, зная координаты самолётов, мы не сумели отослать их артиллеристам! Пушки били в основном по тому месту, откуда самолёты уже улетели.

С наступлением немцев на Москву поступил приказ эвакуировать предприятие. Прежде всего грузили оборудование; служащим предписывалось ехать в вагонах с аппаратурой, захватив с собой немного личных вещей. Так я очутился в Барнауле. Обосновавшись на новом месте, мы продолжали отладку локатора на прожекторе и параллельно

начали работать над локатором для наведения истребителей на самолёты противника.

В феврале мы выехали бригадой на подмосковный фронт, который к тому периоду стабилизировался. Предстояло развернуть «Гнейс-1» на боевой позиции и обучить персонал, как обнаруживать немецкие самолёты, как задавать координаты вручную. Радиолокатор позволял грубо определить координаты (с точностью порядка 2–3°), чтобы открыть заградительный огонь по участку, где находится вражеский бомбардировщик. Техника осталась у военных, а нас отозвали обратно.

Барнаул. РЛС «ГНЕЙС-2» и «ГЮЙС-1»

В Барнауле развернулась работа по созданию локатора на ночном истребителе. Наземные установки могли выводить машины на группу вражеских самолётов, но этого было недостаточно. Для высокой точности наведения требовался радиолокатор на борту, чтобы по его пеленгам приближаться к противнику на 0,5–1 км, когда уже видны моторные выхлопы.

Мы спроектировали локатор в метровом диапазоне; его антенны располагались на крыльях, а на экране четырьмя импульсами высвечивалось два пеленга: «право-лево» и «верх-низ».

Для передатчика — за него отвечал я — сконструировали специальные лампы со штыревыми выводами. Приблизительно он имел такие параметры: скважность — 1000, длительность импульса — 1 мкс, мощность импульса — 50 кВт.

В конце 1942 года были выполнены опытные станции, которые я монтировал на аэродроме под Новосибирском. Участвовал и в пробных полётах. Локаторы размещали на бомбардировщиках Пе-2, которые использовались как ночные истребители.

Весной 1943 года наш институт вернулся в Москву и приступил к серийному выпуску самолётной аппаратуры. Ею оснастили две эскадрильи ночных истребителей. Станция называлась «Гнейс-2».

В Москве мне поручили разработку передатчика и системы управления радиолокационными станциями кораблей под кодовым названием «Гюйс-1» (главный конструктор — К. В. Голев). Станцию установили в 1944 году на эсминце в Кронштадте. Она служила для обнаружения целей и открытия заградительного огня. Мне снова пришлось участвовать в реальном отражении нападения вражеских самолётов.

В 1946 году за создание РЛС «~~Гюйс-1~~» нашу команду наградили Сталинской премией. Выпуск локаторов организовали непосредственно на территории НИИ-20, я был начальником цеха сборки и настройки. Работниками ОТК являлись доктора и кандидаты наук, а монтёрами — инженеры. К простым операциям привлекли мальчишек 15–16 лет, которые и жили, и кормились прямо в институте.

В начале 1942 года первый экспериментальный экземпляр РЛС «Гнейс-2», работавший на волне 1,5 м с мощностью излучения до 10 кВт, был установлен на двухместный самолёт Пе-2 для лётных заводских опробований. Индикатор Гнейса и его системы управления разместили в кабине оператора радиолокатора (где прежде сидел штурман), а часть блоков станции смонтировали в кабине стрелка-радиста

После войны. РЛС «Кливер»

В конце войны мне поручили разработку самолётного радиолокатора сантиметрового диапазона для разведки и прицельного сброса бомб. Базовым образцом служила аппаратура с американской «летающей крепости», правда, некондиционная. (Речь идет о Boeing B-17 — первом серийном цельнометаллическом тяжёлом бомбардировщике; в СССР он не поставлялся. — *Примечание Л. Краснова.*) Её узлы разместили в одном из НИИ, куда меня откомандировали. Требовалось по возможности восстановить схемные данные, запустить аппаратуру и проверить её надёжность, чем я и занимался в течение года. Здесь познакомился с А. С. Расплетиным.

В ходе проектирования я предложил разработать не просто радиолокационное бомбометание, а спарить радиолокатор с оптическим прицелом типа «Норден», который считался вершиной совершенства. (Прибор, оборудованный устройством самоуничтожения, сверхсекретный в США до 1948 года; после войны его копиями оснащались советские бомбардировщики. — *Примечание Л. Краснова.*) Это удалось. Работа под шифром «Кливер» продолжалась около трёх лет, а в 1947 году начались лётные испытания. Аппаратуру смонтировали на американском тяжёлом бомбардировщике B-24. («Самолёт-освободитель», как называли его во Вторую мировую войну; в СССР официально была поставлена одна машина. — *Примечание Л. Краснова.*) Испытания проводились в Керчи.

На конкурсной основе группой из Ленинграда и нами одновременно разрабатывался подобный локатор, но без оптического прицела. Прошли государственные и сравнительные испытания. Ленинградская система «Рубидий» проиграла нашей по точности, но в министерствах утвердили к внедрению проект ленинградцев, обязав их использовать

Н. А. Викторов, 1950-е годы

все наши достижения. Так сказать, кливеризировать «Рубидий».

Нам присудили Сталинскую премию, около миллиона рублей. По тем временам огромные деньги! Мне как главному конструктору полагалось 100 тысяч, но раз ленинградцы перехватили производственный цикл, нам заплатили 70 % от всей суммы, и я получил 70 тысяч. Всё равно это была чудовищная сумма — легковая машина стоила тогда 6–7 тысяч рублей.

Тогда же или чуть позже вышла книжка Даниила Гранина «Спор через океан». Мои друзья находили, что многое в ней перекликается с тем, что происходило с нами.

Начало работ по РГ «Шторм»

Опыт работы по «Кливеру» оказался неоценимым. Вместе с А. П. Земнореем, директором НИИ-20, меня вызвали к Н. А. Булганину (он курировал все оборонные министерства). Вопрос состоял в том, можно ли создать радиолокационные системы, которые бы позволяли стрелять с земли по самолётам и кораблям. Я занимался в аспирантуре и готовился защитить диссертацию, и, предупредив меня о предстоящем визите, Андрей Петрович посоветовал: «Сиди и молчи, не бери на себя никаких обязательств, иначе диссертации тебе не видать». Так я и поступил, попытался отделаться «наверху» общими

фразами, что-де понадобятся крупные силы института, а это не в моей компетенции. Тогда Булганин довольно резко оборвал: «Ты не прячься за директора, я тебя спрашиваю! Можешь такую вещь сделать — автоматическое наведение на самолёты и корабли противника?» Что оставалось? — «Конечно». При разговоре присутствовал Е. Н. Геништа. Нам указали: пойдите и обсудите, кто чем займётся. Евгений Николаевич когда-то был моим преподавателем в МЭИ, поэтому право выбора я уступил ему. Он предпочёл самолёт. Позднее я понял, почему: от воды возникают паразитные отражения, и «морская» задача гораздо труднее «небесной».

Началась разработка системы стрельбы по кораблям противника «Шторм». Ещё не было известно, какую технику придётся наводить. Я познакомился с В. Н. Челомеем и обозначил проблему, но, как мне показалось, его это не заинтересовало, тогда как с главным конструктором малых самолётов М. Р. Бисноватым мы быстро нашли общий язык и договорились скооперироваться. Мне полагалось сделать радиолокационную часть, отвечающую за определение цели и наведение (самонаведение).

Общая задача сводилась к следующему. Самолёт-снаряд (в современной терминологии — «крылатая ракета». — *Примечание Л. Краснова*), стартовав с установки наземной батареи или с самолёта, сам отыскивает вражеский корабль и поражает его. Под брюхо ракеты подвешивается большая торпеда, которая на расстоянии 100–150 м сбрасывается и бьёт в днище, а ракета врезается в борт.

Радиосистема была создана под грифом «Головка самонаведения «Шторм». Где-то в середине работ выполнили первую модель, и я лично демонстрировал её возможности приехавшему в лабораторию А. Н. Косыгину.

Предполагалось, что аппаратура будет проверяться под контролем контрразведки ВМС на летающей лодке «Каталина» (морской патрульный гидросамолёт времён Второй мировой войны, поставлявшийся в СССР по лендлизу. — *Примечание Л. Краснова*). Однако, как только приступили к испытаниям, Берия объявил запрет на какие-либо полёты над морем. Официальная причина — угон самолёта из Крыма в Турцию.

До этого уже осуществлялись эксперименты на море, фиксировалось количество отражений от его поверхности, выявлялись закономерности возникновения радиолокационных картин того или иного вида при атаке учебного корабля. После бериевского распоряжения мы были вынуждены демонтировать аппаратуру с «Каталины» и установили её в районе Феодосии на скалистом выступе, в котором раньше находился немецкий блиндаж. Там и отрабатывалась наводка по проходящим кораблям. Стало понятно, каким образом точно селектировать цель.

Запрет сняли, и на быстроходной десантной барже (БДБ) мы отплыли в Севастополь, где продолжили испытания. Там оказались свидетелями странного случая, когда какие-то посудины пошли на таран кораблей флота. Объявили боевую тревогу, но командование приказало «Не стрелять!» Никаких объяснений не последовало.

Итак, радиолокация в ближней зоне корабля достигла эффективности, какой никогда раньше не удавалось получить, был определён принцип «блестящих точек отражений» и выяснено, на какие профили корабля следует ориентировать снаряд.

К истории Московского кольца ПВО

В то время, когда развернулись работы по РГ «Шторм», случился эпизод, повлекший за собой целую цепь событий.

Начальник I отдела НИИ-20 привёл ко мне двух гражданских и сказал, что с ними дозволяется обсуждать что угодно. Посетители предложили стать руководителем дипломника по фамилии Берия. Я понятия не имел, кто он такой. Подумал, какой-то грузин, и мне придётся делать ему дипломный проект. На мне уже висело три дипломника, поэтому сразу же отрезал: «Нет». Знай я, о ком пекутся люди в штатском, вряд ли бы так смело отказался. Через некоторое время, может, через несколько месяцев, меня вызвали в III Главное управление (ТГУ) и попросили ознакомиться с дипломной работой Берии. — «Какого Берии?» — «Сына Лаврентия Павловича. Имейте в виду, что проект одобрен Сталиным и будет реализован, то есть, он рабочий. Хотелось бы узнать Ваше мнение».

Я просмотрел материал и быстро понял, что предлагаемая система неработоспособна. Консультантом С. Л. Берии являлся П. Н. Куксенко, один из двух крупнейших специалистов 20-х–30-х годов в области радиотехники. Имена П. Н. Куксенко и А. Л. Минца были известны всем, и я бесспорно уважал Павла Николаевича, но, как оказалось, он не знал особенностей пеленга морских целей.

Возвращая бумаги, кратко отчитался: допущен ряд серьёзных ошибок и из этого ничего путного не выйдет. Меня равнодушно выслушали и даже не попросили зафиксировать замечания.

Шёл и недоумевал, как же такой проект собираются осуществить? Постепенно прояснялось, как тот или иной момент можно исправить. В общем, понял, что следует переделать. Я позвонил П. Н. Куксенко и предложил обсудить работу его дипломника. Он согласился. После беседы Павел Николаевич меня поблагодарил, и мы расстались. Немного погодя С. Л. Берию, недавнего выпускника Военной академии связи, назначили руководителем КБ-1, из которого выкинули разработчи-

ков, занятых артиллеристской тематикой (отправили в Кунцево). Он пригласил меня и, известив, что по его проекту выпускается «железо», попросил пройти по лабораториям, внимательно их осмотреть и высказать свои соображения. С двумя «телохранителями» по бокам я всё обошёл, объяснил, что и как делать, и вернулся к руководителю. В конце разговора он предложил мне остаться в КБ-1.

Признаться, я опешил: вопросы смены научно-исследовательской организации решались только министром. На мою реакцию последовал ответ: «Это уже согласовано». Несмотря на уверение, я хотел получить письменное подтверждение и отправился к А. И. Шокину, зампреду Комитета № 3 при Совете Министров СССР, а от него в свой институт. Через пару-тройку дней директор объявил, что меня отряжают в КБ-1, однако без официального документа я решительно отказался покидать НИИ-20. Проволочка тянулась и тянулась, но наконец мне выдали приказ о временном переводе. Я взял под козырёк и отправился к месту назначения.

По приезде меня провели не к С. Л. Берии, как я ожидал, а в отдельную комнату, где увидел А. С. Расплетина.

Сашу я хорошо знал, он занимался разработкой радиолокационных прицелов для танков. Он сидел один. Когда нас оставили наедине, на мой естественный вопрос «В чём дело?» Саша ответил, что нам

С. Л. Берия-Гегечкори
(девичья фамилия матери)

А. А. Расплетин

обоим предстоит разработать систему ПВО Московского кольца. Я воспрянул духом — кто ж на такую работу не согласится! Правда, радоваться было рано, так как никаких исходных данных не существовало. Лишь плакат: вверху — подбитые самолёты, внизу — устремлённые в небо ракеты. Всё!

И мы принялись кумекать. Начали с того, что условились забыть, будто что-то знаем.

Задача — изобрести всё с чистого листа. Да, но как к ней подступиться? Решили так: будем выкладывать любые идеи, какие придут в голову. Взяли огромную бухгалтерскую книгу и вперёд! В итоге нарисовалось около 20 вариантов.

Работа кипела примерно с неделю. В перерывах ездили в кафе на улицу Горького. Ели всякую рыбу и пили коньяк, хотя алкогольные меры у нас были разные. Саша спокойно мог перепить Черчилля. Подзарядившись, возвращались и продолжали фантазировать.

Со следующей недели развернули гроссбух и стали обсуждать его содержимое. Стиль изменился: раньше законы физики нами игнорировались, теперь же пришлось учитывать, что допустимо, а что нет. Отобрали пять вариантов, не вдаваясь в подробности, чем именно они хороши или плохи. Дальше стали вникать. Остановились на двух. Один назвали «Трик-трак», второй — «Кинжал». Что они собой представляли?

«Трик-трак» — это засечки координат самолёта противника в вертикальной и горизонтальной плоскостях, передача данных на пункты управления и командное наведение боевых ракет на запеленгованный объект. Чтобы корректировать их траекторию, каждая ракета снабжается ответчиком, сигнал которого наблюдается в том же диапазоне, что и точка от цели. Задача оператора — свести обе точки в одну. Совершенно очевидно, что для автоматики потребуется очень высокая точность пеленга, иначе из-за разброса попадание окажется невозможным.

«Кинжал» — система пассивного самонаведения на самолёты, которые подсвечиваются наземными радиолокационными станциями.

Всё это мы придумали только вдвоём, никаких консультантов не было. Остановившись на двух вариантах, следовало разделиться. Как? — подбросили монету. Расплетину достался «Трик-трак», мне «Кинжал». Расчёт показал, что вариант самонаведения с его значительным количеством станций промышленность не потянет. При пеленге по ответчику станций понадобится меньше и систему реализовать проще. В победители вышел «Трик-трак».

Мы подготовили техническое задание вплоть до прочерченных циркулем на карте 50- и 100-км кругов, даже не подозревая, что они превратятся в шоссейные дороги. Как главные руководители проекта под документом поставили подпись С. Л. Берия и П. Н. Куксенко, хотя они не имели к нему никакого отношения. Совещание, приуроченное к славному событию, не оставляло сомнений, что в случае удачи все лавры достанутся дирекции, а в случае провала все шишки посыплются на разработчиков. По данному поводу я выразился очень резко и тем самым вроде бы оскорбил Куксенко, за что меня вызвали на ковёр. Было предложено либо извиниться, либо покинуть проект. Извиняться не стал и после своего отчёта был срочно удалён из КБ-1.

С Расплетиным мы никаких документов не визировали — вкалывали и всё. Как бы то ни было, идея и базовые характеристики исходили от двух инженеров — Расплетина А. А. и Викторова Н. А. После изгнания из КБ-1 я доложил о произошедшем Шокину. Тот посмеялся и направил меня на основное место службы.

Конфликт интересов. Завершение работ по РГ «Шторм». РЛС «Щука»

Исключив из своих рядов, КБ-1 не упускал меня из виду. За мной оставили (поручили) создание импульсного радиовзрывателя для ракет Кольца (Московского кольца ПВО). Задание выполнил, но о судьбе устройства не знаю.

Вернувшись в НИИ-20, я вместе с А. П. Земнореем продолжил совершенствовать активную головку самолёта-снаряда РГ «Шторм» (или ДПЛА — дистанционный пилотируемый летательный аппарат). Он мог запускаться с земли или с самолёта.

Суть заключалась в том, что сигнал, посланный с передатчика головки, отразившись от цели, поступает на приёмник и выделяется на фоне своих же мощных отражений от водной поверхности. Система, реализующая данную схему и скрытая под аббревиатурой АУРЧД, была придумана и разработана мною. Общие положения таковы. Определяется самая крупная часть корабля, поскольку она лучше просматривается со значительных расстояний. Происходит автоматический захват, и ракета направляется на цель. На бреющем полёте на высоте 10 м над поверхностью моря (при волне чуть выше) начинается атака, и при сближении с кораблём на 100 м подаётся команда. От ракеты отделяется торпеда. Удары наносятся как по подводной, так и по надво-

дной части корабля. Систему отладили и перевели с береговой батареи на корабль. Кстати, той же области радиотехники касался дипломный проект Берии-младшего со знаменитым росчерком Сталина «Делать».

При первых пусках ракет с самолёта использовался локатор, который освещал цель при атаке, и головка находилась в полуактивном режиме. На бомбардировщике Туполева тренировочные полёты происходили в более жёстких условиях. За операторским пультом сидел я сам. Вначале всё складывалось скверно. Когда мы шли вверх, захватывали цель, а потом выпускали ракету, она удалялась со скоростью вдвое выше скорости бомбардировщика и врезалась в воду.

В чём дело? Отказывали датчики высоты, которые должны были держать ракету на заданном уровне. Как выяснилось, пальчиковые лампы в высотомерах имели вибрационные характеристики сеточек, близкие к характеристикам колебаний шума моторов на предельных скоростях. При нормальном режиме система срабатывала как надо, а при пикировании сеточки резонировали, выдавалась ложная команда, дезориентирующая лётчика, и атака срывалась. Причина была устранена.

Выходила из строя и система КБ-1. В ней использовался вариант головок, разработанный не мною, а КБ-1, производили же их на заводе нашего института. Но если изделия гибнут одно за другим, кто виноват? Вредители. А кто вредитель? Тот, кто сконструировал и изготовил, не сын же Берии! Его посланцы явились к нам с угрозами. Директор института вызвал меня и попросил разобраться. Я наотрез отказался. Но Андрей Петрович был свой человек (он руководил лабораторией Остехбюро, когда я туда пришёл) и вместе с начальником I-го отдела сумел меня уломать. Снабжённый всей документацией, в закрытой и опечатанной комнате я безвыходно просидел двое суток. Нашёл кар-

динальные ошибки и нестыковки, допущенные вопреки моим советам. Выйдя на свободу, успокоил директора: ответственность должен нести не он, а те, чьи устройства принципиально негодны.

Собрали совещание, на котором присутствовали зам. главного конструктора КБ-1, куратор проекта В. Д. Калмыков, который в дальнейшем возглавит радиопромышленность, А. И. Шокин, будущий министр электроники, А. П. Земнорей и ещё ряд специалистов. Я подытожил: «Схемы неправильны, отсюда неверна и конструкция. Брак ваш, и вина полностью лежит на вас». После такого заявления страсти прорвались наружу, обильно подкрепляемые матерщиной. Я обрушился с обвинениями на бедного заместителя С. Берии. Тогда меня спросили: «Да ты сам-то знаешь, как сделать?» Ответил: «Знаю. А как, я уже говорил инженерам». Гвалт не утихал, дошло до драки. Разняв бойцов, Калмыков обратился ко мне: «Сколько времени уйдет на изменения?» Я прикинул: по крайней мере месяца два.

Между тем в Керчи продолжались неудачные испытания, сроки истекали. Скандал набирал обороты, нервозность нарастала, подпитываемая ощущением за спиной неусыпного хозяйского ока. Тут уж не до шуток. Меня стали вовсю уговаривать взяться за переделку. В конце концов согласился, но лишь удостоверившись, что располагаю полномочиями главного конструктора проекта, то есть будучи уверенным, что вправе перекраивать чужое владение по своему усмотрению. Что касается сроков, остановились на месяце и десяти днях, в течение которых требовалось изготовить блоки нового образца, сопряжённые с имеющейся системой. Несомненно, я сильно рисковал, однако был убеждён в своей правоте.

Закрутились будни казарменного типа. В ударную команду вошли Марк Штейнер, Толя Локшин и Дима Фанберштейн. Мы расположи-

лись в изолированном помещении (сов. секретно!), где дневали и ночевали, находясь на полном довольствии.

Директор организовал процесс следующим образом. Эскизы забирались у нас из-под рук, конструкции вычерчивались и отсылались в цех немедленно. Кругом трудились в таком же авральном режиме, как и мы. Шутили: не пойдет — посадят всех. Изготовили три блока. Один я оставил себе для дальнейших исследований, а два отдал со словами: «Пускай ставят, подключают к разъёмам и работают». Испытания завершились: ура, получилось! Новый блок был сразу же запущен в серию на нашем же заводе. Система КБ-1 благополучно прошла проверку.

В 1954 году меня и А. П. Земнорея вызвали в III Главное управление. Пришли, народу полно, кругом знакомые лица. Сейчас, обсуждают, будет как обычно: либо всыплют, либо наградят и дадут очередное поручение. Приглашена пара сотен человек, не меньше. Нам объявляют, что система КБ-1, одобренная Сталиным, принята на вооружение. Пилотам, участникам испытаний с запуском ракет, присваивается звание «Герой Советского Союза». Справедливо. Оглашается список конструкторов. Н. А. Викторову и А. П. Земнорею присуждена Сталинская премия 2-й степени.

Выходим из зала довольные. Рядом за столиком вручаются награды. Нам выдают под роспись конверт, а затем удостоверение и папку. Шагаем в «Арагви» и пропиваем свою часть денег.

Сталин умер в 1953 году, и мы оказались в числе последних награждённых премией его имени.

Я вновь вернулся к работе над РГ «Шторм» и углубился в вопросы флюктуации сигналов, отражённых от морской поверхности. В 1953 году закончил тему. Радиоголовку направили в серию. К этому времени разработка береговой батареи наведения «Шторм» была закрыта. Теперь

в качестве носителя системы поражения противника, помимо самолёта, становился корабль, то есть снаряду полагалось уходить в отрыв не с земли, а с самолёта или корабля. Новый проект получил название «Щука». Для испытаний пусковой комплекс оборудовали на эсминце. Я выходил на нём в море и сам участвовал в стрельбах. Главным моим помощником на этапах отработки этого варианта стал А. Локшин.

РЛС «Щука» была принята на вооружение и даже применялась в боевых действиях, хотя её создатели не получили поощрений. Неправильно это.

Новый поворот. Система «воздух — воздух»

Весной 1953 года на совещании ответственных работников оборонных министерств я выступил с отчётом о ходе работ по РГ «Щука». Закончив, подошёл к председательствующему и сообщил, что у меня есть предложение. Вкратце пояснил: Московское кольцо обороны, к созданию которого я имею отношение, может быть пробито массивным ударом, следовательно, самолёты противника необходимо сбивать на подходе. В том, как это реализовать, и состоит моё предложение. Меня пригласили прийти на следующее утро. Собравшимся лицам, среди которых были министры авиации и оборонной промышленности, я доложил, что можно сконструировать систему с самонаводящимися ракетами «воздух — воздух», которые использовали бы отражение от самолётных локаторов обнаружения. Доклад длился минут сорок. Присутствующих идея заинтересовала, и мне поручили письменно представить свои соображения в развёрнутом виде. Я сдуру сказал, что давно не отдыхал, и получил отпуск, но после него так и не оформил бумагу. По этой части я нерадив: устно — пожалуйста, а что-то написать — увы. Однако за время моего отсутствия произо-

шло неожиданное. Видимо, на основании того, что в моём докладе все принципиальные характеристики и предполагаемые партнёры были перечислены, вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров, согласно которому разработка поручалась другому институту, а я со своим коллективом плюс сотней молодых специалистов причислялся к нему.

Так или иначе я был вынужден покинуть НИИ-20. Меня назначили главным конструктором тематического направления (самонаведение). Передо мной стояла задача создать:

— ракету минимального диаметра (у американцев такая уже имелась с тепловой головкой самонаведения, но без радиолокационной);

— ракету крупного калибра дальностью свыше 30 км с возможностью поражения цели под большим углом, которая бы устанавливалась на самолётах Лавочкина и Туполева.

Морская тематика сменилась сугубо воздушной. Разработка заняла около двух лет. Первой испытания проходила 10-см ракета. Её запускали с самолёта по парашютам мишени. Вначале мы не понимали, поражена цель или нет, пока однажды не привезли купол с разрезом, характерным для рулей ракеты. Я закричал Димке Фанберштейну: «Давай в аппаратную! Мерь расстояние от крыла до крыла». С помощью бечёвки выяснили, что разрезы с дыркой посередине точно совпадают по размерам с крыльями ракеты. Вот таким «изысканным» способом была впервые доказана точность попадания. В головках применялся полуактивный метод наведения по сигналам, отражённым от цели или подсвечивающего передатчика своего самолёта, либо по радиопомехам от передатчика противника.

Многое было изобретено и прежде всего для наведения ракеты в упреждённую точку. Задача сходимости скоростных векторов раке-

ты и цели была решена путём размещения сканирующей антенны на гиростабилизированной платформе. Если ракета направлена точно в цель, должны отсутствовать угловые скорости. Идея об упреждённой точке возникла независимо от американских изысканий. Все выкладки я проделал, ещё работая над «Штормом». Очень изящной получилась система, позволяющая селектировать цель на фоне помех и естественных шумов приёмника (эти вопросы Николай Александрович разрабатывал совместно со Львом Соломоновичем Гуткиным, профессором МЭИ — *Примечание Л. Краснова*).

Первые годы «Оттепели»

XX съезд КПСС, доклад Хрущёва о культе личности Сталина… Второй раз в жизни я испытал потрясение.

Читаю стенограмму доклада и узнаю, как НКВД добивался (!) признания вины. Как током ударило: процесс Варейкиса — липа, отец невиновен. В ярости, не думая о последствиях, упаковываю медали, документы на Сталинские премии, приложив заявление с благодарностью за награды и припиской, что после сказанного на съезде о Сталине не могу носить эти знаки и возвращаю правительству. Отношу и сдаю охране Кремля.

Отнёс и как бы очистился от наград за веру в ложь об отце… Правительство приняло решение переименовать Сталинские премии в Государственные. Меня, как и других, вызвали в Комитет по премиям за получением Государственных (в действительности Государственная премия была учреждена в 1966 году; Сталинская премия к ней приравнивалась, и лауреаты могли по желанию обменять документы и медали. — *Примечание Л. Краснова*). На две повестки не отреагировал. Зачем? Я же всё сдал не для того, чтоб получить обратно. После

третьей сообразил, что конфликтую теперь с теми, кто разоблачил культ личности, а это уже глупо.

Поехал. Чувствовал себя неловко: явился тоже, фрукт. В зале ожидания заметил повышенное внимание к своей особе: войдут, постоят, посмотрят и уходят.

При вручении медалей меня спросили: «А Вы ничего с собой не принесли?» — «Нет», — и в свою очередь задаю вопрос: «Скажите, явный интерес ко мне из-за того, что пришёл только по третьему вызову?» Отвечают с улыбкой: «Как, Вы разве не знаете? Решение о переименовании было принято после Вашей отсылки документов».

Тогда это казалось шуткой, однако позже, после отставки Хрущёва, она обернулась иной стороной.

В ноябре 1957 года после долгого хождения мамы по инстанциям мы получили извещение о посмертной реабилитации отца. В нём говорилось, что отца приговорили не к расстрелу, как было опубликовано в газетах, а к 10 годам лагерей, и умер он от воспаления лёгких в 1943 году. Хочешь верь, хочешь не верь.

Ленинская премия. НИИ «Кулон»

Между предложением и реализацией системы «воздух — воздух» прошло около десяти лет. В марте 1963 года мы с ракетчиками М. Р. Бисноватого получили Ленинскую премию. Тогда же пришло новое назначение, при обсуждении в верхах подкреплённое словами: «Пора ему иметь собственную деревеньку». Ею и оказалось МКБ «Кулон», впоследствии НИИ. Я стал директором и главным конструктором предприятия, которое занималось разработкой и созданием спецсредств связи.

После смещения Хрущёва в стране происходили перемены, повлиявшие и на мою карьеру. Секретарь московского комитета партии В. В. Гришин рекомендовал министру радиопромышленности П. С. Плешакову снять «хрущёвца» с поста директора «Кулона». Вначале это хотели провернуть при перевыборах парткома НИИ. Не вышло: за меня проголосовало большинство партийцев. Узнав от друзей, что моей отставки требуют от министра, который, к слову, очень хорошо ко мне относился, я сам подал заявление с просьбой освободить от должности «в связи с деловой целесообразностью назначения более перспективной по возрасту кандидатуры». Просьбу, разумеется, удовлетворили и тем же приказом назначили главным конструктором тематического направления «Кулона». Мне было всего 62 года. Теперь я понимал, что в Комитете по премиям не просто пошутили. Сталинизм не умер, и поступок с наградами мне припомнили.

Занимаясь головками самонаведения, я встречался с С. П. Королёвым. С ним и его командой обсуждалась проблема автоматической стыковки на орбите. Я оказался перед нелёгким выбором: «оборонка» или космос. Гонка вооружений диктовала свои условия — требовались всё новые и новые типы военной техники. Была развёрнута громадная программа по оснащению армии средствами самонаведения для точного поражения воздушных и морских целей. Несмотря на соблазн перейти на космическую тематику, я остался на военной.

Что потом? Головка раз, головка два; ракета раз, ракета два. Основные проблемы в этой области были преодолены. Пошла рутина.

Беспилотная авиация. ДПЛА «Коршун»

У меня возникла мысль насчёт дистанционного управления беспилотной авиацией. Первой ласточкой должна была стать работа у А. Н.

Туполева по наведению ракет с борта самолёта. Затем родилась идея «Коршуна» — и разведчика, и боевого оружия. Сначала его создание впрямую меня не касалось — я занимался доводкой ракет с головками самонаведения, однако идеологическая сторона проекта целиком относилась ко мне, поэтому рано или поздно всё равно пришлось бы заняться «Коршуном» вплотную.

Предполагалось, что на пульте должна появляться ТВ-картинка, по которой определялись бы координаты цели, то есть решались задачи разведки. Для уничтожения наиболее важных объектов к машине подвешивался бы груз. Соответствующий самолёт надо было создавать с нуля. Заказ поручили фирме Туполева. Проект представлял собой автоматически управляемый самолёт, способный прицельно атаковать цель, то есть беспилотный разведчик-убийца. Вся программно-аппаратная и консультативная часть сначала лежала на мне, а потом перешла к Туполеву, так как требовалось подогнать конструкцию под определённое размещение антенн обзора. Был изготовлен один экземпляр «Коршуна» и отправлен на испытания, связанные со стыковкой.

Специалисты Л. Т. Куликов и Г. М. Гофбауэр разработали образец самолёта, который успешно прошёл заводскую проверку. Было произведено пять машин с отличной грузоподъёмностью, манёвренностью, скоростью. Ведь им предстояло не только нести многотонную бомбу, но и наносить точечные удары. Самолёты выдержали лётные испытания, хотя четырьмя машинами пришлось пожертвовать на рискованных манёврах. Авиационная часть задачи была выполнена, и пятый самолёт остался в нашем распоряжении. Кроме того, выпустили ещё два самолёта под начинку аппаратурой. Мы с командой Туполева отработали их в ангаре одновременно с командным пунктом управления полётами, обладающим панорамным обзором. На центральный командный

пункт поступала информация, затем передавалась командным пунктам войсковых соединений, а от них, уточнённая разведданными, возвращалась для формирования задания. Оперативность мгновенная. Разумеется, всё это предназначалось не для «конфликтов» в Чечне, а для больших войн.

С приходом к власти Б. Н. Ельцина обкатка практически готовых комплексов была заморожена, финансирование прекратилось. Последовало решение продать за границу всё: идеи, разработки — всё! Что и было сделано. А ведь мы намного опережали американцев, минимум лет на пять, сейчас же оказались в заднице. Вот так.

На этом со схемотехникой я покончил. Не нужно объяснять, что было очень жаль и программы, и затраченных лет. Остался лишь опыт. Ненужный стране.

Ещё один поворот — к истокам

Чтобы разобраться, какие обстоятельства способствуют зарождению идей, воплощению которых отдаётся основная часть жизни, надо оглянуться на прошлое. Что касается техники, у меня таких идей было две.

Первая — идея самонаведения — возникла в 1942 году во время создания в Остехбюро импульсной командной радиолинии для управления беспилотным самолётом-разведчиком. Толчком к ней послужило размышление о том, как вернуть машину на базу в случае потери связи. Идея была туманна, без какой-либо конкретики. Она обрела определённые черты в 1946 году, когда получил задание по самонаведению самолётов-снарядов на корабли противника.

Волей обстоятельств я оказался у начала решения проблемы самонаведения. Эпопея закончилась в начале девяностых годов прихлоп-

нутым Ельциным ДПЛА «Коршун», способным выполнять задачи и разведки, и уничтожения особо важных объектов, самостоятельно отслеживая цель при атаке. Данное оружие далеко обогнало все иностранные аналоги. После случившегося продолжать работать как раньше уже не было желания.

Н. А. Викторов, трижды лауреат Государственных премий

Формированию второй идеи, вернее, увлечённости, предшествовали такие события. Всё началось в 1929 году с отказа в приёме в Ленинградский институт строения вещества «сыну служащего, не имеющему рабочего стажа». Спустя же четыре года, в 1933 году, бессистемное знакомство с популярной литературой о «развитии электронной теории» (расхожее в то время выражение. — *Примечание Л. Краснова*) помогло получить пятёрку по химии на приёмных экзаменах в МЭИ. Меня зачислили на радиофакультет.

На уровне чтения статей по разным областям физики мой второй интерес просуществовал до бума вокруг теории относительности А. Эйнштейна. Я её не понял, и это возмутило. Вроде всё новое понимаю, а тут на тебе!

О теории гравитации за счёт искривления пространства и яростных нападках на механику Ньютона создалось впечатление как о научной спекуляции, борьбе за более высокое место в научной иерархии. Но моё мнение круто расходилось с дифирамбами в адрес Эйнштей-

на. Позднее я понял, что это была мощная, прежде всего финансовая поддержка «родного» кандидата в мировые гении.

Разлад с происходящим заставил проштудировать всё, что печаталось об Эйнштейне на русском языке. Результат — прежнее, но уже обоснованное неприятие того, что изуродованное понятие времени, приводящее к «парадоксам близнецов», и гипотеза об изогнутом пространстве считаются вершиной науки. Но неприятие не есть доказательство. Когда высвободилось время, я приступил к серьёзному анализу основных глупостей теории относительности:

— четырёхмерного пространства Минковского;

— деформируемого масштаба времени, зависящего от скорости движения;

— неизменности скорости света в вакууме;

— отказа от абсолютности и материальности пространства;

— теории «большого взрыва» и расширяющейся Вселенной.

(Эти проблемы Николай Александрович обсуждал с академиком Котельниковым, который сочувственно выслушал доводы Викторова, покивал головой, но ничего вразумительного не сказал. Одновременно Л. А. Краснов показывал материалы Н. А. Викторова профессиональным современным физикам. Они считают, что эти проблемы нельзя рассматривать, пользуясь несовременным математическим аппаратом, поэтому рассуждения Николая Александровича их не заинтересовали. — *Л. Краснов*).

По этим материалам в журнале ОКБ МЭИ «Радиотехнические тетради» № 13, 14, 18, 25, 27, 29 за 1998-2004 гг. была опубликована серия статей Н. А. Викторова.

Послесловие

В столетие со дня рождения Николая Александровича его дети — четыре сына и дочь — собрались у его могилы.

Николай Александрович обладал не только научным талантом. Он интересовался литературой, был знатоком Маяковского, сам писал стихи. Одно из его стихотворений 1998 года называется «Память»:

Отец погиб в тридцать седьмом,
Сестра ушла в тридцать девятом.
Осталась мать в краю чужом,
В карагандинском дне проклятом.
И нет могилок первых двух:
Одна в Сибири затерялась,
Вторая стёрта артогнём.
Лишь третья, мамина, осталась.
Над ней гранита алый флаг
И имена на нём все вместе,
Как восстановленный очаг,
Как крик непокорённой чести.

Дети Н. А. Викторова (слева направо): Вячеслав, Евгения, Игорь, Александр, Андрей (и Нина, жена Славы)

О. Д. Викторова, Е. Д. Викторова

СЦИНТИЛЛЯТОРЫ СУХУМИ-ДУБНА

Трудовой путь Дориана Владимировича Викторова начался во время Великой Отечественной войны. Старшеклассником в дни школьных каникул в 1942–1945 годах он работал на опытном овощном участке.

Диплом о высшем образовании получил в 1952 году в Ленинграде, в политехническом институте, и был направлен в сухумский Физико-технический институт. Горы были близко. Дориан сумел побывать в альплагерях и совершить ряд серьёзных восхождений — в том числе на одну из сложнейших вершин Кавказа — Шхельду (4295 м).

Восхождение на Шхельду. Из архива Д. Викторова

В 1953 году в СФТИ начались интенсивные исследования с целью поиска эффективных люминесцирующих веществ, пригодных для разработки сцинтилляторов. Дориан Владимирович принял участие в этом поиске и прошёл путь исследователя от старшего лаборанта до руководителя головной отраслевой лаборатории по проблеме создания сцинтилляторов с необходимыми свойствами.

Справка: *«Сцинтилляторы — вещества, обладающие способностью излучать свет при поглощении ионизирующего излучения (гамма-квантов, электронов, альфа-частиц и т. д.). Как правило, излучаемое количество фотонов для данного типа излучения приближённо пропорционально поглощённой энергии, что позволяет получать энергетические спектры излучения. Сцинтилляционные детекторы ядерных излучений — основное применение сцинтилляторов».*

Добавим, что это устройство является ключевым в контрольной аппаратуре состояния ядерного заряда. Так получилось, что СФИ стал монополистом производства сцинтилляторов для оборонной промышленности СССР, а потом и России.

Но 14 августа 1992 года началась никому не нужная война между братскими народами — абхазами и грузинами, которые исторически всегда жили вместе. Как всегда, в войне пострадали мирные жители Абхазии, в том числе наш отец, Дориан Владимирович Викторов. К этому времени он был заведующим лаборатории, которая разрабатывала и совершенствовала сцинтилляторы, так необходимые атомной промышленности. Несмотря на военные действия в Сухуми, папа, минуя все кордоны и рискуя подчас жизнью, отвозил выполненные заказы в Россию, так как договорных обязательств никто не отменял, и надо было обеспечивать коллектив зарплатой. Однако сырьевая база заканчивалась, а поставок ждать уже было не от кого.

Тогда Дориан Владимирович обратился к министру РФ по атомной энергии В. Н. Михайлову с письмом, в котором просил перевести лабораторию в Институт физико-технических проблем в Дубне, с которым долгое время сотрудничала сухумская лабаратория. К сожалению, большинство сотрудников лаборатории были уже пенсионного возраста, поэтому в переводе всей лаборатории было отказано. Отцу предложили возглавить новую лабораторию с работниками ИФТП.

Стремясь сохранить производство сцинтилляторов, он соглашается на данное предложение и вновь возвращается в охваченный войной Сухуми, где к тому времени институт, которому наши родители отдали всю свою трудовую жизнь, безжалостно грабили, уничтожали ценные приборы, добывая из них цветные металлы, а потом сбывали награбленное в Турции и России. СФТИ, слава которого гремела по всему пространству СССР, сотрудники которого получали ордена и медали, а их имена до сих пор являются гордостью атомной промышленности России, превращался в заброшенный и неработоспособный институт. С трудом отцу удалось собрать и вывезти за пределы Абхазии всю техническую документацию для работы на новом месте.

Вот так в новом городе, с новыми подчинёнными в ноябре 1996 года пришлось начинать всё с нуля, а ведь на тот момент отцу было уже 68 лет! Не было полноценного финансирования, отсутствовали нужные приборы, требовалась переподготовка кадров. Преодолевая все эти сложности, он упорно шёл к цели. Приходилось месяцами ходить по кабинетам министерства и «выбивать» нужное оборудование и должное финансирование. Работы по организации научно-производственного участка в Институте физико-технических проблем для изготовления сцинтилляторов с целью обеспечения «Программы работ предприятий отрасли и народного хозяйства России» начались

в 1996 году. В основном организационный период был завершён в середине 1999 года. К тому времени была разработана и опробована новая схема технологического процесса. В 1999 году лаборатория начала производить первые сцинтилляторы, которые сразу нашли своих потребителей. Пошли хорошие договоры и заказы. С 1998 по 2009 год под руководством и личным участием Дориана Владимировича выполнена особо сложная и важная работа по обеспечению оборонного заказа по выпуску специальных детекторов для контроля за состоянием ядерных боеприпасов. Двенадцать лет жизни Д. В. Викторов отдал руководству лаборатории, покинув свой пост в 2009 году в возрасте 80 лет. Он воспитал преемника, который до сих пор продолжает дело отца и производит те самые сцинтилляторы.

Д. В. Викторов с женой Верой и дочерьми Ольгой (слева) и Еленой

Н. Н. Семёнов

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Николай Николаевич Семёнов и его жена Вероника

Рассказ Лёвы

Мягкий и застенчивый Лёва* вкратце рассказал мне, как налетают на Москву немецкие самолёты, как стреляют наши зенитки и полосуют небо прожектора. Рядом с их домом в Москве был крупный завод, который немцы уже пытались бомбить. На даче у знакомых, где какое-то время гостил Лёва, тоже стало опасно: там часто сбрасывали бомбы немецкие лётчики, сбитые с боевого курса системой московской противовоздушной обороны. Ночью все в дачном посёлке сидели в щелях.

Одна из бомб взорвалась в 30 метрах от убежища, где находился Лёва. Осколок бомбы остался и у Лёвы дома, в московской квартире.

Мне Лёва казался почти героем, уже побывавшим на фронте.

Я слушал его рассказ чуть ли не с восторгом, но подогревать мой интерес новыми подробностями Лёва не стал. Жестокое дыхание войны уже коснулось его судьбы.

(* Лёва — это Лев Краснов. — *Сост.*)

Продуктовые карточки. Быт

В июле 1941 года заметно длиннее стали очереди за хлебом и продуктами. Была ограничена продажа, как тогда говорили, «в одни руки». Примерно в начале августа ввели продуктовые карточки: нам, детям, полагалось 400 граммов хлеба в день, служащим — 500, отцу — в соответствии с выполняемой работой — 600 граммов. Рабочие ведущих профессий получали по 700–800 граммов. В тот первый день отец пришёл домой с работы слегка смущённый. Впервые он принёс хлеб, полученный по карточкам, и положил его на обеденный стол. Хлеба было меньше, чем мы привыкли есть ежедневно. За обедом мать отрезала от буханки только два куска, остальное убрала в мешочек. Отец был задумчив, вставая из-за стола, сказал: «Должно хватить. Хватит, если будем экономить».

Мы не знали тогда, что в 1942 году норма нам, иждивенцам, будет сокращена до 300 граммов в день, 400 граммов будут получать служащие, 500–700 — рабочие. Хлеб надо было получать ежедневно, для этого карточки «прикреплялись» к хлебному магазину по месту жительства (на них ставился штамп). Каждый день в город прибывали эвакуированные, и поэтому хлеба не хватало, его постоянно не могли подвезти вовремя. Наш хлебный магазин почему-то назывался «молочка».

Дом на ул. Чернышевского, 192 (в квартале между Челюскинцев и Валовой), где жила семья Семеновых до 1948 года. Не сохранился.

Он помещался почти на углу улиц Ленинской и Чернышевского, а очередь выстраивалась до Мичуринской. Стоять в очереди надо было долго, хорошо, если обходилось часом, но иногда требовалось 2–3 часа и больше. Подолгу ждали, когда конные возки привезут хлеб, считались, писали мелом номер в очереди на валенках, на рукавах, на спинах. Или химическим карандашом писали номер на руке. Часто приходилось стоять одновременно и в продуктовом магазине, и тогда на всех перечисленных местах писалось по несколько номеров.

Когда привозили хлеб, из очередей в других магазинах все сбегались в хлебную очередь, и на крыльце начинались драка и давка. Внутри магазина продавщица ножницами отрезала от каждой карточки талон на текущее число и взвешивала хлеб. Чаще это был чёрный, ржаной. Провожая меня в очередь, мать всегда напоминала: «Смотри, чтобы тебя не обвесили и не отрезали лишних талонов». К сожалению, такое иногда бывало. Если имелся довесок, его со спокойной совестью можно было съесть, но отламывать куски хлеба от буханки было нельзя. В конце дня в магазине собирались те, кто надеялся получить хлеб на завтра. Часто это разрешали. А около десяти часов вечера перед самым закрытием приходило 10–15 человек, умоляли отпустить им хлеб по талонам на послезавтрашнее число. Когда я с хлебом выходил из мага-

зина, часто возникал очень опасный момент. Кто-то на крыльце нарочно устраивал давку. Иногда это были старухи, и тогда кто-нибудь из них пытался отщипнуть корявыми пальцами кусок от твоей буханки. Хуже, если это были ребята 16–17 лет. Они могли вырвать из рук всю буханку, а карточки и деньги могли вытащить из кармана. Такая опасность была и внутри магазина.

Подлинным бедствием, непоправимым горем оборачивались для той или иной семьи случаи, когда карточки терялись, особенно, если это было в начале месяца. Иногда райисполком или учреждение выдавали карточку повторно, старались компенсировать потерю другой помощью. Но удавалось это далеко не всегда. И тогда потерпевшая семья должна была хотя бы частично покупать хлеб на базаре. А это значит, надо было что-то продать или занять денег.

Однажды потерял карточки мамин брат дядя Володя и в сильном огорчении пришёл к нам. Он просто боялся идти домой с этой страшной вестью, которую никак не хотел сообщать семье. Мама поделилась с ним нашим хлебом, дала немного денег. Дядя Володя стал ежедневно покупать хлеб на базаре, а для этого продал свои брюки, два ведра картошки, несколько вязанок дров, что-то ещё, многократно одалживал деньги у знакомых — и так в течение долгих 17 дней. Знакомая нам семья Пастуховых одну из четырёх хлебных карточек отдала соседям, когда у тех произошло такое же несчастье.

Со временем хлебные карточки стали выдавать на 10 дней, а не на месяц, имея в виду именно предотвратить трагические последствия в случае утери.

Кроме хлебных, выдавались и другие продуктовые карточки. Для иждивенцев и школьников месячные нормы были такие:

сахар — 200 граммов;

жиры — 300 граммов;

крупа — 1 килограмм;

мясо/рыба — 1 килограмм.

Сахар по карточкам выдавали редко, вместо него чаще всего выдавали щербет или яблочное повидло. В качестве жиров выдавали маргарин или подсолнечное (тогда говорили — постное) масло.

Крупы были представлены, в основном, перловкой и реже пшеном. По «мясным» талонам иногда давали селёдку, а чаще ничего не давали вообще.

Было такое понятие — «отоваривание» карточек. Если в текущем месяце выдавали полную норму крупы, то считалось, что карточки «отоваривались» хорошо. Но чаще отоваривали только часть талонов, да и то надо было не зевать, вовремя отстоять очередь, иначе можно было остаться без всего.

Однако для рабочих ведущих специальностей нормы продуктов были значительно более высокие, особенно на заводах, имевших оборонное значение. В крупных организациях существовали еще и ОРСы (отделы рабочего снабжения), которые производили или добывали дополнительные продукты, но и они не разрешали продовольственную проблему полностью.

Во время войны постоянно приходилось выполнять физическую работу, и поэтому аппетит был волчий. Продукты, выдаваемые по карточкам, я думаю, могли составить только треть того, что мне лично необходимо было съедать для полноценного нормального питания. Поэтому наша семья из шести человек обычно съедала в день до трёх килограммов картошки. Ели её не менее двух раз в день, а варили преимущественно в мундире — так было экономнее. В щи шла капуста,

а вместо сахара мы пили чай с большим количеством пареной и подсушенной в печи на противне тыквы, сахарной и столовой свёклы. Всё это привозилось с нашего огорода.

Иногда по карточкам всё-таки получали тяжёлый и влажный сахарный песок. Его мать высыпала на сковороду, заливала молоком и кипятила. Потом ещё несколько раз добавляла молока и снова кипятила, пока не получалась вязкая масса кофейного цвета. Застывая, она образовывала так называемый варёный сахар, мягкий, питательный и вкусный, вдвое больший по весу.

Со временем отец стал получать дополнительный паёк, назначаемый ввиду опасного характера работы по профилактике эпидемий. Этот паёк делился на всех, но больше перепадало моим младшим братишкам Вове и Вите. В этом пайке попадались и высококалорийные продукты: колбаса, американская свиная тушёнка, молочный и яичный порошок, сгущёнка. Это несколько улучшило положение, но всё же водку и папиросы, получаемые по этому пайку, мать продавала на базаре, а на вырученные деньги покупала молоко. Уезжая в экспедицию в Казахстан и на Нижнюю Волгу, отец брал с собой чай, от которого мы добровольно отказывались, махорку, которую он курил вместо продаваемых папирос, и кое-что из излишков одежды, в частности, всё, из чего выросли братишки. В обмен он привозил муку, пшено, воблу, сушёных судаков, яйца.

Несколько раз в институте, где работал отец, организовывались продотряды, которые на лошадях выезжали в деревню и меняли там собранные вещи, одежду и обувь на продукты.

Два раза меня отправляли в деревню к папиной сестре тёте Наде, у которой муж был убит на войне. Я косил и свозил ей во двор сено для коз, а она досыта отпаивала меня козьим молоком. Там же ежедневно

и нелегально ходил на скошенное колхозное поле и собирал оставшиеся колоски овса, обмолачивал их потом руками. Домой я привозил ведро овса. Мы пропускали его через мясорубку, отвеивали на ветру, окончательно измельчали в ступе. Посыпав сковороду золой, мать пекла необычайно вкусные лепёшки на молоке.

И всё-таки еды нам не хватало. Чувство голода было почти постоянным, его надо было уметь преодолевать. В любой час суток я чувствовал себя способным съесть целый обед и ещё больше. Особенно трудно получалось, когда случайно, приходя к знакомым, родным или товарищам по школе, я заставал их семью за едой. В этих случаях надо было отказаться от приглашения и сделать это с весёлым беспечным видом только что отобедавшего человека. Многим это было не под силу, а про других говорили, что они нарочно приходят к обеду под надуманными предлогами. Несколько самых напряжённых случаев, когда было особенно плохо с едой, я отчётливо помню до сего дня.

Однажды из деревни в Саратов по делу приехал и остановился у нас знакомый. Утром мать, провожая нас в школу, налила на сковородку две чайных ложки рыбьего жира и поджарила всем по две маленьких лепёшки из колоба (жмых подсолнечника), размером с печенье. После этого она нарезала на сковороду зелёных помидор, залила их рассолом и слегка потушила. Это и был наш завтрак. Я запомнил — знакомый ел свою порцию, не присаживаясь к общему столу.

Помню ещё случай в самое голодное военное время. Мать дежурила сутками, и накануне вечером уехала на работу. Утром отец кое-чем покормил меня и братьев. Сказал, что никакой еды нам не оставляет, так как её нет, а придёт к шести часам вечера с работы, принесёт хлеб и ещё что-нибудь. Тогда всё сварим и поедим. В этот день мы с братьями были голодными и целый день никуда не ходили. Младший брат

Витя несколько раз плакал. К шести часам я нащипал лучины и наколол чурок для тагана, вскипятил котелок воды, чтобы сварить то, что принесёт отец. Но отец всё не шёл, и я не знал, что сказать своим голодным братцам.

Наконец, поздно вечером отец принёс нашу обычную порцию хлеба и два килограмма отличной шоколадного цвета фасоли. Никогда не был таким вкусным густой фасолевый суп без масла, съеденный прямо перед сном.

Подобные случаи, когда в отдельные дни или по нескольку дней с едой было совсем плохо, бывали нередко. Но всё же наша семья питалась для военного времени сравнительно неплохо, и сказать, что мы голодали, было нельзя.

Свет, керосин, спички

С керосином тоже стало плохо, и поэтому керосиновую лампу мы зажигали лишь в самых исключительных случаях. С кухни исчезли керосинки и приятный домашний звук примусов. Основным осветительным средством стала коптилка или фитюлька: стеклянная баночка или небольшой пузырёк с керосином, верёвочный фитилёк в тонкой трубочке с ободком. Если коптилку поставить на стол, а рядом положить книгу или тетрадь, то на таком расстоянии можно было читать или писать. Так, часто по очереди, мы и учили уроки около коптилки на краешке стола, если не удавалось приготовить их при дневном свете или в то время, когда горел свет.

Поскольку спичек в доме в подавляющем большинстве не было, то и коптилка на ночь не гасилась, а только огонёк её делался минимальным. Утром от коптилки мать зажигала лучину и затапливала печь. Если нужно было пройти в уборную или на кухню, то на этот

случай зажигалась вторая коптилка или лучина подлиннее и посмолистее. Часто коптилка всё-таки тухла, и тогда, чтобы зажечь её, надо было идти к соседям. Иногда для этого приходилось пересекать двор, в этом случае я ставил коптилку на дно ведра или кастрюли — чтобы её не задуло ветром или не случился пожар.

Отец, как и большинство мужчин, носил в кармане кремень, железное кресало и верёвочный шнур, чтобы можно было прикуривать на улице или на работе.

В зимнее время при плохом освещении мы часто ложились спать очень рано. Родители спали на диване, я — на большом, а бабушка на маленьком сундуке, двоюродный брат Лёва — на детской кровати. Братишки Вова и Витя вдвоем абонировали полутораспальную кровать, в которую забирались раньше других и потихоньку там играли, показывая тени на стене и рассказывая друг другу всякие выдуманные истории. Когда я бывал свободен, я присоединялся к ним и рассказывал сказки собственного сочинения, замешанные на сюжетах, очень похожих на романы Стивенсона, Жюля Верна, Майна Рида и Дюма, но только упрощенные до детсадовского уровня. Иногда я пытался сочинять продолжения или изменённые варианты самых известных детских книг — про Буратино или про доктора Айболита. Словом, сказки эти были самые разные. Не знаю, как это получилось, но постепенно в каждую из них начал входить один постоянный эпизод, когда герои сказки садятся кушать. Далее следовало подробное описание того, что именно и как они ели, как выглядели съедаемые блюда и т. п.

Конечно, сам я был ещё не взрослый и хорошо помнил всё, что подавалось нам по праздникам и дням рождения до войны, братишки тоже многое помнили. С началом войны, как и все, питаться мы стали значительно хуже, особо вкусных продуктов есть уже не приходилось.

Поэтому поесть все мы, а особенно маленькие братья, готовы были, пожалуй, всегда.

Итак, я расписывал братьям всякие сказочные приключения, причём героями их становился и сам рассказчик, и слушатели. Когда опасности были уже позади, герои обычно пировали. В этом месте братья оживлялись и, перебивая друг друга, вносили дополнения. Они не позволяли мне отделываться общими фразами и требовали сказать точно, с чем была рисовая каша, которую ели победители — с маслом, молоком, вареньем или мёдом. Если я говорил, что ели пирог, то сейчас же следовал вопрос — с чем был тот пирог? Иногда я нарочно опускал вообще вопрос о еде, но младший Витя меня перебивал: «А что мы ели, ты почему не рассказал?» Приходилось подробно рассказывать, после чего братья засыпали.

Печка

Отец пригласил печника, и тот переделал нашу комнатную «голландку», встроив в неё плиту с конфорками. Теперь на одном огне можно было отапливаться-обогреваться и варить пищу. Поленья обычного размера в топку не лезли, и все наши дрова нужно было пилить на кругляши по 20 см длиной, а потом раскалывать на мелкие чурки. Это была тройная работа, выполнять которую приходилось нам самим всю войну. Обычно мы занимались этим с утра по воскресеньям. Уходило на это часа три, а заготовленных чурок хватало только на неделю. Зимой мы топили печь два раза, обходясь тем же количеством дров, что и ранее. Утром была небольшая топка, чтобы сварить завтрак, а вечером — главная, во время которой варился обед, грелась вода для стирки и мытья посуды, а также пеклась и подвяливалась тыква или свёкла.

Если надо было среди дня разогреть миску супа или чайник, то они сначала набирались тепла на печной плите, а потом их несли на кухню и грели на таганке, под которым поджигали сначала лучину, а потом мелкие щепки и чурки. Их всегда тоже готовили заранее. Шли они также на топку самовара, который всегда кипятили вечером.

В летнее время вся квартира готовила пищу на трёх таганках, размещавшихся в большой русской печи на кухне. Самовары летом часто ставили во дворе.

Вообще, кухня наша в войну осиротела. Раньше она была центром всей квартиры, здесь стояли три стола, весело пели примусы, светились своим могучим светом керосинки, кипели самовары, валил пар из стирального куба и корыт, смешивались самые различные запахи и разговоры. Теперь, особенно в зимнее время, там чаще всего было пусто, холодно, темно. Всё, что раньше делалось на кухне, теперь переселилось в комнаты — надо было экономить свет и тепло. И кроме того, я бы сказал, мы стали немного стесняться готовить пищу при народе. Особенно, когда попадались калорийные продукты вроде американской свиной тушёнки.

Соседи наши по квартире тоже не голодали, питались примерно так же, как и мы. Но что-то заставляло нас в вопросах еды соблюдать взаимную деликатность. Наши мамы старались не готовить еду на кухне — ведь в квартире было четверо маленьких детей, не каждый раз и не каждого можно было угостить. Маленький при виде чего-нибудь вкусного у соседей мог расплакаться. В мирное время часто любили мы показываться на кухне с куском сахара, сладким петушком на палочке или бутербродом из хлеба, масла и повидла. Теперь все старались, чтобы дети ели дома и воздерживались заходить к соседям в то время, когда они готовили пищу или обедали.

День в семье

Рабочий день нашей семьи был уплотнён до предела. Учился я в основном во вторую смену, а Лёва, классом младше, в первую. Поэтому утром я отводил братишек в детский сад, а приводил их оттуда Лёва. Детсад значительно облегчал наше положение. После детского сада я заходил в магазин и стоял в очереди за хлебом или тем, что давали по продуктовым карточкам. Уходило на это в зависимости от длины очереди в лучшем случае час, а иногда два-три и более часов.

Перед тем, как идти в школу, я имел возможность учить уроки полтора-два часа. Печь топил кто-нибудь из нас — я или Лёва. Кроме того, ежедневно мы чистили картошку, тыкву и свёклу, которые ели в то время в громадных количествах.

До начала войны я никогда не пробовал готовить, теперь же варить пищу мне приходилось чуть ли не ежедневно, и к концу войны я умел готовить всё, что мы тогда ели, и варил полноценные обеды, так что родители спокойно оставляли меня с братишками, когда оба они уже учились в школе.

Наша постоянная обязанность состояла также в том, чтобы мыть и вытирать после еды посуду, хотя особенно мыть-то было нечего — каждая тарелка всегда до блеска протиралась кусочком припасённого на этот случай хлеба.

Поздно вечером удавалось ещё раз позаниматься уроками. И на этот случай зажигалась вторая (запасная) коптилка. Она ставилась во второй комнате на письменном столе и казалась мне очень удобной: огонь её высвечивал лишь маленький кружок на столе. Вся остальная комната была погружена в темноту, ничто меня не отвлекало от занятий. Думая над задачей или повторяя урок по географии, я любил следить за огоньком пламени.

Вечером же нужно было проверить и уроки братьев. Мы с ними старались обходиться без чтения и письма. Все стихотворения первого и второго классов я всё ещё помнил наизусть, и мы их учили в полутьме, а арифметические и письменные работы я просматривал около коптилки. Конечно, это не прошло даром, и зрение у меня испортилось.

Баня

Большой проблемой были банные дни. Народу было много, а наша старенькая баня на Тулупной улице работала плохо. Всё время что-нибудь ломалось, то не было горячей воды, то холодной, то света. Очередь в баню мы занимали с шести часов вечера, а попадали в раздевалку лишь к десяти. Во время помывки обязательно гас свет, и при свете коптилки клубы пара казались сценой из сказочного подземелья.

Иногда мы топили кухонную русскую печь и всей квартирой устраивали баню прямо на кухне. Иногда то же самое делалось прямо в комнате. Для женщин купание детей сопровождалось ещё и стиркой.

Взаимопомощь

Во время войны люди помогали друг другу. Взаимопомощь и взаимоучастие практиковались и в нашей квартире. Купить хлеба по карточкам для соседей, помочь распилить дрова, присмотреть за ребёнком и накормить его, вызвать доктора и т. п. — всё это было в порядке вещей и бескорыстно. Прожить без такой взаимной поддержки было трудно.

Непросто было содержать семью в военное время. Разбитое стекло, перегоревшая электрическая лампочка, сломавшийся дверной замок, оторвавшаяся подошва, потерянные очки — любой пустяк оборачивался громадной проблемой. Родители наши сбивались с ног, чтобы обеспечить сравнительно небольшую семью минимумом необходимого. Они

непрерывно что-то продавали из вещей, покупали, доставали, меняли, привозили и приносили и сумели создать условия, при которых мы были сравнительно сыты и здоровы, могли успешно учиться в школе.

Воспитание

Должное внимание уделялось и нашему воспитанию. Вспоминая сейчас то время, могу сказать, что труднее всего приходилось нашей матери. Она позже всех ложилась и раньше всех вставала, одна обстирывала всю семью. Она меньше всех ела и брала себе худшие куски. Унаследовав от родителей крепкий организм, мама почти никогда и ничем не болела, в то время как с остальными это случалось нередко. Я не помню случая, чтобы во время войны мама хоть раз взяла бы в руки книгу, сходила в кино или в театр. Послушает радио, сидя за какой-нибудь работой, сходит в гости, когда пригласят по случаю — вот и всё.

Другое дело мы, дети. Несмотря ни на что, мы оставались детьми и сохраняли детские увлечения и интересы: играли во дворе, ходили в кино, иногда в театр, катались на санках, лыжах и коньках, бывали в гостях друг у друга, читали книги — всё это, конечно, в ограниченном виде по причине военного времени. Даже цирк во время войны работал, и мы его посещали.

Многое, правда, во время войны исчезло бесследно: не приезжал больше зверинец, не было никаких сладостей и деликатесов, которыми мы лакомились до войны. Но мы знали, что всё это временно, а наша Родина в те трудные годы все-таки обеспечивала нас минимумом необходимого.

Отец в военные годы, так же как и мать, был на высоте положения. Нам, детям — мне и братьям — в известном смысле повезло, что в это время отец оставался с нами и дал нам всё необходимое и полез-

ное. Он любил труд, особенно, когда вместе с ним трудилась вся семья. Такие дни и часы летом чаще всего случались на нашем огороде, а зимой и в воскресные дни — когда мы пилили и кололи дрова, заготавливая их на неделю. В это время он получал большое удовольствие, лицо его светилось радостью, которую он умел передать и нам. В какой-то степени можно сказать, что войну мы с отцом прошли в одной упряжке, он привил мне трудолюбие, сделал труд потребностью с детских лет.

Символическим стал для меня случай, когда к отцу на работу привезли каменный уголь, часть которого выделили в качестве топлива и нам. Уголь надо было срочно забрать, и поэтому вечером мы с отцом взяли у соседей большие железные сани с деревянным кузовом и пешком через весь город отправились к нему на работу. Нагрузив уголь, мы впряглись в тяжёлые сани и двинулись обратно, держась каждый за свою половину верёвочной лямки. Было тяжело, и домой мы дотащились поздней ночью, вконец измотанные. Зато дома теперь у нас было очень уютно и тепло.

Атмосфера в нашей семье всегда была хорошей. Этому способствовали и хлопоты матери по домашнему хозяйству, и жизнерадостный, общительный и хлебосольный характер отца, взаимные хорошие отношения обоих родителей, которые и во время войны ухитрялись отмечать наши дни рождения, устраивать нам новогоднюю ёлку, приглашать гостей, праздновать 1 Мая и 7 ноября.

Если мать заботилась о нас больше по части стирки, питания и содержания одежды в приличном виде, то отец проявлял внимание к нашей учёбе, доставал нам бумагу, учебники, книги, помогал в выполнении домашних заданий, руководил нашим умственным воспитанием. Это перед ним надо было держать отчёт по поводу неизбежно совершаемых детских шалостей.

Наконец, какое-то время в военные годы отец был председателем родительского комитета в нашей 20-й школе, имел очень хорошие отношения с заведующим учебной частью Александром Сергеевичем и директором Григорием Ильичом. Мы, все трое братьев, учились хорошо во многом благодаря отцу.

Огороды

В апреле 1942 года окрестности Саратова, местности вдоль дачной линии, вдоль железнодорожного полотна и другие городские окраины запестрели платками, платьями, рубахами, кофтами. Размечали и вскапывали лопатами все свободные участки земли, сажали картошку и овощи. В то время саратовцы выступили со всесоюзным почином о развитии коллективного огородничества.

Институт «Микроб», где работал отец, имел небольшую территорию опытной станции на пятой дачной остановке около железнодорожного полотна, где наша семья получила участок площадью 400 квадратных метров (четыре сотки). С апреля и все последующие воскресенья мы выезжали туда на трамвае, вскопали и засадили его картошкой и тыквой. А в июне после ухода паводковой воды получили ещё один участок большего размера в пойменных лугах на Сазанке, что на другой стороне Волги. Тяжело было поднимать лопатой пойменный дёрн с порослью густой травы. Воткнув с размаху в землю лопату, я становился на неё обеими ногами и начинал раскачивать черенок. Лопата медленно входила в землю, после чего я отваливал большой срез коричневатой плодородной почвы и начинал измельчать его ударами. На квадратный метр у меня уходило 20 минут, а за день я вскапывал не более 20 квадратных метров. То же самое делал и мой двоюродный брат Лёва. С нашей помощью отец вскопал и засеял

восемь соток за несколько дней. Это были дни тяжёлой изнурительной работы, первая в моей жизни поднятая целина. Пекло солнце, надоедали комары, от жары и мутной тёплой воды не хотелось даже есть. Но всё-таки огород был засажен. Так началась для нашей семьи пора военных и послевоенных огородов, которая продолжалась до осени 1947 года — в течение шести лет.

Большую часть года, с мая по октябрь, отец обычно бывал в командировках, и поэтому основная тяжесть работ по уходу за огородами ложилась на мать, меня и Лёву. На сазанском огороде половина всей земли приходилась на картошку, бывшую основным продуктом питания во время войны. Однажды осенью мы накопали на своих огородах 19 мешков картошки — и это был единственный год, когда картошку наша семья из шести человек ела досыта, и её хватило до нового урожая. В засушливом и голодном 1946 году картошки набралось едва пять мешков.

Сажали на Сазанке много сахарной и столовой свёклы, а также тыкву. Запечённые и слегка подвяленные эти овощи были довольно сладкими, их круглый год ели с чаем вместо сахара. Ну и, конечно, на каждом огороде высаживалось множество самых разных огородных культур: капусты, огурцов, помидор, редиса, фасоли, гороха, кабачков, баклажан, лука, чеснока, и даже дынь, арбузов и подсолнечника. Всё это на протяжении целого лета надо было рыхлить, полоть, обрезать, поливать, собирать и привозить домой.

На наш главный сазанский огород нужно было ездить 2–3 раза в неделю. Мы делали это по очереди, но всё же мне, как старшему, приходилось заниматься этим больше, особенно после отъезда Лёвы в Москву в августе 1943 года. Вставать приходилось в пять часов утра и пешком идти на вокзал; в шесть утра на Сазанку отправлялся пер-

вый поезд. В поезде я съедал половину своего завтрака и спал около часа. Просыпался уже на подъезде к мосту через Волгу. «Товарищи, предъявите документы!» — в вагон входил военный патруль. Заходя на мост, поезд медленно описывал большую дугу. За окном величаво несла свои воды и сверкала на солнце родная Волга. На соседнем пути стоял приземистый серо-зелёный пятнисто окрашенный бронепоезд с пушками и пулемётами в броневых башнях. В отдельном открытом сверху броневагоне были видны задранные вверх стволы зенитных орудий и крупнокалиберных пулемётов. Ближе к мосту виднелись обложенные мешками с песком орудийные окопы, из которых торчали стволы зенитных орудий. Во время войны немецким самолётам так и не удалось разрушить важный стратегический объект — мост через Волгу, хотя они много раз пытались это сделать.

И вот наконец я на огороде. Восемь утра, я здороваюсь со знакомыми папиными сослуживцами или их родственниками, приехавшими тем же поездом. Быстро раздеваюсь до трусов, бегу вдоль нашей делянки с двумя вёдрами и с разбега влетаю по колено в маленькое озерцо в конце огорода, зачерпываю воду и как можно быстрей двигаюсь обратно. Сорок вёдер уходит на картошку, тридцать на помидоры — а всего мне надо перетаскать 200 вёдер воды на всё, что требует сегодня полива. Я работаю не останавливаясь и до наступления жары к 12 часам успеваю закончить работу. Дальше наступает самая приятная часть дня — я иду купаться на большое озеро с чистой водой. Я весь до плеч в болотной жиже (она немного предохраняет от укуса комаров), ноги порезаны осокой и зудят.

После купания — обед, на который идут остатки утреннего завтрака: кусок хлеба, крутое яичко, большая вобла и полбутылки кислого молока плюс огурцы и помидоры с огорода.

Ещё час можно почитать в тени, если не слишком жалят комары. А ещё лучше пойти к нашему огородному сторожу в шалаш. Ему уже 80 лет, он сухой и подвижный, носит усы, а бороду и щёки гладко бреет. Из-под густых седых бровей смотрят живые чёрные глаза. Дед у нас на огородах знаменитый: ещё до революции он 25 лет плавал кочегаром в заграничные плаванья и охотно об этом рассказывает. В революцию был военным моряком. В конце беседы с ним речь обязательно переходит на войну: дед спрашивает (вернее, переспрашивает много раз) о новостях от Советского информбюро, потом говорит о немцах: «Не могут они против нас воевать. Они — господа, привыкли, что всё им с комфортом. А у нас народ воюет. Погибнут они на нашей земле, даже от самой земли погибнут».

Ближе к вечеру я прощаюсь с дедом, прилаживаю за спину небольшой рюкзачок с молодой картошкой, в руках два ведра с огурцами и помидорами. Тороплюсь на станцию. Все садятся в вагон, но поезд ещё долго стоит — ждёт, чтобы пропустить военный эшелон. Наконец, эшелон подходит со стороны Заволжья и проходит мимо нас. В проёмах запылённых теплушек — обветренные лица солдат, на открытых платформах стоят автомашины, дымится полевая кухня. За первым эшелоном подходит и останавливается другой. В ближайшем вагоне вместе с красноармейцами — лошади. Кавалерия — мой кумир, и я кричу в окно: «Вы кавалерия?» «Конная разведка», — уточняет один из бойцов и гладит морду ближайшего вороного коня. Конная разведка — это тоже мой кумир с детства, с самых лучших довоенных фильмов о Котовском, Пархоменко, Чапаеве. Я быстро кладу в свою соломенную шляпу огурцы и помидоры и успеваю переправить их конноразведчикам.

Поезд трогается, бойцы машут мне руками. Последнее, что я вижу — вороной конь с лиловыми умными глазами. Пристроившись в хвост военному эшелону, наш поезд идёт до Саратова без обычных задержек. Недалеко от завода комбайнов видны руины жилых домов, разбитых фашистскими бомбами. «Вчера ночью, — говорит одна из пассажирок вагона, — отец был на работе, а дома четырёх детей убило». Из-под обломков зданий тянется лёгкий дым.

Домой с вокзала я добираюсь быстро на трамвае. Меня ждут мама, Лёва, братишки. Мама жарит картошку и присыпает её яичным порошком. Потом берёт тёплые от дневного зноя огурцы и помидоры и нарезает обычный наш салат, слегка приправляет его постным маслом. Семейная сковородка большая, всем хватает. Я счастлив — накормил семью, и сон у меня после этого отличный.

Настоящим праздником оказывалась осенняя копка картошки и уборка капусты. Выезжали всей семьёй, обед варили на костре, и ради такого дня припасалась банка свиной тушёнки. Мама варила пахучий густой пшённый кулеш с жареным луком, братишки Вова и Витя возились с дровами для костра. Папа копал, а мы с Лёвой выдирали картофельные кусты, выбирали картофелины и ссыпали их в кучу.

Приходила старенькая грузовая машина и везла мешки на станцию, где мы их грузили в товарный вагон. Потом все уезжали пригородным поездом в Саратов, а я в числе немногих оставался в вагоне с картошкой и спал на мешках. Ночью вагон прицепляли к товарному поезду. Средний мешок картошки весил 50 килограммов, и мы, подростки, вдвоём легко с ним управлялись.

Зато какое огромное удовольствие испытывали мы от результатов своего труда! На огородах работало не только взрослое население, но и практически все саратовские ребята, начиная с десятилетнего воз-

раста. Все знали: без огородов не прожить. Вырастить хороший урожай — это значит не только быть сытым самому и накормить семью. Это являлось ещё и помощью фронту, нашим посильным вкладом в разгром врага. Тогда говорили так: «Картошка — это второй хлеб, а хлеб — тоже оружие».

Дети того времени прошли серьёзную трудовую школу, получили практический урок гражданственности и трудолюбия. Именно в это время я полюбил землю любовью труженика. Полюбил сельский труд и люблю его до сих пор. Весенний запах свежевспаханной земли, радость видеть первые всходы, удовлетворение от собственной усталости — всё это я впитал с детства на всю жизнь и до сего дня тружусь на земле в своём саду, ежегодно езжу на овощные плантации пригородных хозяйств вместе с коллективом, где работаю.

Пеший базар

Наш дом располагался рядом с Пешим базаром, который до войны был довольно многолюден. В то время торговали там исключительно продуктами личного хозяйства: мясом, молоком, сметаной, яйцами, фруктами, картошкой. В начале лета на базаре было много вяленой рыбы, а в конце августа весь базар был завален арбузами.

Надо сказать, что в то время эти продукты продавались и покупались преимущественно на базаре. В магазинах было принято покупать крупы, хлеб, сахар, колбасу.

Всё изменилось вскоре после начала войны. Продуктов стало меньше, покупателей больше. Крытые помещения были заняты под склады военного имущества, а торговля велась на деревянных прилавках, под открытым небом. Лишь небольшая часть этих прилавков имела двухскатные навесы. Многие из продавцов располагались на принесён-

ных с собой ящиках, стульях, столах или просто на земле. Ближе ко входу на базар торговали семечками и самодельным морсом (подкрашенной водой на сахарине). На привилегированных местах вдоль ларьков сидели инвалиды войны, торговавшие махоркой. Самые злые и крепкие её сорта рекламировали так: «Махорка — вырви глаз. Подходи, рабочий класс!» У них же можно было купить самодельные зажигалки и дюралевые портсигары, на крышке которых было написано: «Закуривай, нахал!»

В молочном ряду молоко продавалось квашеное и простое. Жирность его было приятно пробовать на вкус — молочница ложечку молока наливала прямо в ладонь. В молочных рядах всё время ходили старушки и без конца пробовали продукцию. Молочницы с ними ругались. Самым обширным был картофельный ряд, ведь картошка стала основным продуктом питания во время войны.

Продукты солдатских и дорожных рабочих пайков — мясные консервы, водка, папиросы — продавались на отдельном пятачке. Сахар предлагался отдельными кусочками. Рядом — его военные заменители: томлёно-сушёная тыква и такая же свёкла. На самом углу улицы Челюскинцев вдоль стены базарной уборной были выставлены брёвна и вязки поленьев. В том же углу с укутанных одеялами подносов и вёдер шла горячая продукция: пареная тыква, варёная картошка, котлеты бог знает из чего. Изредка можно было увидеть сливочное масло

и мясо. Впрочем, может быть, мне это кажется, так как мы к ним близко не подходили. Память сохранила базарные цены тех лет, вот они:

— калёные семечки — 5–8 рублей стакан;
— картошка — 70–100 рублей за килограмм;
— буханка ржаного хлеба — 200 рублей;
— поллитровая банка молока — 20 рублей;
— коробок спичек — 10 рублей;
— вязка дров — 20 рублей;
— папиросы «Казбек» — 3 рубля за штуку;
— водка — 300 рублей за поллитровую бутылку;
— масло сливочное — 900 рублей за килограмм;
— сушёная вобла — от 5 до 10 рублей за штуку;
— мясо — 600 рублей за килограмм.

Чтобы дать представление о доступности этих цен, скажу, что во время войны наша школьная учительница географии со стажем 16 лет получала в месяц 400 рублей. Отец, бывший научным сотрудником, имел зарплату 700 рублей. Этих денег могло бы хватить для расчётов по государственным ценам. Базарные превышали их в десятки и сотни раз.

Кто же торговал на базаре в военное время? С одной стороны, это были по-прежнему те, кто жил на окраине Саратова или в пригородных деревнях и имел излишки продуктов со своего приусадебного хозяйства. С другой стороны, в базарную торговлю включалась масса обычных граждан, которые продавали одежду, домашние вещи, книги, инструменты и т. д. — в порядке обмена на предлагаемые продукты. Что у кого было лишнее — всё шло на продажу. Постоянно что-нибудь продавала и наша семья. Уже в конце 1941 года отец продал шерстяной отрез и один из костюмов. Весной 1942-го вместе со мной он пошёл продавать наш семейный патефон с набором самых популярных дово-

енных пластинок. Мы продали его за 2200 рублей колхозникам, которые в свою очередь привезли в город на продажу корову.

Как я уже говорил, водку и папиросы, входившие в дополнительный паёк отца, мать продавала на базаре. Когда отец привозил воблу из командировки, нам с братом Лёвой выдавали по десятку рыбин и тоже поручали продать их на базаре. Помню, как-то раз отец вернулся из Астрахани рано утром. Мать тут же послала нас с воблой на базар, и благодаря этому к завтраку у нас был литр свежего молока, что было крайне необходимо для маленьких братишек. Из продуктов мы покупали на базаре исключительно молоко. Там же надо было приобрести часть дров и керосина, лёгкую обувь и кое-что из одежды.

Такую же торговлю, имевшую исключительно обменный характер (продал по базарным ценам одно, по этим же ценам купил другое), вели практически все без исключения жители нашего двора. Соседка Леонтьева доставала лишний кубометр дров, а продав дрова, две недели покупала себе молоко. На работе у другого соседа, инвалида Николая Васильевича Сарычева, часто выдавали селёдку — он продавал её на базаре и покупал картошку.

Впрочем, кое-кто продавал с выгодой для себя. Один из наших соседей покупал на базаре или где-то доставал старые валенки, куски резины, лоскуты материи и шил тапочки, которые шли на выгодную продажу. В войну летом все стали носить лёгкие тапочки вместо ботинок.

Конечно, было много и таких, которые стремились на базарной торговле крепко подзаработать, а то и просто нажиться. Так, например, жила на нашей улице торговка семечками, где-то доставала она сырые подсолнечные семечки целыми мешками, жарила их в печи, а затем продавала на базаре. Другая наша знакомая неоднократно покупала

где-то молотый колоб (скорее всего, это делалось нечестным путём), а затем продавала его стаканами на базаре с тройной выгодой для себя. Помню, что в сожители к ней навязался старичок — тот зарабатывал большие деньги на торговле махоркой. Нас, подростков, он нанимал пилить и колоть дрова — так обходилось дешевле.

Таких людей уже правильней было назвать спекулянтами. К спекулянтам я бы отнёс и тех, кто, имея большой приусадебный огород, корову, кур, свиней, продавал свою продукцию ежедневно по бешеным базарным ценам, наживаясь на трудностях военного времени. Конечно, были такие случаи, когда большая семья имела корову и благодаря ей питалась ежедневно молоком — в этом можно усмотреть только хорошее. Другое дело, когда большая часть молока производилась на продажу, и его — молока — ежедневно продавалось ну, скажем, на 1000 рублей — здесь речь шла уже об обогащении за счет бедствующих слоёв населения.

Ну и, конечно, были на нашем базаре крупные спекулянты, дельцы, а то и просто торговцы краденым, т. е. преступники. Занимались они дорогим товаром: новой хорошей обувью и одеждой, были у них часы, водка, драгоценности, хлебные и продуктовые карточки, мясные консервы, шоколад, сахар и другое — откуда всё это бралось, не берусь судить, не знаю.

Знаю только, что иногда базар оцеплялся военными с винтовками — так начиналась облава. В этих случаях на базаре случалась паника. Скорее всего, её специально создавало мелкое жульё, чтобы в давке чего-нибудь перехватить, особенно, если матёрый спекулянт хотел избавиться от своего товара. После оцепления на базар уже никого не пускали, а у всех выходящих проверяли документы. Под конец военные патрули проверяли каждого из находившихся внутри базара.

Какое-то количество людей всегда арестовывали и увозили. Кое-кто пытался скрыться — раздавались предупредительные выстрелы.

Напротив Пешего базара по солнечной стороне улицы Чернышевского стояли тележечники с ручными тележками, подвозившие за плату дрова, мешки с картошкой, такие ёмкие грузы, как тыквы, арбузы, капусту. В зимнее время у них были самодельные сани. Стояли тут и конские подводы, подвозившие грузы на дальние расстояния — на вокзал, на пристань и в отдаленные районы города. Часть подвод стояла на самом базаре, и с них шла торговля.

На перекрёстках соседних с базаром улиц и в оживлённых местах самого базара сидели и стояли устроители разнообразных игр, лотерей и прочих нечестивых занятий. Помню, что на нашем углу Чернышевской и Челюскинцев одно время прямо на мостовой сидел толстый человек неопределённого возраста с бегающим взглядом и документами инвалида войны. Перед ним лежал лист фанеры, разграфлённый на шесть клеток с номерами. Желающие клали деньги в клетки, после чего хозяин кидал кубик с цифрами. Выпавшему номеру давал сумму, втрое превышавшую ставку, остальное забирал себе. Зазывая игроков, снимая и выдавая деньги, он всё время говорил прибаутки, вроде таких: «Никто не платил — никто не получил», «Деньги ваши — стали наши» и т. п. При этом часто оглядывался. Долго такие дельцы не держались — их или арестовывали, или они трусливо перебирались куда-нибудь ещё.

Наиболее безвредные «умельцы» стояли с ящиком на раскладных ножках. В ящике — пакетики с предсказанием судьбы в виде обычной галиматьи. «Судьбу» достаёт галка или морская свинка. Цена сеанса — два рубля. Ходили по базару певцы с гармонями; играя прямо в торговых рядах, они собирали подаяние натурой — пара картофелин,

огурец, яичко. В семь часов вечера базар закрывался, и дворники усиленно свистели, выпроваживая последних продавцов и покупателей. В это время базар дружно переселялся и продолжал торговлю вдоль мостовой от Ленинской до Валовой улицы вплоть до полуночи. Торговали всё тем же — с земли, с ящиков, с рук. С наступлением темноты базар постепенно таял, лишь на углах задерживались одиночные фигуры продавцов курева.

Таким и запомнился мне наш Пеший базар со всем плохим и хорошим, что я видел там в военные годы, и сознанием того, что он играл свою роль в нашей жизни — в том смысле, что был нужен нам дозарезу.

Для нас, подростков, был он одной из самых поучительных и жестоких страниц жизненной школы, где смешивались материальные интересы и духовные принципы, определялись понятия борьбы за существование, жестокости и алчности, проверялась чистота помыслов и убеждений.

Военнопленные

Военнопленные — немцы, венгры, румыны — появились в Саратове весной и летом 1943 года после Сталинградской битвы и разгрома союзников Гитлера на Дону.

Однажды в сентябре 1943 года в нашем 6 «а» классе закончился очередной урок, и тут же с улицы раздался чей-то крик: «Немцев ведут, фашистов!» Класс мгновенно опустел. Вся школа по лестнице бросилась вниз, во двор, оттуда на улицу. С улицы во двор влетели какие-то ребята: «Давай камней, бей гадов!» Вместе со всеми я хватаю комья земли, бегу по улице наперерез колонне немецких военнопленных в мятых грязно-зелёных мундирах, шинели они несут в руках. За плечами вещмешки. Видимо, их привезли в Саратов на пароходе.

Их человек сто, они строем идут по дальней от школы левой стороне дороги, держась подальше от тротуаров с прохожими. Мы выстраиваемся вдоль дороги. Кто-то из ребят что-то кричит. Кто-то первым бросает камень, потом град камней летит в сторону колонны. Усатый конвоир оборачивается к нам и делает усталый осуждающий знак рукой. Немцы идут, опустив головы, втягивая их в плечи, вид у них жалкий и угнетённый. Бросать в них камни почему-то не хочется. И никто больше этого не делает. Я тоже не знаю, что делать с камнями, оглядываюсь назад и вижу Юру Чалова. Его отец погиб на фронте. Он стоит позади всех и внимательно смотрит на немцев. Камней в руки он вообще не брал, оказывается. Это меня поражает, и я теряюсь ещё больше. Ко мне подскакивает сосед-одногодка Вовка Шалаев (его отец воюет на фронте с 1941 года): «Айда к нам в дом, залезем на чердак и оттуда немцев разбомбим», — шепчет он заикаясь. Это кажется мне выходом, и мы быстро догоняем колонну военнопленных, которая уже подходит к Пешему базару.

С базара вываливает народ. В гущу пленных вдруг врывается молодая женщина, волосы у неё растрёпаны. Она гневно что-то кричит, рыдает и бьёт немцев кошёлкой. Немцы не пытаются увернуться, только подставляют поднятые локти. Внутрь колонны заходит конвоир и сердито дёргает женщину за руку. В истерике та только рыдает. Другие женщины окружают её и уводят. Один из немцев поднимает брошенную кошёлку и вежливо ставит её на тротуар.

Между тем, с базара спешат несколько инвалидов. Они матерятся, размахивают костылями. Теперь дело принимает серьёзный оборот — это понимают и немцы, и конвоиры. Пленные ускоряют шаг, а конвоиры загораживают инвалидам дорогу, возникает борьба. Кому-то из пленных всё-таки здорово достаётся. У молодого немца оказывается

рассечённым висок. Он прикладывает к ране пальцы, а кровь течёт сквозь них и капает на мундир. Что-то сразу меняется в настроении людей. Все видят и понимают беззащитность пленных и теперь стоят молча. Так во всеобщем молчании пленные проходят мимо и удаляются. Мы с Вовкой уже и не вспоминаем о своих планах, и камни как-то незаметно исчезают из наших рук.

Подобные случаи были в Саратове только в первые дни после прибытия пленных. Бараки для них были построены на развилке Вольского и Петровского трактов около железнодорожного переезда. Позднее часть их была переселена в школу № 10 на Большой Горной улице и в другие места. Пленные работали на больших огородных и картофельных массивах на восьмой дачной остановке, вели строительство, ремонтировали трамвайные и железнодорожные пути. Рядом с нами они копали траншею для газопровода по улице Челюскинцев. На нашей улице Чернышевского они начали перекладывать мостовую и целыми днями стучали своими молоточками, старательно прилаживая один булыжник к другому. От Узенького мостика к нашему дому и дальше потянулась приятно выпуклая мостовая с откосами из чистых округлых камней. Отдыхать немцам разрешалось на тротуаре в тени длинного забора рядом с нашим домом. Сидели они и на парадном крыльце нашего дома.

Тётя Люба, наша соседка и мать Вовы Шалаева, распахивала дверь и кричала: «Это что ещё такое!» Немцы вежливо приподнимались и убирали свои кители с крыльца: «Битте, фрау». «Фрау» тётю Любу подкупало, и она кричала ещё что-нибудь, теперь уже явно притворно-сердитом тоном.

Мы, мальчишки, проходя мимо или сидя на заборе, задирали немцев: «Гитлер капут!» Они поднимали головы, растерянно улыба-

лись и охотно откликались: «Капут! Гитлер капут!» Со временем это стало звучать вроде как «Доброе утро» или «Здравствуйте».

К тому времени всё чаще стали приходить сообщения о поражениях и отступлении немцев по всему фронту. Враг ещё сопротивлялся, но хребет его был давно сломан. Немецкие самолёты над нашим городом тоже больше не появлялись. Изменилось и отношение к пленным, по крайней мере, к тем, кого мы видели за ежедневной работой на нашей улице. По мере того, как война приближалась к концу, оно становилось слегка сочувственным.

Мой друг Вовка Шалаев долго придерживался крайних взглядов, считая, что он должен бить немцев так же, как это делал его отец на фронте. Один из его планов состоял в том, чтобы вылить ведро воды под дверь нашего парадного входа в то время, когда на крыльце отдыхали немцы. Я против такого плана не возражал, но и участвовать в его осуществлении не хотел. Без меня же Вова медлил-медлил, а потом и вовсе замешкался, ссылаясь на малую эффективность одиночной борьбы и отсутствие массированного характера акции возмездия.

Между тем случилось вот что. Однажды я, возвращаясь домой, вошёл в подворотню нашего дома и увидел конвоира с винтовкой. Он стоял во дворе и оглядывался: «Парень, где тут мой фриц затерялся?» Из открытой двери нашей кухни послышался голос тёти Любы: «Тут он! Третью тарелку жрёт!» Действительно, в кухне на краешке табуретки сидел среднего роста немец лет сорока пяти. Он ел борщ, держа миску в руке. И после каждой ложки слегка приостанавливался и виновато посматривал на тётю Любу. Пилотку свою немец аккуратно сложил на другом краю табуретки. Немец был в очках, из-под них выглядывал нос картошкой, края грязного и рваного свитера торчали из рукавов и воротника его кителя. Невзрачный был у него вид, и тётя

Люба смотрела на немца с брезгливо-сожалеющим выражением лица.

«Ну и голодные вояки у вас, — объяснила она конвоиру, — пришёл, понимаете, во двор. Сначала напиться попросил, потом — кусок хлеба. Хлеб-то проглотил, чуть не подавился. Уж не знаю, стоило ли, но вот обед ему отдала. Сейчас придётся снова варить. Четверо, говорит, детей у него дома». Немец поспешно подтверждал: «Да, да! Айн, цвай, драй, фюр! Фюр клайне киндер!» И показывал четыре пальца.

В тот день тётя Люба была в хорошем расположении духа. У неё был день, свободный от дежурства в госпитале. С утра радио передавало хорошие сводки с фронта, вести об очередных поражениях немцев, длинный список их потерь. Пришло и «благополучное» письмо от дяди Жени, её мужа, военного топографа. Вот так, как говорится, на радостях и накормила немца.

Уже после войны я специально поинтересовался и узнал, что пленные получали такую же норму продуктов, как и все советские люди, рабочие таких же специальностей. Были у них и премиальные продуктовые доплаты за перевыполненные нормы, в Саратове они имели свои огородные участки, где дополнительно к основному пайку выращивали картофель и овощи.

Я тоже изменил своё враждебное отношение к немцам и, как мне казалось, долго сохранял нейтралитет. Но однажды стало ясно, что в ближайшее время немцы (было их человек 15) закончат мостить улицу. В тот день я, не спросив разрешения, взял из отцовского премиального пайка одну папиросу «Казбек» и, сильно смущаясь, подошёл к немцам, сидящим на нашем крыльце, без своего обычного «приветствия». «Битте», — коротко сказал я и отдал папиросу крайнему немцу. «О, данке шон!» — немец встал и снял передо мною пилотку: «Данке, гут киндер!»

Через несколько минут я выглянул из окна квартиры наших соседей. Немцы курили «казбечину», передавая папиросу друг другу. О своём поступке я никому ничего не сказал. А через некоторое время у нашей школы я впервые встретил колонну пленных венгров. В кармане у меня лежал завтрак — 100 граммов чёрного хлеба и вобла, которые я сразу решил отдать. Но кому?

Пропуская мимо себя колонну, я увидел венгра, выделявшегося высоким ростом и умным интеллигентным лицом. Его худая шея с острым кадыком длинно высовывалась из воротника горчичного цвета шинели. Руки он держал в карманах, смотрел себе по ноги, но иногда поднимал голову и бросал короткий взгляд поверх впереди идущих. Я колебался недолго, вошёл в строй пленных и тронул его за рукав. «Вот, — сказал я, протягивая еду, — пожалуйста». Венгр вопросительно посмотрел на меня, устало улыбнулся. «Спасибо, — сказал он по-русски, — большое спасибо». «Вот, возьмите» — смущённо добавил он и протянул мне сильно потёртый кожаный кошелёк. Когда я раскрыл его, то нашёл внутри несколько мелких алюминиевых венгерских монет, которые, видимо, он хранил как память о своей родине.

Я запомнил пальцы венгра, длинные и худые, и, пожалуй, утончённые. Может быть, пальцы музыканта или математика.

Танки на берегу

Поздней осенью 1943 года случилось ещё одно знаменательное для нашей мужской школы событие. Однажды утром, когда по Волге уже плыли отдельные мелкие льдины, а берег реки был покрыт снегом, снизу подошёл караван буксиров и барж с подбитыми, подлежащими ремонту или разборке танками на борту. Танки — их было штук триста, целый танковый корпус — сгрузили на сушу, и весь берег Волги

от Ленинского до Октябрьского взвоза был уставлен машинами. Танки один за другим буксировали мимо нашей школы через весь город на танкоремонтный завод. Восторгу и интересу нашей ребятни не было предела. Много уроков было пропущено, т. к. мы без конца бегали на берег, проводили там целые дни.

Советские танки разных типов с гордо поднятыми, как нам казалось, пушечными стволами и боевыми ранами вызывали трепет и уважение. Помню, как мы втроём с Геной Сторожевым и Шурой Муралёвым подняли крышку люка легендарной «тридцатьчетвёрки», спустились внутрь, улавливая слабый запах человеческого тления, поговорили шёпотом, поклонились еле заметным останкам.

В другой машине можно было поворачивать боевую башню и, действуя механизмом наводки, поднимать, опускать и поворачивать ствол орудия. Выполнив всё, что положено, мы мысленно разнесли в клочья стоявший по соседству немецкий танк…

Немецкие танки мы разглядывали с брезгливым любопытством, восторг вызывали сквозные пробоины от наших бронебойных снарядов. Залез и я в немецкий танк, сел на сиденье командира, прильнул к наблюдательной щели и представил себе панораму разбитого Сталинграда, которую не раз видел в хронике.

Немало военных трофеев досталось нам в те дни: патронные и снарядные гильзы теперь были у нас в неограниченном количестве. Меньше было снаряженных патронов, но их мы тоже находили немало, и бедные наши школьные печи то и дело сотрясались от разрывов. Делалось это так: пулемётный патрон вгонялся в полено, а полено перед началом урока подкладывалось в горящую печь. Наш завхоз Матрёна Дмитриевна, ведавшая отоплением, целый месяц вообще боялась подходить к печкам.

Особенно удавались эти взрывы на уроках французского языка. Дело в том, что наша «француженка» Ольга Ивановна всё время приходила на уроки с пустыми кастрюлями, предназначенными для получения обеда в специализированной столовой. Кастрюли эти почему-то иногда лежали у неё на коленях, висели на стуле или стояли на краю учительского стола. Когда в печи раздавался маленький взрыв, Ольга Ивановна в испуге вскакивала, и кастрюли падали на пол, производя восхитительный шум. Всё это было уже опасно, но, как и все мальчишки на свете, мы не могли преодолеть притягательной для нас силы военных предметов.

Однажды на перемене в выгребной яме на школьном дворе даже взорвали снаряд. Снарядная гильза описала широкую дугу и ударилась в кучу дров. К счастью, никто не пострадал.

Конечно, достойно сожаления, что многие стороны и условия военного времени оказывали на нас, подростков, своё неизбежное отрицательное влияние. Так, например, многие начинали курить, и в наших карманах не переводилась махорка, а с недавнего времени ещё и порох. Большая часть ребят баловалась куревом, выпрашивая друг у друга окурки. Этим пользовались любители розыгрышей. Они заворачивали в заднюю часть махорочной закрутки порох, а покурив немного, передавали её «стрелку», у которого в руках потом и вспыхивал маленький фейерверк, иногда не без последствий.

С наличием бесплатного пороха связаны и более крупные неприятности. Однажды, когда я в сумерках возвращался из школы, неожиданно из-за угла выскочил какой-то парень. На конце его вытянутой руки сверкнула вспышка, и я почувствовал боль в бедренной части ноги, а потом тёплая струйка крови побежала за валенок. Я получил выстрел из самодельного револьвера, правда, заряд был слабым, и пуля

лишь слегка вошла под кожу. Дома я кое-как перевязал рану в уборной и никому ничего не сказал. Через полгода ниже места ранения у меня стала сильно чесаться нога, и пуля как-то сама вышла наружу, оставив навсегда небольшой след на память о жестоких наших военных детских годах. Я говорю «жестоких» ещё и потому, что иногда ребята-подростки и более старшего возраста бросали школу, становились безнадзорными, вставали на преступный путь.

Лошади и охота

(написано братом Виктором Семёновым)

Ещё со студенческих лет Николай был страстным поклонником конного спорта, очень любил лошадей и немало времени проводил на ипподроме. Этим он занимался и в Новосибирске, а по возвращении в Саратов почти каждый воскресный день ходил на бега и вскоре стал в среде ипподромных служителей и наездников своим человеком. Он даже какое-то время работал на ипподроме конюхом на непостоянной основе. Привлекала его в этом деле чисто эстетическая сторона — лошадь как гармоничное, красивое и умное животное, её экстерьер и рабочие характеристики, её бег и поведение, её проявления лучших спортивных качеств: резвости, выносливости, отдатливости, стремления к победе. Во всех этих вопросах он был

настоящим знатоком, перечитавшим много специальной литературы, долгое время выписывавшим журнал «Коневодство» и коллекционировавшим редкие (в т. ч. дореволюционные) издания о лошадях и конном деле. Многое знал он об отечественном коневодстве и не меньше — о постановке конного дела в иных странах.

Николай с удовольствием ухаживал за ипподромными лошадьми, чистил их, кормил, наблюдал за их поведением. Сам он отлично сидел в седле, умело управлял лошадкой, не прибегая ни к каким насильственным действиям, пускал её на полный мах, переходил на спокойную рысь, двигался шагом, давая животному отдых — всё это со знанием дела и приобретёнными профессиональными навыками. В конюшню он всегда являлся с гостинцами для своих подопечных — пряниками, сахаром, хлебом с солью.

Лошадки сразу же узнавали его голос и откликались приветливым ржанием. Никогда не привлекала Николая азартная сторона ипподромного действа — он не играл в тотализатор, не думал о выигрышах, сторонился даже разговоров на эту тему. Учреждал скромный персональный приз на бегах и конкуре — это бывало. И с удовольствием лично вручал победителю конверт, поздравляя его и благодаря за красивую победу.

Естественно, все наездники и служащие ипподрома, включая директора, всегда видели в Николае преданного и ревностного единомышленника, образованного, высоконравственного и бескорыстного человека и потому очень уважали его, были всегда с ним обходительны и приветливы.

Другим стойким увлечением Николая с молодых лет была охота. Эту страсть все мы, братья Семёновы, унаследовали от своего отца, который к данной мужской потехе был приобщён ещё в детстве своим

дядей — Павлином Александровичем. Начал охотиться Коля в Новосибирске, когда обрёл определённый материальный достаток, позволивший приобрести ружьё и всё другое необходимое. Охота там была добычная, всё-таки Сибирь — это не Европа, там и дичи побольше, и охотников поменьше, и угодья побогаче. Во всяком случае, на присылаемых фотографиях наш старший брат был постоянно запечатлён со связками убитых кряковых уток и чирков. И вряд ли это была какая-то фальсификация или нарочитая подстава.

В саратовском «отъезжем поле» такая картина — явление редкое. Но это не повод для отказа от удовольствия побродить с ружьишком или постоять на вечерней зорьке, наслаждаясь предвкушением, а иногда и добычей. Поэтому по возвращении в родные пенаты Николай влился в качестве полноправного члена в одну из охотничьих компаний, совершавшую по осени регулярные выезды в освоенные угодья в Саратовском Заволжье.

В. Н. Семёнов

ГЕОЛОГ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Помидоры!!!

В сарае, где хранились дрова, был отличный погреб. Каждой осенью мама солила две бочки помидоров и огурцов. Одна бочка была на 180 литров, другая — на 50–60 литров. Таких вкусных помидоров я в жизни больше никогда не пробовал. Мама была ~~умелой~~ мастерицей зимних заготовок.

Мой первый полевой сезон

В качестве первых объектов полевых работ были выбраны крупные гематитовые месторождения Нижне-Ангарского железорудного бассейна. Мой первый полевой сезон проходил с 15 июня по 15 октября 1959 года. Мы выехали отрядом из пяти человек из Красноярска числа 10 июня и пароходом добрались до посёлка Широкий Лог. А дальше выяснилось, что малые суда по Ангаре ходят, в лучшем случае, один раз в неделю, и над нами нависла угроза просидеть на дебаркадере в Широком Логу как минимум семь дней. Я стал расспрашивать матросов с дебаркадера о вариантах выхода из создавшегося положения, т. к. до пункта нашего назначения Мотыгино было 100 километров. Матросы рассказали, что выше по течению стоит катер «Геолог», хозяин которого — начальник Ангарской экспедиции Николай Иванович Иванченко: «Иди, попробуй договориться». И я пошёл. Вижу, у плотов стоит катер, а рядом седой голый мужик, в одних семейных трусах и сильно поддатый. Спрашиваю: «Мужик, ты Иванченко не видел?» В ответ: «Я Иванченко, что надо?» Я сильно смутился, стало неловко за свою фамильярность, но начальника экспедиции я представлял совсем другим. Представился, разговорились. Он мне говорит: «Есть такой именитый геолог Енгуразов». Я отвечаю: «Да, знаю, он выпускник нашего университета». «А ты что, саратовский?» «Да, я из Саратова, окончил геологический факультет СГУ». Он надевает брюки и приглашает: «Пойдем на катер». И уже с трапа кричит: «Маша, коньяк на стол и осетрину. Земляка веду, гость у нас!»

В то время я практически вообще не пил, а здесь сразу по полстакана коньку и разговоры. Иванченко мне говорит: «Сейчас приедут министр геологии Горюнов и главный геолог Красноярского геологического управления Аладышкин. Я их в Горевку отвезу, а катер

за тобой пришлю. А вообще, ты лучше со мной езжай, ты мне понравился, а они пусть катятся к чёрту». А сам коньяк пьёт и мне подливает. Скоро и «Волга» с именитыми гостями подкатила. Николай Иванович, хорошо поддатый, пошёл их встречать, а я бочком-бочком на свой дебаркадер. Ребятам ни слова не сказал — мало чего по пьянке наобещают. Однако глубокой ночью (мы спали прямо на палубе дебаркадера) меня будит матрос и спрашивает: «Ты, что ли, Семёнов? За тобой катер прислали».

Вот так и начался мой первый полевой сезон. Я подивился верному слову Н. И. Иванченко, **и сам всю жизнь придерживался правила скрупулёзной обязательности перед товарищами нашего геологического братства и не только его**. Этим эпизодом открылась моя «германиевая эпопея», которая завершилась в 1968 году защитой диссертации «Закономерности распределения германия в руде Тейско-Тузухинского железорудного бассейна». Моя научная и производственная деятельность сложилась так, что мне пришлось контактировать с ведущими учёными Сибирского отделения АН СССР и прежде всего с геологами-академиками Ю. А. Кузнецовым, В. А. Кузнецовым, А. Л. Яншиным, А. П. Лаверовым, В. П. Казариновым, И. В. Лучицким, а также блистательной плеядой учёных — докторами наук Г. Л. Поспеловым, А. М. Дымкиным, В. А. Вахрушевым, В. М. Григорьевым, В. В. Богацким. Особенно большое влияние на меня оказали научные труды В. В. Богацкого и Г. Л. Поспелова.

Геннадий Львович Поспелов — блистательный геолог и глубокий теоретик по вопросам рудообразования. Он в конце 1960-х годов прочёл четырёхчасовой курс лекций по новейшим проблемам этого научного направления. И до него, и после его кончины такого оригинального и нестандартного подхода в геологической науке просто

не было. Его книга «Парадоксы метасоматоза» со временем стала моей настольной книгой. Его идеи строились на комплексировании данных полевых наблюдений и специальных экспериментальных исследований в лабораторных условиях. Кроме того, Геннадий Львович был разносторонней личностью, интересовался литературой, музыкой, общефилософскими проблемами, взгляды его всегда отличались новизной, оригинальностью, творческим подходом. Мне хотелось быть его учеником и последователем, хотя некие недруги из числа кадровых серых личностей иногда ехидничали и подтрунивали над ним и его трудами, так же как и над работами В. В. Богацкого: «Если даже на неделю запереться в туалете, всё равно ничего не поймешь в их идеях».

Иран

К 2000 году я побывал в нескольких странах. Это Иран, Финляндия, Югославия, Швеция, Германия, Австрия, Венгрия, Малайзия, США, Бразилия, Англия, Китай. В некоторых из них бывал неоднократно, а в Германии (считая суммарно ГДР и ФРГ) — четыре раза. Но самая яркая и интересная поездка была, конечно, в Иран. Во-первых, мы были тогда молодыми (загранкомандировка состоялась в 1969–1971 годах), во-вторых, это была яркая геологическая работа, в-третьих, это был первый зарубежный вояж, и длился он два с лишним года, что позволило основательно познакомиться с природой, культурой и национальными особенностями этой страны.

Ко времени моей командировки в Иран я уже считался известным специалистом в области геологии и металлогении железорудных месторождений, защитил диссертацию по проблемам геохимии магнетитовых промышленных скоплений в Красноярском крае, неплохо знал петрографию, минералогию, имел большой опыт полевых исследований.

В 1967–1968 годах Иран приступил к строительству Истфаганского металлургического комбината на базе только что открытого и разведанного магнетитового месторождения Чогарт. Оно имело серьёзные перспективы в плане расширения своей сырьевой базы. Именно поэтому в 1968 году был заключён контракт, предусматривавший участие группы советских специалистов в проведении поисковых и разведочных работ на железные руды.

В июне 1969 года из Москвы поступил долгожданный вызов, и мы всей семьёй выехали в столицу. Имелось в виду, что за старшим сыном Мишей приедет бабушка Соня и заберёт его в Саратов, так как он перешёл уже в четвёртый класс, и взять его в Иран мы не могли. С нами поехал только Лёшка. В Москве меня нагрузили почтой и двумя гравиметрами.

В Тегеране было +36 градусов, нас встретил представитель Бафкской геолого-геофизической группы В. Ковалевский и после некоторых пограничных процедур отвёз в отель «Аббас». Кроме нас, как потом выяснилось, в отеле проживал только один человек — какой-то англичанин. В. Ковалевский выдал мне 100 туманов (туман — это 100 реалов и примерно 60 наших копеек) и сказал, что через день-два будет автомашина до места моей работы в районе посёлка Бафк (это около 1200 км от Тегерана). Напомнил при этом, что вести себя надо внимательно и осторожно (ещё в Москве, в ЦК, мне говорили, что Тегеран — скопище разведчиков и шпионов всех стран) и что мне всегда надлежит здесь ходить в костюме и при галстуке.

Наш номер был однокомнатный, площадью около 45 кв. метров, в нём имелась просторная ванная комната (около 20 кв. метров). Здесь я впервые увидел биде. Я ещё не знал, что это такое, и на Лёшкин вопрос ответил: «Это чтобы ноги мыть». Первые часы в персидской столице

были мучительными: город не знаем, цены денег не знаем, языка не знаем. Сначала мы прямо в номере перекусили остатками привезённых продуктов. Потом пошли прогуляться. В Тегеране жара, и я сразу обратил внимание, что в костюме с галстуком хожу только я один. Поэтому галстук я снял и не надевал его два года — вплоть до самого отъезда.

«Пошли прогуляться» — это слишком сильно сказано. Мы отошли от отеля на 150–200 метров, почувствовали себя как-то неуютно и бегом обратно в свой номер с кондиционером. Через некоторое время администратор отеля мне объявил, что мне бесплатно выделяется автомобиль для передвижения по Тегерану, но в случае длительной остановки машина нас ждать не станет, и возвращаться в отель придётся самим. Мы моментально воспользовались этим и важно сказали водителю: «Сефарате Шоурави». Это словосочетание означало «Советское посольство». Оно располагалось в центре Тегерана на улице Сталина. Соответственно, посольства США и Англии находились на улицах Рузвельта и Черчилля.

Отношение к Сталину у иранцев весьма уважительное. Оно зародилось в 1943 году после Тегеранской конференции. Сталин поступил очень мудро: он через дипломатические каналы попросил аудиенции у молодого шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви, в то время как Черчилль просто вызвал шаха к себе в резиденцию. Эту историю нам позже рассказали иранские геологи-мохандесы (инженеры).

Поселок Бафк состоял из трёх капитальных зданий — офиса, клуба-столовой, жилого комплекса для советских специалистов; двух десятков одноэтажных компактных коттеджей для иранских инженеров, гаража с мастерской, спортивной площадки и бассейна размером 12х25 метров. А вокруг — каменистая пустыня, лишь далеко на востоке у склона хребтов едва виднелись три финиковые пальмы. Нам отве-

ли двухкомнатную квартиру: гостиная, спальня, маленькая кухонька, душевая, совмещенная с туалетом.

Жизнь забурлила буквально с первого дня. Рабочий день начинался в пять утра, именно в это время «по холодку» мы выезжали в поле. За каждым геологом был закреплён участок (у меня в итоге их оказалось три), на котором проводились поисковые работы в масштабе 1:10000. По сути, это была съёмка участка Нариган. Обнажённость великолепная — на 70–80 %. Ко мне были прикреплены автомашина ГАЗ-69, водитель Акбар и рабочий Мамат. Мы вместе проработали почти два года и очень сдружились. На каком-то этапе начали говорить на смешанном ирано-русском языке.

Язык иранцев — фарси. На нём говорят также Афганистан, Таджикистан и самые южные районы Азербайджана. Иранский фарси — это классический язык, своеобразный «hoch deutsch», наиболее звучный и правильный диалект, язык Омара Хайяма, Фирдоуси, Хафиза, Саади. Через 5–7 месяцев мы уже потихоньку лопотали на фарси. Нашего словарного запаса вполне хватало для общения в магазинах и на базарах, на бытовом уровне. Что касается разговоров в офисе, деловых контактов, то здесь уже работала смесь фарси-немецкий-русский. Дело в том, что абсолютное большинство иранских инженеров учились в Германии и были женаты, как правило, на немках. Это были славные молодые женщины из простых семей. Поэтому немецкий язык сопровождал нас здесь, в центре Азии, все эти два года повсюду.

Иранцы получали образование в Высшей технической школе города Аахена в ФРГ. Это был, на мой взгляд, странный набор знаний: общая геология, петрография, минералогия, геохимия. Но не было главного, что важно для практической работы — методов поисков и разведки полезных ископаемых, бурения, опробования,

подсчёта запасов, оценки перспектив и т. д. Отсутствие нужной подготовки делало их полугеологами, так как они самостоятельно не могли выполнять чисто практическую работу — искать, разведывать, давать прогнозные оценки.

В нашей группе советских специалистов были геологи, геофизики (магнитка плюс гравика), аэросъёмщики, буровики, механики. Всего около 50 человек. Среди них были яркие личности, такие как главный инженер Юрий Сергеевич Глебовский — геофизик, эрудит, интеллектуал, очень артистичный и с хорошим чувством юмора, Виталий Георгиевич Двиняников — геолог, руководящий работник из Свердловска, Козлов Володя — главный геолог из Якутии, Подлевский Костя — петрограф из Московского НИИ, Кузовкин Сергей — высококвалифицированный буровой мастер из Ленинграда, Охрименко Володя — геофизик из Геленджика. Были и два красноярца — Ерёмин Альберт, автомеханик от бога, и приехавший в 1970 году мне на смену мой друг ещё со студенческих времён Володя Курганьков с женой Леной. Мы с ними дружили в Красноярске семьями. Появлению Володи мы были рады до восторга. Это огромное счастье — находиться за рубежом и вместе работать с настоящим другом. В Иране мы были рядом и в маршрутах, и на волейбольной площадке, и на самодеятельных концертах, и на прогулках по пустыням и оазисам вокруг Чогарта.

Однажды мы с Вольдемаром заблудились в горах и потеряли машину. Был необычайно жаркий день, пить хотелось страшно, одежда вся просолилась. Неожиданно мы вышли к какому-то аулу. Всё персидское население — к нам. В это время в Иране была эпидемия холеры. Вольдемар попросил указать, где в ауле источник воды, и сразу к колодцу. Я кричу: «Не пей!» А он: «Пусть я лучше умру от холеры, чем от жажды». Я сразу сдался: «Ну, тогда будем умирать вместе.

Я тоже пью». Напились — и не заболели. А поражённые мужественным поступком жители аула проводили нас к потерянной машине.

Мы довольно часто бывали на приёмах по случаю национальных праздников Ирана, а иранские коллеги были нашими гостями на всех советских праздниках. Честное слово, было как-то особенно приятно принять участие в «международном» тосте за процветание нашей Родины или получить корзины цветов с надписью на ленте: «Советским коллегам в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Эти встречи тоже были важной вехой в развитии и укреплении международного сотрудничества нашей страны. На одном из вечеров директор Иранской металлургической компании доктор Шайбани, растроганный дружеской и тёплой атмосферой вечера, взял за руки нескольких иранских женщин, усадил их с русскими женщинами и сказал: «Я очень хочу, чтобы вы поговорили просто так. Без переводчика. Нам очень надо, чтобы женщины наших стран понимали друг друга».

Но особо большое удовлетворение было от встреч с незнакомыми простыми иранцами, которые, узнав, что мы советские «мохандесы», спешили выразить дружелюбие и симпатии к нам и нашей стране.

Володя, как и все, привозил из дальних поездок подарки. Из Ирана он привёз мне открытку с изображением шаха и шахини Ирана. Современный Иран — Исламская Республика, там давно нет шаха, поэтому сегодня это фото — большая редкость. — Л. Краснов

Будучи активным человеком, Владимир Николаевич в Красноярске был замечен и «мобилизован» сначала на партийную работу (зав. отделом науки обкома КПСС), а потом и на государственную (зам. председателя крайисполкома). Однажды я залетел к нему в гости с Дальнего Востока и был встречен как VIP (на этом фото мы возле Красноярской ГЭС). У него было очень много интересных встреч. Ниже — его рассказы о некоторых из них. — Л. Краснов

Сергей Шойгу

Хочу рассказать о выдающемся государственном деятеле Сергее Шойгу, главе министерства по чрезвычайным ситуациям (с ноября 2012 года — министр обороны РФ. — *Ред.*). Сергей Кужугетович Шойгу родился в Кызыле, по национальности он тувинец, окончил Красноярский политехнический институт и работал в объединении «Ачинскалюминстрой» мастером, прорабом, начальником участка, зам. начальника объединения. А потом судьба вознесла его до поста министра, и какого! Руководит Сергей МЧС уже много лет.

Я очень хорошо знал его отца Кужугета Сергеевича, заместителя председателя Совета министров Тувы. Шойгу-старший курировал социальный комплекс республики и внешнеэкономические связи. В этом смысле мы были коллеги, когда я работал в Красноярском крайисполкоме. Довольно часто перезванивались, вместе учились на курсах повышения квалификации руководящих кадров в Москве. Жили, как правило, в одной комнате. Он опекал делегацию Красноярского края, которую возглавляли я и Нина Силкова, на мероприятиях по случаю 50-летия Тувы.

По нашему мнению, К. С. Шойгу был самым мудрым человеком среди руководителей Тувы. Спокойный, неторопливый, выдержанный, знающий своё дело. Он никогда не позволял себе расслабляться по части спиртного, в отличие от других начальников из тамошних комитета партии и совета министров. Ко мне он относился уважительно и предупредительно. Всегда стремился подчеркнуть роль Красноярского края как «старшего брата» и по-доброму завидовал нашему потенциалу и нашим интересным делам. Видимо, Сергей Шойгу знал о наших хороших отношениях и всегда встречал меня приветливо, стараясь всячески помочь и мне, и краю. Когда мы впервые с губернатором края В. М. Зубовым были у него в министерстве, он уделил нам много времени, всё основательно рассказал и показал, а потом пригласил в спецстоловую отобедать с коньячком.

В своём подчинении он имел много заместителей и специалистов высокого ранга: генералов, полковников, докторов и кандидатов наук. Я обратил внимание на огромный авторитет Сергея среди его коллег. Но это был авторитет не поставленного над ними начальника, а лидера, который в горячих точках был и есть всегда впереди, рядом со спасателями. Это было видно и на многочисленных фотографиях,

которые он нам показал. Мы встречались неоднократно и на заседаниях, и на официальных церемониях, и в самолётах, и на концертах ансамбля танца Сибири. То, что делает С. К. Шойгу и его министерство — настоящая и нужная мужская работа. Им приходится спасать людей, целые посёлки и города, заводы, нефтепромыслы, предупреждать техногенные катастрофы и предугадывать стихийные бедствия. При наших встречах он всегда тепло здоровался со мной и подчёркивал: «Отец тебя помнит». Наши добрые отношения были всем известны. Поэтому, когда В. М. Зубов проиграл губернаторские выборы и стал «только» депутатом Госдумы, он просил меня переговорить с Шойгу и пролоббировать свои партийные думские интересы. Но я этого делать не стал. И думаю, что правильно сделал.

Иннокентий Смоктуновский

Иннокентий Смоктуновский — народный артист СССР. Настоящая его фамилия Смоктунович. Он из известной в Красноярском крае семьи. В ней было три брата — Иннокентий, Владимир, Павел и сестра Анна. Владимир был популярным в Красноярске волейболистом в 1950–1960 годах. У него было прозвище «Маркиз». Мы с ним играли за сборную края в течение 1958–1964 годов. Это был очень пластичный, артистичный, прекрасно видевший поле спортсмен с мягкой целевой подачей, неудобной для приёма. На одной из наших спортивных «разборок» присутствовал и Кеша. Он не произвел тогда на меня никакого впечатления — серый, скромный, слегка ироничный брат моего товарища по спорту.

И только потом, когда к нему пришла слава великого артиста после исполнения ролей Гамлета, Юрия Деточкина, Ленина в известных советских фильмах, я вспомнил его и с тех пор постоянно держал

в фокусе внимания. Хотя мы часто шутили, что истинно народный герой в большей степени всё же Володя Смоктунович — в артистизме он брату не уступал, а в Красноярске и славой его превосходил.

Примерно в 1984 году мы ждали на гастроли МХАТ, который летел к нам из Омска. Я приехал в аэропорт с шикарным букетом цветов, который хотел вручить Ирине Мирошниченко. Но она, как оказалось, вернулась в Москву, а здесь с трапа спускается Смоктуновский. Я к нему подошёл, представился, хотя он уже был в окружении поклонников, вручил ему тот самый букет и пригласил в ожидавшую прямо на лётном поле белую «Волгу». Кеша просиял — все артисты любят подобные знаки внимания. Мы забрали его чемоданы и поехали в гостиницу. В дороге я напомнил Смоктуновкому о нашем давнем знакомстве, и мы сразу перешли на «ты».

Я несколько раз бывал на его спектаклях, а он попросил меня помочь его матери — выделить для неё инвалидную коляску. И познакомил меня со своей сестрой Анной, жительницей Красноярска. В течение ряда лет я помогал матери Иннокентия: оформлял ей пенсию, доставал лекарства, устраивал в дом престарелых, когда она стала совсем плоха. Причём, по всем эти вопросам ко мне приходила Анна. Она была немного странная, на мой взгляд, что-то с психикой у неё было не в порядке. И отношения у них в семье были тоже странные. Когда во время болезни матери я хотел вызвать в Красноярск Володю Смоктуновича из Абакана (он там работал в лесном техникуме) и сообщил об этом Иннокентию, последний запретил это делать.

Осенью 1985 года мать Смоктуновского умерла. Ко мне пришла заплаканная Анна и передала просьбу матери поставить в известность только Иннокентия и вызвать его для организации похорон. Я позвонил ему в Москву и был поражён ответом: «…Приехать не могу, у меня

съёмки». Денег на похороны у Анны не было. В итоге хоронили мать великого артиста за счёт средств краевого управления социального обеспечения. На кладбище, кроме меня, были три человека — начальник управления, директор дома-интерната и Анна. Мы прямо на кладбище помянули усопшую.

В ноябре того же года скончалась моя мама Наталия Фёдоровна. В краевой газете «Красноярский рабочий» было опубликовано соболезнование. Я улетел на похороны и вернулся через десять дней. Когда я вышел на работу после возвращения, то в приёмной увидел неожиданно Анну. Я пригласил её в кабинет и спросил: «Что случилось?» Она тихо сказала: «А вот Вы на похороны матери поехали». Тихо сказала и тихо ушла. Так была поставлена точка в моих отношениях с Иннокентием Смоктуновским. За маской душевного человека скрывалась черствая и равнодушная к святым понятиям личность. Ибо не отдать последний долг матери — это большой грех.

Олег Табаков

Олег Табаков был моим добрым товарищем, которого я хорошо знал ещё в Саратове по школе и по Дворцу пионеров, где он мне запомнился в роли Сказочника в спектакле «Снежная королева». Надо сказать, что я его практически не видел с 1953 года, когда мы вместе окончили школу, а потом он уехал в Москву поступать в Щукинское училище. Не видел, но знал и слышал о его блестящей киношной и театральной карьере и всегда радовался его успехам, нет-нет да хвалился перед сослуживцами: это, мол, наш, саратовский, мы вместе учились.

В 1984 году на гастроли в Красноярск приехал театр «Современник». Вместе со всем коллективом появились в нашем городе Олег и его жена Люся Крылова, заслуженная артистка РСФСР. В аэропорту Оле-

га окружили многочисленные поклонники и поклонницы, он давал интервью, когда я его тронул за плечо. Он обернулся, секунд десять смотрел на меня слегка удивлённо, а потом эдак буднично вымолвил, будто мы расстались вчера: «Это ты, старая жопа». И Олег, и Люся во время этих гастролей часто бывали у нас на государственной даче, благо, была возможность хорошо их принять. Люся Крылова — милая, обаятельная женщина, очень хозяйственная (я раза два-три бывал у них в московской квартире), простая и скромная. Я очень сожалел, когда Олег с ней расстался и женился на своей ученице Марине Зудиной.

В одном из спектаклей (он, кажется, назывался «А поутру они проснулись») Олег играл алкаша, который утром с перепоя с таким же бедолагой мучается и никак не может достать водки для опохмелки. И вдруг он бросает со сцены такую фразу: «Когда я работал в геологической партии у Семёнова, то всегда свободно мог достать с утра три рубля». От такой импровизации я чуть с кресла не свалился. В антракте зашёл в гримёрную и говорю: «Олег, ну и шутки у тебя!» А он мне: «Должен же я был послать тебе привет со сцены».

Другие встречи со звёздами

В разные годы жизнь сводила меня со многими звёздами эстрады — Львом Лещенко, Махмудом Эсамбаевым, Валерием Леонтьевым, Иосифом Кобзоном и некоторыми известными художниками — Угаровым, братьями Ткачёвыми, Салаховым, Пономаревым, Церетели и другими.

Самые приятные люди — это Лев Лещенко и Махмуд Эсамбаев. Их простота и юмор, внимание к собеседнику очень располагали к ним. С Махмудом мы при встречах всегда по-дружески обнимали друг друга.

Учёные

Добрую память оставили во мне встречи и сотрудничество с самыми видными и известными учёными — Анатолием Петровичем Александровым, президентом АН СССР, четырёхкратным Героем Социалистического Труда (больше Звёзд было только у Брежнева), с академиками Гурием Ивановичем Марчуком, председателем Сибирского отделения АН СССР, Андреем Алексеевичем Трофимуком, директором Института геологии и геофизики, Абелом Гезевичем Аганбегяном, директором Института экономики, Александром Леонидовичем Якшиным, председателем Сибирского отделения АМН СССР, Дмитрием Константиновичем Беляевым, директором Института биологии и цитологии и с другими крупными учёными, академиками СО АН СССР.

Космонавт Гречко

За несколько дней нашего общения Георгий Гречко рассказал и мне лично, и на встречах в трудовых коллективах немало весёлых историй и просто космических баек. Вот одна из них. Так он объяснил, почему не принял предложение лететь в одном космическом корабле с француженкой. Якобы Франция заявила, что символ их страны и национальный культ — это женщина. Поэтому первым космонавтом от Франции должна быть женщина. К полёту с француженкой рекомендовали Гречко, но он решительно отказался. «Если в полёте у нас с прекрасной дамой что-то произойдет, то наша страна меня осудит. А если ничего не произойдет, то осудит и презирать меня будет вся Франция. А может, и не только она». Вот такой он, космонавт Георгий Михайлович Гречко, с которым мы и сотрудничали, и дружили, и до сих пор тепло приветствуем друг друга при встречах.

Володя рано ушел из жизни: тромб и — мгновенная смерть. На снимке вся его семья в сборе. Все ещё живы. — Л. Краснов

В. Н. Семёнов

ГЕОФИЗИК И БАРД

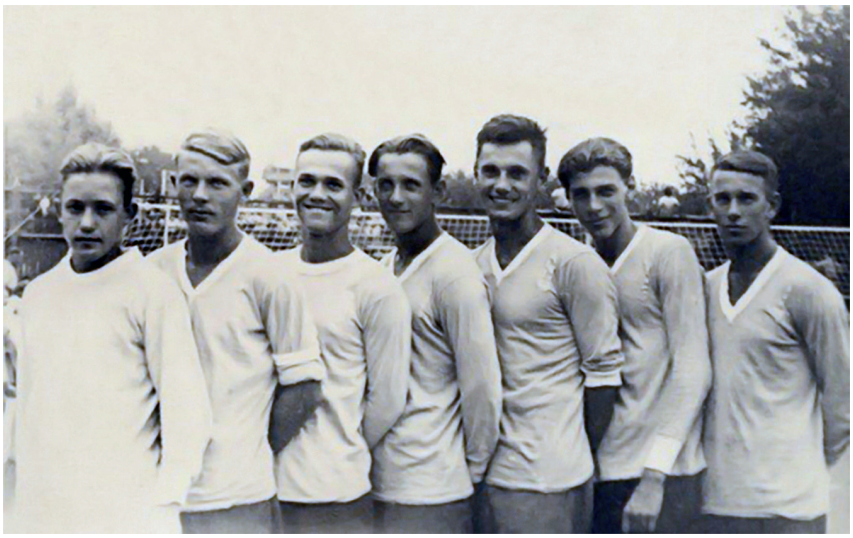
Лирическое вступление

…Вьётся лёгкий пушистый снежок,
Голубые мерцают огни,
И звенит под ногами каток,
Словно в давние школьные дни…

И как было приятно прийти домой с катка румяным и надышавшимся свежим воздухом, со слегка гудящими от усталости ногами, поужинать жареной картошкой, вытереть сковородку кусочком хлеба, попить горячего чаю с домашними преснушками, а потом завалиться в кровать возле тёплой печки. Как же сладко и крепко спалось нам тогда!

Волейбол

Волейбол пользовался особой популярностью у саратовского студенчества. Это была тогда подлинно народная игра. Играли во дворах, в школах, в вузах, на пляжах, на спортивных площадках Детского парка, на стадионах «Большевик» и «Динамо». Университетская сборная образца 1950-х годов, возглавляемая её блистательным капитаном и моим братом Володей Семёновым, была чемпионом города. На матчи с её участием в залах и на открытых площадках собиралась многотысячная толпа, азартно поддерживавшая своих любимцев.

Юношеская сборная Саратова, 1956 г. Виктор Семёнов — третий справа

Второй слева - Владимир Семёнов

Володя начал увлекаться волейболом в четырнадцать лет. Он стремительно прогрессировал в этом виде спорта, и в пятнадцать, будучи уже достаточно высоким и хорошо тренированным, уверенно возглавлял различные сборные команды — школы, района, города. А потом играл и за сборную РСФСР на всесоюзных соревнованиях.

Лучше всего получалось у Володи в нападении. Этому способствовали его высокий рост (уже в девятом классе он вытянулся под 185 сантиметров), хороший прыжок, прекрасная техника исполнения ударов, нужные реакция и координация. Другим его коньком была подача — боковая, очень сильная, стабильная. Помню, одну партию во встрече с серьёзным противником команда Володи выиграла практически на его подачах. Он подал подряд девять мячей, принимавшихся с ошибкой, и тем решил исход последней решающей партии.

Я ходил на все городские волейбольные соревнования, наблюдал за Володиной игрой и, конечно, гордился своим братом. А потом и сам начал потихоньку поигрывать, но мои успехи в спорте были куда более скромными, хотя в юношескую сборную Саратова я входил в течение двух лет, и наша команда дважды становилась призёром всероссийских соревнований, о чём напоминают бережно сохраняемые красочные дипломы.

Товарищами моими по сборной команде были преимущественно ученики нашей 19-й школы Юра Надёжкин, Витя Добрынченко, Володя Чиков, Слава Михайлов, Володя Жученко и незабвенный Керя Резник. Последний впоследствии стал профессиональным спортсменом, играл в классе «А» за алма-атинский «Дорожник», а позже окончил юридический институт, получил профессию адвоката и к 1990-м годам выбился в большие люди — возглавил Московскую коллегию адвокатов и обрёл широкую известность в России и в мире как специалист высочайшего класса в области юриспруденции.

В центре Владимир Семёнов, за ним — Виктор Семёнов

Естественно, в пионерском лагере мы отдыхали вместе с Володей. Я уже обладал приличным пасом и был хорошим помощником главному «забивале» Володе, бывшему уже с четырнадцати лет высокорослым и техничным. И во встречах с командами соседних летних пионерских коллективов семёновская связка, к восторгу лагерных болельщиков, действовала, как правило, эффектно и эффективно и обеспечивала нашей стороне безусловную победу.

Спокойный преданный друг, Володя на волейбольной площадке был лучшим для меня пасующим. Только с ним мне удавались фигуры «высшего пилотажа» — удар по восходящему мячу, мячу на взлёте, когда нападающий прыгает раньше взлетающего мяча, и мяч как бы догоняет уже находящегося в прыжке игрока. Такой мяч практически нельзя закрыть блоком. В Саратове этот номер исполняли только мы с Борькой Цыбиным. Талант распасовщика и защитника был присущ Володе органически. Меня он чувствовал каким-то особым чутьём, на уровне подсознания, и с ним я играл в нападении особенно эффективно и эффектно.

В 1955 году Володя в одной из игр на первенство России в Куйбышеве, когда противник заведомо при подаче направил мяч мимо поля, по простоте душевной выбежал с площадки и, громко крикнув: «Аут!», поймал этот мяч, подарив таким образом противнику очко. Мы на бедного Володю обрушили весь свой гнев и долго потом над ним подтрунивали, крича ему вместо приветствия: «Аут!»

Волейбол в итоге стал нашим семейным увлечением. За сборную университета Володя успел поиграть вместе с нашим старшим братом Николаем, а потом немного и со мной. Так что в волейбольных кругах Саратова в 1950-х годах братья Семёновы были достаточно известными фигурами.

Виктор Семёнов (справа) с другом

Наше увлечение спортом очень поддерживал отец, который любил приходить на какой-нибудь ответственный матч в Детском парке, дабы понаблюдать за игрой Володи. После очередного блистательного его удара папа, притворяясь непосвящённым, обращался с вопросом к рядом сидящим любителям волейбола: «А что это за мальчик, который так здорово сейчас сыграл?» И выслушивал пространное пояснение, что это Володя Семёнов, что он ещё учится в девятом классе, но уже именитый спортсмен, играет за юношескую сборную России и за взрослую сборную Саратова. И что у него есть два брата, тоже отличные волейболисты. Как же приятно было выслушивать всё это отцу троих таких правильных и здоровых парней!

Работа геофизика

Работали мы много и напряжённо. Выезжали на профиль часов в 10 утра, а возвращались на базу затемно. Обычный наш трудовой цикл включал в себя бурение взрывных скважин, заложение в них взрывчатки, настройку станции, расстановку сейсмоприёмников, а затем приём взрыва — запись возникших колебаний и их отражений от глубинных геологических границ на фотобумагу или на магнитную

плёнку. В дальнейшем производилась интерпретация полученных сейсмограмм — прослеживание от пикета к пикету зафиксированных отражённых волн и на базе этого построение геологического разреза по линии профиля.

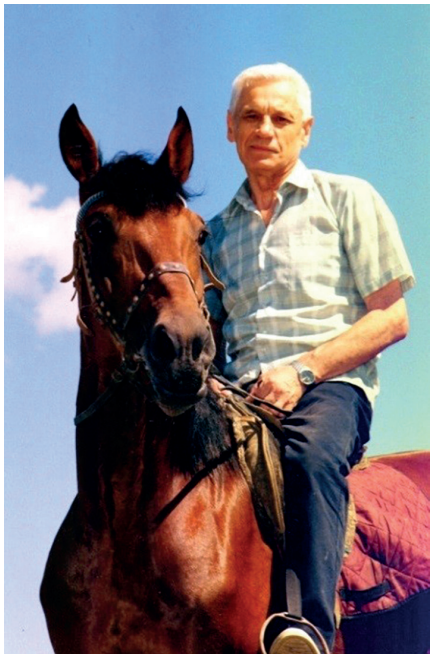
В работе были задействованы десятки специалистов: топографов, буровых мастеров, взрывников, инженеров и техников-операторов, инженеров-интерпретаторов, водителей, подсобных рабочих. Успех дела во многом зависел от слаженности работы большого коллектива и от погоды. Если шли затяжные дожди, то возникало много трудностей: машины буксовали, появлялись различные утечки на линиях, возникало много помех, затруднявших расшифровку полученных записей. Столь же неблагоприятным для работы фактором был сильный ветер — в этом случае создавался в сейсмическом поле интенсивный нерегулярный фон, который также мешал прослеживанию полезных отражений. Так что приходилось иногда подолгу ждать, когда стихнет ветер. Обычно это происходило ближе к вечеру, что и обусловливало позднее возвращение на базу. Часто приходилось работать в выходные и праздничные дни (особенно в условиях осени) ввиду наступления хорошей погоды после длительного простоя, вызванного неблагоприятными метеоусловиями.

Естественно, даже самое продолжительное рабочее напряжение в конце концов сменялось долгожданным блаженным отдыхом. Его мы проводили чаще всего на Медведице, на чистом пляжном песочке у пойменного леса, где-нибудь в ближних окрестностях Берёзовки. Как водится, ловили рыбу, купались, загорали, играли.

Как-то я — старший геофизик и ещё 3–4 инженера-оператора после поездки в районный центр на ярмарку («ярманку»), с бутылками, разнообразной провизией и гитарой завалились к деду Степану,

дабы слегка расслабиться. Хозяева обрадованно засуетились, быстро накрыли стол, достали из печки чугунок со щами и мясом, нарезали хлеба, помидоров, огурцов, сала, наварили картошки. И мероприятие с воодушевлением началось и с успехом продолжилось. После четвёртой стопки я взял в руки гитару и начал исполнять популярные советские песни, которые дружно подхватывали все участники застолья. Потом пили ещё и ещё горланили. Помню, как я, уже хорошо поддатый, пел всеми любимую песню В. Баснера «На безымянной высоте»:

Дымилась роща под горою,
И вместе с ней горел закат.
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят…

В это время в избу неожиданно вошёл местный пастух Миша, который сразу же проникся содержанием песни и, засунув кнут за голенище, встал у двери как вкопанный и внимательно слушал произносимый мною текст. И вдруг в порыве отчаяния рухнул на лавку, схватился за голову и громко заголосил: «Как же они там, лежат в темноте…» И у пастуха потекли слёзы. Все присутствовавшие, прекратив пение, бросились к нему: «Миша, успокойся, вот садись, выпей вме-

сте с нами…» С размазанными по лицу слезами пастух присел к столу, принял стакан и начал закусывать, постепенно приходя в себя. Завязалась беседа с вновь прибывшим, наступил небольшой перерыв в художественной самодеятельности. Я вышел освежиться на крыльцо и увидел привязанного к перилам осёдланного Мишиного коня.

Недолго думая, взгромоздился на него и натянул уздечку: «Пошёл!» Конь недовольно потоптался на месте, но под твёрдой рукой осмелевшего от водки чужака послушно направился к воротам и резво вынес меня на улицу.

Стоял тихий солнечный осенний вечер. Возле домов на лавочках мирно сидели старички и старушки, ведя неторопливые беседы. И вдруг мимо них с гиканьем и азартными криками бешеным галопом мчится незнакомый всадник, оставляя за собой разлетающиеся ошмётки грязи. Любопытные взоры, оживленные пересуды, оправданная боязнь за лихого седока. Конь оказался норовистым. Он на полном махе проскакал всю длиннющую улицу и вынес меня за пределы хутора. Только там я кое-как сумел его развернуть и направить слегка подуставшее и успокоившееся животное назад к подворью деда Степана.

Обратный путь я проделал эффектной лёгкой рысью, слегка привставая в стременах, бросая на разволновавшихся зрителей небрежные взгляды, держась в седле спокойно и свободно, всячески показывая, что подобные штучки-дрючки для меня — плёвое дело. Хотя на самом деле в какой-то момент я струхнул и протрезвел окончательно. Но справился, слава богу, и не опозорился. И даже выглядел, похоже, молодцом.

Когда я привязывал коня на исходной позиции, на крыльце появился повеселевший Миша с дедом Степаном. Уяснив, что произошло, Миша уважительно посмотрел на меня и с удивлением спросил: «И чё,

он тя не скинул?» Я с гордостью отрицательно покачал головой. Пастух одобрительно хлопнул меня по спине: «А ты казак!» И дед Степан подтвердил: «Казак, казак!» Это была высшая для меня похвала.

Долго потом деревенские бабы и мужики обсуждали увиденное представление, и чаще общий комментарий был позитивным. Что касается меня, то событие это навсегда осталось в моей памяти как эпизод счастливой и бесшабашной молодости, когда риск оправдан, потому что ты уверен в себе, потому что тебе 28 лет. Когда же ещё рисковать, садясь на коня, если не в этом возрасте?!

Работать оператором было не только интересно, но и удобно с точки зрения определённой свободы перемещения. В моём распоряжении был прекрасный вместительный автомобиль, который я водил, по большей части, самостоятельно, и на котором можно было передвигаться, куда мне нужно. В нём можно было укрыться от непогоды, да и вообще можно было в нём жить — питаться, спать, отдыхать, собираться компанией. Всё необходимое для этих нужд в станции имелось: спальный мешок, посуда, кое-какой запас сухих продуктов, спирт, карты и даже гитара.

А ещё я держал в станции ружьё и патроны, а также болотные сапоги. Будучи склонным к старинной мужской потехе, которой заразил меня отец-охотник, я частенько в охотничий сезон после напряжённого дневного бдения на профиле к вечеру становился «на зорьку» возле какого-нибудь заросшего пруда или озера, каких в волгоградской степи было много. И неоднократно испытал настоящее охотничье счастье — от созерцания замершей вечерней природы на фоне солнечного заката, прикосновения к её тайнам: посвисту утиных крыльев, запаху намокшей осоки, тёмным силуэтам налетевшей стаи, всплескам рыбы на открытых плёсах.

Вкусил я и сладость охотничьего азарта: волнительное выцеливание приближающейся дичи, громкий выстрел со снопом вырывающегося из ствола пламени, шумное падение подстреленной утки в ближний камыш, судорожный поиск добычи в сгущающихся сумерках и, наконец, победный вскрик с поднятым над головой крупным красавцем-селезнем.

Осенней порой я любил по воскресным дням совершать длительные прогулки по займищу Медведицы с её чудесным лиственным лесом, заливными лугами и блюдечками-озёрами, с которых изредка поднимались чирки и кряквы. Я уходил с ружьём из дома в обеденное время и до позднего вечера бродил среди тишины и безлюдья, наслаждаясь красотой нашей среднерусской осени — берёзы на пустынном берегу, медленный листопад, влажная лесная тропа, кустарник с ярко-красными ягодами, прыгающие по веточкам юркие синички, лёгкое поскрипывание проезжей телеги по ближней просеке.

Где-нибудь на полянке я присаживался на поваленное дерево, закуривал сигаретку и долго рассматривал окружающий пейзаж, любовался картиной осеннего увядания, вспоминал детство и моих дорогих маму, папу, нашу жизнь в Саратове. И становилось тепло и уютно на душе, и явственно ощущалась радость — от вкушения продолжающейся жизни, от сознания, что молодость далеко не окончена и многое хорошее ещё впереди.

Изредка мне удавалось сделать два-три выстрела, чаще безуспешных, но это меня не огорчало, ибо наслаждение осенней прелестью леса и реки было ни с чем не сравнимым удовольствием, которому не могли помешать такие мелочи, как отсутствие добычи. И приходил я домой (т. е. на снимаемую в деревне квартиру) затемно, слегка усталый, но отлично отдохнувший и духовно обновлённый.

Какое это было неповторимое время!

Алжир

Мы оставили нашего сына Андрюшу с двумя бабушками, а с дочкой Катей 28 апреля 1975 года на краснокрылом «Боинге-737» компании «Эр-Алжери» вылетели из аэропорта Шереметьево к месту назначения.

Мы летели через Софию, где приземлялись и проходили минут на 20 в помещение для транзитных пассажиров. Почти всё полетное время пришлось на поздний вечер и на ночь, так что никаких величе-

ственных панорам из иллюминаторов мы не видели. Время алжирское сдвинуто против московского на три часа. Оно такое же, как в Англии, гринвичское, и отличается от среднеевропейского на час.

Прилетели мы в Алжир часов в 11 вечера местного времени. При выходе из самолёта запомнилось ощущение непривычно высокой влажности ночного тёплого воздуха и сияющая синим неоном вывеска над зданием аэровокзала: «ALGER».

Таможенные формальности, проверка багажа. Повсеместно звучащая французская речь. Наши тяжеленные чемоданы (их, кажется, было одиннадцать) перетаскивали два носильщика. Там они без форменной одежды и без номерных знаков, а просто бедно одетые люди.

Встретил нас переводчик контракта Виктор Цыркунов, плотный парень лет тридцати, краснолицый и белесоватый. Он расплатился с носильщиками, и все мы погрузились в машину — маленький автобус «Фиат». Переводчик обменялся несколькими фразами с шофёром, и мы тронулись через пустынные улицы ночной алжирской столицы, сплошь заставленные по краям проезжей части легковыми автомобилями. Осветительные фонари не белого, как у нас, цвета, а какие-то оранжевые, что усугубляло ощущение таинственности незнакомого пейзажа за автомобильным окном. Экзотические контуры пальм. Белая кромка морского прибоя, шум накатывающихся на каменистую отмель волн. «Средиземное море», — уточнил переводчик, когда дорога шла близко к кромке берега. Через час с небольшим мы прибыли в городок Блиду, одно из мест размещения иностранных специалистов. Нас ждала небольшая двухкомнатная квартира на пятом этаже огромного двенадцатиэтажного дома. Гостиная, спальня, кухня, ванная, лоджия. Широченная кровать, на которой нам в первую ночь пришлось разместиться всем троим: детскую кроватку не успели ещё поставить.

Утром явился Витя Цыркунов, снабдил нас деньгами, показал ближайшие продуктовые лавки и представил меня коменданту дома месье Леляму, пожилому, сухопарому, очень важному господину. «Бонжур, месье!» — «Бонжур», а затем долгий диалог Леляма с переводчиком, уточнявшим наши бытовые нужды. Все окончилось благополучно, хоть и не сразу.

30 апреля — мой первый рабочий день в Алжире. Кстати, пасмурный, помнится. В 7 часов я вышел к подъезду нашего дома, где собирались сотрудники контракта, чтобы погрузиться в автомобили и отбыть в Алжир, к месту работы. Нашим постоянным транспортом были два «Фольксвагена» — малолитражных автобуса вместимостью по семь человек. Всего в Блиде проживало примерно 15 семей моих коллег.

В 8 часов я был в кабинете у руководителя контракта Юрия Константиновича Стронова. Вводная беседа: как добрались, как разместились, какая у меня специализация, где работал в Союзе? Затем знакомство с непосредственными коллегами — советскими и алжирскими сотрудниками геофизической секции. Затем поездка в ГКЭС, где я сдал направление «Зарубежнефти» и получил аванс в 2800 динар — совершенно неосязаемые деньги, непонятно, как их расходовать и на какой срок их хватит. Но это ощущение скоро прошло.

Здание Министерства индустрии и энергетики, при котором функционировал наш контракт, расположено в центральной части города. Это 14-этажный батиман, оснащённый скоростными лифтами, кондиционерами, солнцезащитными решётками на окнах. Кругом телефоны, очаровательные секретарши, чистота, прохлада. При входе — обширный холл, роскошная стойка с дежурным администратором, комната для визитёров, пальмы в деревянных окладах. Широкий и чистый двор министерства заставлен машинами самых последних марок со скуча-

ющими водителями. Многочисленные служители постоянно возделывают и поливают грядки газонов, всегда аккуратные и красочные от разнообразных трав и цветов.

Через несколько дней я освоил свои несложные обязанности и приступил к работе. Скажу, что на протяжении всего срока пребывания в Алжире я был своеобразным чиновником министерства, ведущим учёт всех геофизических работ на территории страны, и периодически составлявшим отзывы об используемой методике и геологических результатах. Можно сказать, что работа эта — не бей лежачего, и по объёму, и по содержанию. С ней я справлялся легко, был повышен в должности по ходу работ и заслужил благодарность министерства по окончании контракта.

Но впечатления от служебной деятельности — далеко не главные из впечатлений о пребывания на земле алжирской. Самое интересное — это люди и города, принятые правила жизни, природа и климат африканской страны с почти поголовным мусульманским населением.

Первые десять месяцев мы проживали в упомянутом городке Блида. В нём значится примерно 150 тысяч жителей, он типично арабский — с узенькими улочками в старой части города, шумным базаром, многочисленными мечетями. Наши дома находились в ближнем пригороде Блиды — Монпасье. Группа огромных двенадцатиэтажных зданий, выстроенных в колониальные времена. Каждый этаж оборудован открытой галереей, с которой можно попасть в квартиры. Неработающий лифт, грязные от плохо очищаемого мусоропровода лестницы. Но дома добротные, крепкие, рассчитанные на сейсмически неспокойные зоны.

Блида расположена в 48 километрах на юго-запад от алжирской столицы. Гряда Атласских гор проходит совсем рядом, не более 5–6 км,

и конечно, очень оживляет пейзаж. Против других городов, расположенных на побережье, в Блиде более сухой и жаркий климат. Потому и больше пыли. Потому и большая потребность в воде в летнее время. И нормой нашей жизни в этом городе были постоянно наполненные ёмкости и ванна, т. к. в дневное время вода из крана не текла. И чем выше этаж, тем острее эта проблема.

Здесь я впервые прочувствовал, что такое сирокко. Это было буквально через неделю после нашего приезда. Вечером за окном стал слышаться свист, который я принял сначала за шелест автомобильных шин на недалёкой оживлённой автомагистрали. Но, выйдя на лоджию, я ощутил прямо-таки обжигающее дыхание очень сильного и сухого ветра, дувшего с юга. Сила ветра нарастала, и к ночи на улице бушевал настоящий ураган. Температура воздуха подскочила резко градусов на 15. Хлопали какие-то незакрытые двери и ставни, скрипели стёкла под напором ветра, перекатывались брошенные на земле железные банки и коробки, всё буквально дрожало и стонало. Спать, конечно, было невозможно. Помимо этих звуков и ощущения духоты, стало как-то тоскливо и тревожно, словно вот-вот на нас обрушится что-то, или разверзнется земля, и мы все провалимся в тартарары. Ветер бушевал всю ночь и весь следующий день, стихнув лишь к вечеру. За моё пребывание в Алжире сирокко дул раз 6–7, но первый был самый сильный и впечатляющий.

Отличительная черта города Блиды — это грязь (впрочем, грязно и в других увиденных населённых пунктах, включая столицу). Вокруг нашего и других домов — кучи мусора, свалки объедков и отбросов, везде раскиданы какие-то бумажки, старые нейлоновые мешочки, обломки, осколки, ржавые железки. И среди этого красочного безобразия с азартом резвится алжирская ребятня. Грязные, босоногие,

сопливые, очень шумные и отчаянно жестикулирующие ребятишки. Играют в футбол, в подобие наших «крыс» или «пряток». Симпатичные мордашки, по-детски любопытные и улыбчивые. Кудрявые тёмные волосы, чёрные глаза, смуглые лица. К сожалению, хорошие отношения с ними чреваты определёнными нежелательными последствиями. Когда, например, я угостил шоколадкой особенно понравившегося мне мальчика (его звали Язит) лет шести, то впоследствии я стал объектом приставаний и попрошайничества самого беспардонного и бесконечного как со стороны этого отрока, так и его многочисленных друзей.

Блида — старый город. Не знаю точно дату его основания. Но во времена Абдель-Кадера, национального героя алжирского народа, посвятившего свою жизнь борьбе за независимость страны в период начала французской колонизации (тридцатые годы XIX века), он уже существовал. Значит, основан он ещё раньше. О возрасте Блиды свидетельствует старая часть города — нагромождение старовосточной архитектуры, узкие улицы, древние мечети, оснащённые, правда, мощными динамиками, по которым транслируются в урочные часы протяжные громогласные призывы муллы к правоверным мусульманам, записанные на магнитофонную ленту.

Религия — существенная, если не главная часть духовной жизни алжирцев. Поражает их фанатизм и дисциплинированность в соблюдении всех мусульманских правил и обычаев.

Самый главный народный праздник в Алжире — это конец Рамадана. Конец месячного поста, воздержания в принятии пищи и воды, а также курения в дневное время. Закрыты днём столовые и рестораны, не видно ни одного человека с сигаретой, в газетах публикуются пространные статьи о пользе воздержания. Есть, конечно, нарушители этой религиозной идиллии — из городской молодёжи. Но их на общем

фоне чрезвычайно мало. Да и те побаиваются общественного мнения и предаются «скороме» втайне, вдали от глаз иных. К вечеру стихает автомобильное движение, пропадают люди с улиц — буквально ни одного человека не видно. Это проголодавшиеся мусульмане застыли у накрытого стола, ожидая урочного часа. Точные цифры ежедневно меняющегося времени начала трапезы публикуются во всех газетах и объявляются по телевидению и радио.

Другой религиозный праздник, не менее популярный в Алжире — это Мутон. Каждая мусульманская семья должна зарезать в этот день барана. Загодя скотину приобретают и берегут до праздничной даты. Если в деревнях проблем в связи с этим не возникает, то в городах имеются. Хорошо, если семья живёт в квартире коммунального дома, где есть балкон. Тогда, естественно, купленный баран в ожидании рокового часа помещается туда. Ну, а если балкона нет, то животное держат прямо в квартире. И блеет оно, бедное, в тесноте и неудобстве, предчувствуя свою гибель и не давая спать ни хозяевам, ни соседям. В день Мутона, часов так в 9–10 утра, упирающегося барана торжественно выволакивают на улицу. Глава семьи в окружении многочисленного потомства подводит его к ближайшему столбу или дереву и тут же начинает резать. Ребятишки во все глаза смотрят на остро отточенный нож, на задираемую баранью голову, на брызнувшую кровь. Затем баран свежуется, и его туша уносится в дом для приготовления праздничной трапезы и частично для пожертвования бедным. А вдоль улицы около домов — оставшиеся от «святого обряда» лужи крови, ошмётки шерсти и кожи, стаи мух над ними и смрад, и вонь.

В Блиде особо примечательны две улицы в старых кварталах — так называемые «арабский» и «французский» ряды. В арабском торгуют, в основном, продуктами. Всё великолепие Востока здесь в наличии:

апельсины, мандарины, виноград, персики, абрикосы, арбузы, дыни, черешня, яблоки, груши, знакомые нам овощи. Есть и «экзоты»: мушмула, артишоки, разнообразные специи. Красочно выглядят мясные лавки — убранные зеленью отборные куски баранины, говядины, телятины. Свинины, естественно, нет. Ливер, головы, языки, требуха. У задней стенки — подвешенные на крюках туши. Из «брошеточных», небольших закусочных, аппетитно пахнет поджаренным мясом. Женщины в белой драпировке с вуалью, усевшись прямо на земле, продают какие-то лепёшки. Мальчишки снуют меж покупателями со связками нейлоновых пакетов, громогласно предлагая их купить. Ослик с тележкой застрял на повороте, хозяин кричит на мешающего ему продавца артишоками, тот жестикулирует в ответном возгласе. На приступочке — древний нищий с протянутой рукой и жалкими больными глазами. Рядом на вынесенных стульчиках два седобородых деда в чалмах, опершись на палки, мирно взирают на привычную и милую сердцу картину, неторопливо беседуя. И в этой толкотне, отчаянно сигналя, пробирается по узкой улочке какой-нибудь «Рено-4» с лотками морской рыбы в кузове. Под ногами — кожура от фруктов и овощей, обрывки газет, окурки. У раскрытой настежь лавки, где торгуют магнитофонными кассетами, пластинками и прочим музыкальным товаром, расселся на табуретке чистенький молодчик в майке с затейливым рисунком, зыркая нахальными глазками по прохожим и особо задерживая взгляд на белых женщинах. На двери лавки — портреты Мохаммеда Али, Пеле и нашего Олега Блохина.

Французский ряд — это средоточие более богатых лавок. Здесь продают одежду, обувь, бельё, ткани, пряжу. Блещут золотыми и серебряными переливами окна ювелирных магазинов: кольца, броши, браслеты, серьги, колье, ручные часы, цепочки, всевозможные украшения. Рядом

выставлены на витрине фирменные магнитофоны «Грюндик», «Филипс», «Нормэн», «Саба». Дальше — место торговли настольными и стенными часами, барометрами с причудливым оформлением (в виде оленьей головы, например), торшерами, люстрами, мебелью. Напротив — галантерейная и парфюмерная торговля: защитные очки, тени, пудра, духи, помада, зонтики, сумки, чемоданы. Рядом магазин охотничьих и рыболовных принадлежностей: ружья, спиннинги, ножи, патронташи, ягдташи, боеприпасы, крючки, лески. Здесь нет толкотни арабского ряда, но народа тоже достаточно. Все продавцы отменно вежливы и обходительны. Более чистые парикмахерские, более дорогие кафе и ресторанчики, фотоателье. Некоторые служители этих заведений говорят по-русски — это свидетельство уже продолжительного общения с нашими соотечественниками.

Центр Блиды — просторная площадь в прямоугольнике домов с кафе, магазинами, кинотеатрами, газетными киосками и рядами автомобилей. Посреди площади — беседка, украшенная национальными флагами (вернее, флажками) Алжира. За многочисленными столиками прямо на улице — обилие народа. Сидят пожилые и молодые арабы (только мужчины), беседуют, смотрят по сторонам, курят, пьют кофе, кока-колу и минеральную воду «Музаю». Иногда даже дремлют. Поражает всегдашность этого сидения — в праздник, в будни, утром, днём, вечером. Непонятно, работают ли эти здоровые мужики, на что они живут и как кормят семью, если часами и сутками просиживают в праздности и безделье.

Когда я ехал в Алжир, то представлял себе этакую восточную сказку из «Тысячи и одной ночи». Белые мечети, серп месяца над стройными кипарисами, ослики на дорогах, бородатые феллахи, прекрасные мусульманки в чадре и шароварах. Хотя всё это я действи-

тельно повидал, но ощущения восточной сказки у меня не возникло. Слишком уж глубоко проникла цивилизация в алжирский быт. Едет по тропке мальчик на ослике — везёт воду в зелёных полиэтиленовых канистрах; сидит у кладбища древний нищий с седой бородой и в кедах с надписью «Адидас»; около мечети выстроились новенькие «Ситроены», «Фольксвагены» и «Мерседесы». Где уж здесь вспоминать восточные сказки?! Тем более, что основная масса городских жителей (особенно молодежь) одета по-европейски: пиджак, брюки, рубашка, плащ, полуботинки или туфли. Очень популярны джинсы, джинсовые и кожаные куртки, трикотажные майки с самыми разными рисунками и надписями. Хотя нет-нет, да и встретишь на улице какого-нибудь старичка в просторном белом балдахине с прорезями для рук, в светлой чалме и в смешных шароварах, очень широких около таза и узких по голени, со свободной мотнёй, видимо, в жаркую погоду приносящей определённое облегчение.

В феврале 1976 года мы по распоряжению шефа нашего контракта переехали на местожительство в другой город — Бумердес. Это совершенно новый город, строительство которого интенсивно продолжалось и во время нашего пребывания в нём. Город за шлагбаумом — так мы его называли. Два въезда в Бумердес оборудованы сторожевыми будками, в которых круглосуточно дежурят служащие, поднимая полосатую рейку при приближении автомобилей. Город населён студентами трёх вузов — Инаш, Инил, Инелек — таково русское произношение названий институтов нефти, лёгкой промышленности и электроники. В первых двух большинство советских преподавателей, в третьем — американских. В Бумердесе живут, кроме того, иностранные специалисты, в основном, служащие Сонатрака, могущественной национальной фирмы, держащей в руках всю нефтяную индустрию

Алжира — от разведки месторождений до транспортировки переработанных фракций.

Самую широкую географию собрал этот маленький чистый зелёный городок. Здесь встретишь и американцев, и французов, и канадцев, и индусов, и румын, и поляков, и египтян, и палестинцев. И ещё бог знает кого. А абсолютное большинство — советские специалисты: инженеры-нефтяники, преподаватели, врачи, учителя. И, естественно, члены их семей.

Город расположен на берегу моря. Большинство его строений — виллы, пятиэтажные жилые дома, корпуса студенческих общежитий и учебные корпуса, торговый центр. Кроме того, новенькая мечеть, вместительный клуб, где проходили торжественные собрания и демонстрировались кинофильмы, почта, аптека, парикмахерская, поликлиника, хозяйственные постройки. Базар собирался дважды в неделю — по вторникам и субботам. За чертой города приезжие торговцы разворачивали лотки, павильоны, стойки, собирая покупателей из Бумердеса и ближних населённых пунктов. Привозили на базар всевозможные продукты и ширпотреб. Среди русских базар именовался барахолкой.

Улицы Бумердеса — чистые, засаженные ровным строем платанов. В оживлённых местах, около торгового центра и поликлиники, проезжую часть периодически пересекает этакий валик — гладкое полукруглое возвышение над асфальтом — чтобы проезжающие машины не развивали большую скорость. В вечернее и ночное время город освещается неоновыми лампами, а во избежание каких-либо беспорядков со стороны случайно забредших людей жилые кварталы бдительно охраняются «гардиенами» — службой порядка, вооруженной дубинами, свистками и одетой в специальную форму. Мы вселились в новую квартиру только что сданного в эксплуатацию дома на пятом

этаже. Четыре комнаты, кухня, умывальник с душем, туалет, три лоджии. Новая мебель, новое постельное бельё, сверкающая белизной газовая плита, никелированные краны горячей и холодной воды. С водой в Бумердесе легче, чем в Блиде, хотя подача воды тоже ограничена. Её включали трижды в день на два часа. К такому графику мы быстро приспособились.

Дом наш находился в центре жилого квартала, посреди двора с цветочными клумбами, газонами, площадками для детских игр. Рядом — стоянка для автомобилей. До моря ходьбы минут 15. Магазины и лавки под рукой. Комфорт, тишина, свежий морской воздух. Всё в Бумердесе предполагает спокойную и удобную жизнь. Газоны периодически поливаются, цветы рассаживаются, школа для детей рядом, пляж — рукой подать. По субботам — советские кинофильмы в нашем клубе, по вторникам — иностранные в алжирском. Библиотека. Волейбол на уютных площадках…

После шумной, грязной и зловонной Блиды жизнь на новом месте показалась нам раем. Хотя «восточной экзотики» здесь практически нет.

В Бумердесе я познакомился с несколькими гражданами Соединенных Штатов Америки, жившими в соседнем подъезде нашего дома. Это семья кливлендского профессора Эрнста Лича, преподававшего курс дифференциального и интегрального исчисления в Бумердесском институте электроники. Сам Эрнст, пятидесятидвухлетний представительный мужчина, подстриженный «под бобрик», в очках, высокий, сильный и крепкий. Его жена Таёко, уроженка Японии, невысокая изящная женщина лет под 40, окончившая консерваторию в Нью-Йорке, и их дети Чарльз и Сеси, шести и четырёх лет, бойкие, смышлёные ребятишки, озорные, веселые, ужасные сластёны и непоседы. С ребятишками мы подружились, после того как я несколько раз у подъезда

нашего дома заговаривал с ними и угощал шоколадками. Потом они пришли к Кате в гости и хорошо играли все вместе, спокойно преодолевая языковой барьер. Потом однажды за Сеси и Чарльзом пришли родители, мы их пригласили почаёвничать. Так мы подружились, и несколько раз устраивали совместные праздники. Зная музыкальные наклонности Эрнса и Таёко, я предложил им разучить русский романс «Я встретил Вас», что они и сделали с охотой и потом записали его на магнитофон в своём исполнении при моём сопровождении на гитаре. Со своей стороны, они предложили мне разучить популярную американскую песню «Прекрасная Америка», что я также с большим удовольствием сделал. И до сих пор помню слова и мелодию. После расставания мы долго переписывались с семьей Лича, а в 1989 году я посетил по их приглашению Америку.

Ещё одна семья — преподавателя физики того же института Джона Стивса, жителя города Бостона. Он сам — сорокадвухлетний, весёлый, общительный, любезный человек. Его жена — высокая (под метр восемьдесят), темноволосая, приветливая, очень симпатичная миссис Патриция Стивс. И три дочери — Кэти, Бекки и Радж, совершенно разные прелестные девочки двенадцати, девяти и шести лет. С детьми мы рисовали животных, взрослые показывали мне фильмы об Америке из домашней кинотеки. Однажды эта чета пригласила меня на вечеринку (в это время моя семья уже отбыла на Родину), где собралось большое международное сообщество. Сначала был лёгкий ужин с прохладительными и слабоалкогольными напитками и маленькими бутербродами. Потом танцы, преимущественно быстрые. Молодёжь старалась вовсю, а люди постарше двигались только слегка, не выпуская стаканов из рук. Приглашённых было человек 30, среди них американцы, индусы, алжирцы, французы, испанцы и один русский —

я. После полуночи уставшая публика уселась на расстеленный ковёр, свет потушили, зажгли свечи, и состоялся импровизированный концерт художественной самодеятельности. Сначала долго и непонятно выступали индусы. Все чернобородые, в чалмах. Нечто вроде литературного монтажа с периодическим соло самого бойкого, самого чёрного и волосатого их собрата. Гнусавый речитатив дружно подхватывал хор и что-то нестройно выговаривал нараспев. Это была какая-то старинная индийская притча. Исполнителям хлопали, хотя никто ничего не понял. Затем алжирские студентки показали свой национальный танец под перестук на обратной стороне гитары — нечто вроде танца живота. После алжирцев под аккомпанемент одного очкастого американского парня, отлично сыгравшего на гитаре, превосходно станцевала испанский танец прекрасная португалочка. Грациозные умелые движения, белозубая улыбка, лёгкость, изящество, артистичность. Настоящая Кармен! И, заражённый общей инициативой, я перестроил американскую шестиструнку и спел «Катюшу», «Очи чёрные» и ту самую «Прекрасную Америку», приведя в восторг присутствующих, которые мне дружно подпевали, а потом долго аплодировали. А затем одна американская девушка подошла ко мне и шепнула в ухо: «Калинка-малинка, плиз!» Пришлось спеть и её.

Среди американских знакомых мне запомнился и мистер Альберт Баез. Это был шестидесятисемилетний профессор, уроженец Мексики, постоянно живущий в Сан-Франциско. Очень любезный и интересный, энергичный и страшно занятой человек. Как я понял, он был руководителем американской профессуры, работавшей в Бумердесе. Его постоянно беспокоили американские визитёры из США, представители алжирской администрации — днём и ночью, в будни и в выходные дни. Он рассказал мне много подробностей из американской жизни.

И подарил диск с записью песен его дочери Джоан Баез, популярной американской певицы (песни в стиле кантри), который я до сих пор храню.

Все американцы, с которыми я был знаком, показались мне этакими добротными людьми. Здоровы, деловиты, моложавы, веселы. Хорошо одеты, гостеприимны, ненавязчивы. Никаких сомнительных вопросов, недружественных намёков с их стороны. Мы расстались очень тепло, записывая адреса и приглашая в гости. Сеси даже прослезилась, а Патриция Стивс от души меня расцеловала.

Ежедневно из недалёких от столицы описанных городов специальным транспортом доставляли на работу в Алжир наших специалистов. Из Бумердеса нас возил огромный автобус, мастерски ведомый хладнокровным и молчаливым шофёром Юсефом, одержимым мусульманином. На дорогу уходило в оба конца два с половиной часа. Рабочий день с восьми утра до 18.30 с трёхчасовым обеденным перерывом (наследие колониальных времён). Последний нас очень раздражал, но приходилось мириться. Выходной день — пятница.

Алжирская столица — красивый белый город на зелёных холмах, расположенный на побережье Средиземного моря. Уютная бухта с длиннющими волнорезами, оживлённый порт с лесом корабельных мачт, рей, труб. Многочисленные корабли на рейде. Оживлённые магистрали с потоками автомашин и ровным строем пальм по обочинам дорог. Старый город Касба — нагромождение узких грязных улочек, мрачных сырых домов с кишащими в подвалах крысами, шумный базар, где можно купить вся и всё. Новые районы с многоэтажными батиманами из бетона и стекла. Тихие аристократические кварталы из дорогих особняков. Лавки, магазины, большие и маленькие рестораны, закусочные, кинотеатры. Огромное здание главного почтамта, прачеч-

ные, химчистки. Фотографии, мастерские по пошиву одежды, автомастерские. Мечети, церкви, зоопарк, ипподром, стадионы, скверы. Всё перечислить трудно. Это крупный арабский город с населением свыше двух миллионов человек, где очень сильно европейское влияние. Город рассекают многочисленные улицы и улочки, сплошь по обочинам заставленные автомобилями. В середине проезжей части — интенсивное движение, бесконечный поток машин с интервалом 5–10 метров. Часты автомобильные пробки. Воздух наполнен отработанными газами — особенно сильно коптят мощные автобусы городского транспорта. Сизый выхлопной дым так и висит над горячим асфальтом. Ни метро, ни троллейбуса, ни трамвая в Алжире нет. Видимо, это связано с очень пересечённым рельефом города: большинство улиц имеет крутые закругления и значительную покатость.

Одна из главных улиц Алжира — Дидуш-Мурад, называемая нами «Дидушкой». Оживлённая городская артерия, хотя не очень широкая (проезжая часть метров восемь). Улица начинается в припортовой части города и, извиваясь, поднимается к площади Адис-Абеба. Фешенебельные магазины с красиво оформленными витринами, богатые продуктовые лавки, просторные аптеки, чистые парикмахерские. Кинотеатры, кафе со столиками на тротуарах под яркими зонтиками, красочные журнальные киоски, цветочные лотки. Два или три огромных универсальных магазина. Толпы народа — хорошо одетые чистенькие господа в пиджаках и галстуках; студенты в пёстрых майках — усатые, небритые, лохматые; школьницы в розовых халатах с портфелями; девушки постарше с распущенными волосами в обтягивающих бёдра брючках; белые накидки и вуали пожилых мусульманок; кудрявые дети с мороженым в руках и много других самых разных фигур. Белые, смуглые, чёрные лица, пёстрые национальные и современные одеяния, шля-

пы, чалмы, панамы, шорты, джинсы. Помятые и бедные костюмчики скромных служащих, разрисованные и расписанные рубашки молодых бездельников, сидящих на ограждающих тротуар барьерчиках. Балконы четырёх-пятиэтажных домов увешаны разноцветным тряпьём, рекламные щиты приглашают на концерт Демиса Руссоса, письмена арабской вязи над открытыми дверьми магазинов и лавок сопровождены пояснительным рисунком, ибо по-арабски читать мало кто умеет. Если это мясная лавка, то нарисованы мясной рулет или коровья голова, если канцтовары, то карандаш и портфель, если обувь — то изящный полуботинок.

Особо примечательна в Алжире старая часть города — Касба, построенная ещё до начала французской колонизации. Это кварталы мрачных сырых домов, узеньких улочек, зловонных лестниц, всяких тёмных закоулков, потайных переходов. Многочисленные маленькие лавочки, базар, толпы спекулянтов, небольшие закусочные, разного рода кустарные мастерские — пошивочная, сапожная, механическая, грязные парикмахерские. То и дело под ногами прошмыгнёт и скроется в ближайшей щели огромная крыса. На приступочках лестницы сидят нищие и зеваки. Рядом «работает» самодеятельный зубной врач, выдёргивающий зубы у клиентов обыкновенными плоскогубцами. Какие-то подозрительные типы ходят и стоят у тёмных провалов открытых дверей. Здесь нужно быть внимательным, следить за карманами и крепче держать портфель или сумку: вырвут и унесут в два счёта.

Торгуют здесь кожаными ремнями с массивными бляхами, американскими сигаретами, джинсами, браслетами для часов, зажигалками и другим ходовым товаром. Струйки нечистот стекают вниз по тротуарам, всюду отбросы пищи и хлам. Мясные, кондитерские, овощные лавки, дымок от поджаренной баранины, цветастые паласы и ковры,

развешанные на открытых дверях рядом с нагромождением плетёных корзинок, глиняной раскрашенной посуды, медных начищенных подносов и кувшинов. Пестрота, многоликость, многоголосье. Здесь очень быстро устаёшь то ли от обилия красок и звуков, то ли от неизбежного внутреннего напряжения, беспокойства и даже тревоги.

Касба — это давнее пристанище воров, спекулянтов, проституток, разных мошенников и нищих. И вмешательство полиции, регулярно устраивающей своеобразные облавы на запруженных народом улицах, мало что даёт. Касба остается Касбой.

Очень красив Алжир с возвышенной части. Белые дома, минареты, зелень парков, голубая бухта, серые ленточки магистралей с движущимися автомашинами. Город постоянно залит ярким солнцем, что в сочетании со стройными контурами пальм и сияющим морским горизонтом даёт ощущение праздничности и нарядности, южного тепла и экзотичности. Такое чувствуешь и у нас на Черноморском побережье, обозревая прибрежные города с вершины недалёких от моря гор.

Время, проведённое в Алжире, стало одним из самых ярких периодов в моей жизни. Многое я увидел, узнал и понял, побывав в другой стране. Там я обрел новых друзей, о которых буду помнить всегда, и которые, я уверен, навсегда сохранят память обо мне. Это, в первую очередь, Ваня Мищук из Ивано-Франковска и Эмиль Жданов из Уфы, с кем я был в особенно близких отношениях и делил радости и горести заграничного бытия. А ещё это Валя Додонов из того же Ивано-Франковска, Амиран Русадзе из Тбилиси, Боря Михайлов и Володя Харитонов из Самары, Миша Коноплянцев и Боря Сомов из Москвы, Толя Киселёв из Баку — все эти люди и много других останутся в моей памяти рядом с радужными картинками алжирской жизни.

Невзирая на то, что там, за границей, бывали у нас и неприятности, и болезни, и тревожные письма из дома, и плохое самочувствие, можно сказать, что там я был счастлив — прежде всего, ожиданием отъезда на Родину, предвкушением близкой встречи с родной землёй, с милым моему сердцу Саратовом. Потому что, как ни хорошо в гостях, а дома всё-таки лучше. Но в полной мере это начинаешь понимать, оторвавшись от насиженных мест. Именно поэтому теперь, по прошествии года со дня моего возвращения домой, мне снова хочется куда-нибудь уехать — с тем, чтобы вновь ощутить это хмелящее чувство ожидания желанной встречи, увидеть и узнать новые страны и города, обрести новых друзей.

Человеку нужна и цель, и дорога к ней. Ибо, только шагая по этой дороге — в надежде и сомнении — к заветной перспективе свершения, суждено каждому из нас быть счастливым.

Смерть сына

И всё это кончилось катастрофой.

В июне 1979 года наш сын по стечению роковых обстоятельств погиб, о подробностях я рассказывать не стану, ибо это слишком тяжело. Скажу лишь, что если бы он не был такой резкий и порывистый, если бы рядом в тяжёлые минуты оказался кто-то из родителей, если бы не огорчения в университете… Если бы… Если бы… Это было время чёрного отчаяния, ужаса, какого-то странного нереального состояния. И я, и Алла, и все наши близкие переживали свершившуюся трагедию очень тяжело. И горестная печать её осталась на наших лицах и в наших душах на всю оставшуюся жизнь. Что делать? — ведь надо было жить дальше: дочке Кате не исполнилось ещё и двенадцати лет, и на руках у нас была больная мама.

Мои стихи и песни

Приведу одно из моих типичных произведений под названием «В защиту возраста»:

В защиту возраста замолвлю нынче слово я,
Обретши право на сей счёт вещать
И утверждать, что это дело клёвое —
Себя таким вот мэтром ощущать.

Из года в год свои свершенья множил я,
Страдал, работал, мыслил и грешил.
И в результате до сегодня дожил я,
Задачу, то есть, в основном, решил.

В пространстве и бегущем быстро времени
Себя осмыслить с возрастом дано.
И возраст ощущается не бременем,
А как рациональное зерно.

Как соль и смысл, и цель любого бытия,
Как высшая из всех земных наград,
Хоть очень неприятное событие,
К которому шёл столько лет подряд.

А есть ещё иные преимущества
У возраста как безусловный плюс —
Не деньги, бог спаси, и не имущество,
А мудрости такой бесценный груз.

И в связи с этим нечего печалиться,
А поклониться небу до земли.
Ведь многие ровесники состариться
Хотели б, но, к несчастью, не смогли.

И вот листва в осенней дымке кружится.
Достичь солидных лет хватило сил.
А это значит — проявил я мужество,
Любовь и приключения вкусил.

За возраст бесполезно агитировать,
Но дай-то бог всем юношам в свой срок
Вот так же чётко мысли сформулировать,
Как долгой жизни праведный итог.

Ведь будет счастлив — нет, не тот,
Кто просто долго проживёт,
А кто при этом
В жизни главное поймёт!

Мои песни звучали и в сольных концертах на различных городских площадках (более всего — в областной научной библиотеке и в областном музее краеведения), и на радио, и на телевидении. Особый интерес вызвали, естественно, песни на саратовскую тему — вальсок «Липки», «Улица Немецкая», «Глебучев овраг», «Соколовая гора», «Кумысная поляна», «Зелёный остров», «Кино в десятом классе», «Жёлтая гора», «Военное детство», «Купец Шерстобитов», «Полковник Деникин» (который до революции три года служил в местном гарнизоне) и другие.

А. Н. Роков

ПУТЕШЕСТВЕННИК, ГЕОЛОГ, ПРОФЕССОР

Мой ~~жизненный~~ путь путешественника начался с бомбардировки немецкими самолётами железнодорожного состава, который эвакуировал жителей Москвы на территорию Чувашии осенью 1941 года. Ребёнку запомнились на всю жизнь гул самолётов, взрывы бомб, ужас от созерцания бегущих детей и взрослых, крики «Ложись, ложись на землю!» и слова матери: «Не бойся, я тебя накрою собой».

Мама Евгения Георгиевна Рокова

Затем была деревня Яманчурино Нальчиковского района Чувашской АССР (с осени 1941 по лето 1944 года) и общество тамошних детей и взрослых: прогулки по деревне, полям и лесам, поездки на телегах, запряжённых лошадьми.

Через некоторое время после возвращения в Москву заново состоялось знакомство с отцом после трёхлетнего перерыва, связанного с эвакуацией. Помнил отца я совсем плохо, только по фотографии, имев-

шейся у мамы, и по её рассказам. После этого познакомился также с бабушками — Капитолиной Фёдоровной Красновой и Людмилой Филипповной Викторовой, и стал бывать у них в гостях.

Жили мы в бараке рядом с Воробьёвыми горами. Вспоминаются частые прогулки по берегу Москвы-реки с друзьями, посещения парка Горького, где мама работала руководителем детского городка, — концерты замечательных артистов на сценах Зелёного театра и других культурных площадках парка. Многочисленные болезни в детстве и жизнь в больницах привили любовь к чтению книг, которые мне приносила мама, в особенности про путешественников.

В школе учителя увлекали нас походами по Подмосковью. Увлечение географией России и мира, описание географических открытий привели к желанию путешествовать. В результате после 8 класса, после теоретической подготовки в школе туризма и турпохода по Карелии, руководство турбазы предложило мне, 16-летнему, повторно пройти тот же маршрут в качестве инструктора тургруппы с первой в жизни оплатой за выполненную работу. Тогда же мне была присвоена квалификация «Инструктор туризма 1 категории».

После окончания 10 класса в 1956 году настало время выбора будущей специальности и вуза. С выбором помог отец моего друга, жившего в том же бараке. Он был, как потом выяснилось, известным журналистом. Как-то в разговоре он сказал, что в наше время требуется много геологов. Их профессия хороша тем, что они изучают строение Земли, ищут полезные ископаемые в разных её уголках, и поэтому их работа заключается в постоянных путешествиях в разные районы страны. Посетив все вузы Москвы, где готовили геологов, я понял, что больше всего меня привлекает Московский институт цветных металлов и золота имени М. И. Калинина.

Памятное событие в моей жизни — процесс сдачи документов для поступления в ИЦМиЗ на геологоразведочный факультет. Принимавшей документы даме что-то не понравилось в моей анкете. Как я потом сообразил, вероятнее всего не понравились сведения о том, что мой дед Александр Фёдорович Викторов был репрессирован в 1937 году, что по существовавшим тогда правилам я и отметил в личном листке (в 1957 году дед был реабилитирован). В общем, она отправила меня для решения вопроса о приёме документов к учёному секретарю приёмной комиссии. Я пошёл. Тот посмотрел мои документы и говорит: «Вот Вы такой худой, а специальность геолога требует в работе большой физической нагрузки. Вы можете не справиться». Отвечаю: «А я имею 2-й спортивный разряд по лыжам и думаю, что в процессе учёбы сумею достичь и 1-го разряда».

Дальше он говорит: «Вы знаете, геологи работают в разных природных условиях, в тайге, в горах. Вы можете заблудиться и, блуждая по тайге, не выйти на место стоянки лагеря и погибнуть». Я в ответ: «У меня диплом инструктора туризма 1-й категории, провёл группу туристов на Кольском полуострове и знаю, как себя вести в тайге, и умею ориентироваться в пространстве».

Наконец, третье замечание с указанием на оценки: «У Вас тут имеется «тройка» по математике в аттестате, Вы можете не сдать экзамен». Я смотрю в аттестат, показываю на строчку в нём, где написано «Имеет право поступления во все учебные заведения СССР», и говорю: «Я же сдаю документы, а сумею или нет поступить в вуз, будет зависеть от результатов сдачи экзаменов».

После этого он написал на моём заявлении: «Принять документы».

…В результате обучения в вузе и работы по хоздоговорам мне довелось побывать в различных районах по всей территории Совет-

ского Союза: в Крыму, на Кольском полуострове, в степях и горах Казахстана и Узбекистана, в Бурятии, на Енисейском кряже, Уральском хребте, в Забайкалье, Якутии, Приморском крае, а также в горах Вьетнама.

Наиболее запоминающимся стало посещение Ханоя и его окрестностей, которое для меня организовал мой защитившийся аспирант Нгуен Дак Лы. Кроме осуществлённых пяти полевых маршрутов для изучения площадей Суой Чат на северо-западе и Дой Бу на востоке страны, он провёл экскурсию в одну из вьетнамских деревень, где в молодости служил и обучался в местной церкви. Яркими впечатлениями остались в памяти виды улиц Ханоя, заполненных целиком жителями, торгующими различными фруктами, овощами и многочисленными предметами для жизнедеятельности. Все люди чрезвычайно внимательны, вежливы, здороваются постоянно с поклонами и желают услужить в любом вопросе. Такие же люди встречались и по дороге в деревню. По пути мы купили виноград. Я спросил: «Зачем?» Мой спутник ответил, что это нужно в качестве подарка.

В ходе экскурсии было организовано посещение буддистского храма с тщательным осмотром его внутренних помещений. При входе Лы сказал, что половину винограда нужно оставить в храме. А после осмотра в большом зале состоялось прослушивание, как потом оказалось, церковного хора с музыкальным сопровождением и праздничный обед по случаю моего посещения. В процессе этого мероприятия

Нгуен Дак Лы попросил меня пройти к секретарю администрации с паспортом: дескать, всех гостей регистрируют. Я подошёл — меня записали в книгу посетителей, попросили паспорт, вписали его данные в книгу и попросили расписаться. Я выполнил эти просьбы и вернулся за праздничный стол. После завершения обеда мы сели в автомобиль и поехали в гостиницу в Ханой. По пути Лы сказал как будто между прочим: «Андрей Николаевич, поздравляю Вас. Вы теперь буддист». Я обалдел, но что-то менять было уже поздно.

Таким образом, моя мечта о путешествиях сбылась.

А. Н. Роков преподавал в Российском государственном геологоразведочном университете им. Серго Орджоникидзе, ему присвоено звание профессора. Имеет учёную степень доктора геолого-минералогических наук. – Л. Краснов

Семья Роковых: верхний ряд, слева направо: сын Иван; жена Нина Григорьевна; Андрей Николаевич; сыновья Павел и Алексей; внучка Людмила (дочь Алексея); нижний ряд слева направо: Елена, жена Ивана, со старшей дочерью Александрой; отец Николай Александрович Викторов; Наталия, жена Алексея, с сыном Дмитрием

А. Н. Румянцев

РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА РБМК-1000

Второй слева — академик А. П. Александров, второй справа — А. Н. Румянцев

Александр Николаевич Румянцев, д. т. н., зам. директора по научной работе НТК «Электроника» НИЦ «Курчатовский институт», получил образование в МИФИ.

До 1965 года работал в НИКИЭТ в должности инженера-конструктора, осваивая новую на тот момент вычислительную технику и проводя многочисленные нейтронно-физические расчёты. В 1966 году

он перешёл на работу в Институт атомной энергии (ИАЭ), где участвовал в разработке альтернативного проекта реактора РБМК-1000, выполнявшего функцию независимого контроля ~~за разработчиками~~ основного проекта (аббревитатура РБМК означает Реактор Большой Мощности Канальный). Реактор РБМК-1000 тепловой мощностью 3200 мегаватт представлял собой систему, в которой в качестве теплоносителя использовалась лёгкая вода, в качестве топлива — двуокись урана. Попутно продолжалась работа по освоению новой передовой вычислительной техники, созданию компьютерных программ и проведению трёхмерных нейтронно-физических и тепло-гидравлических расчётов. В 1974 году конкурентная деятельность по проекту РБМК-1000 была прекращена, и А. Н. Румянцев перешёл на работу в Международное агентство по атомной энергии. По возвращении в ИАЭ в 1981 году занимал должность заместителя директора отделения вычислительной техники и радиоэлектроники.

Здесь приведены воспоминания А. Н. Румянцева, навеянные очередной годовщиной чернобыльской аварии. Эти воспоминания ценны тем, что в них описана начальная стадия разработки проекта РБМК-1000, предопределившая выбор основных параметров физики и конструкции реактора, но навечно похороненная чернобыльской аварией. — Л. Краснов.

Чернобыль в 2009 году

С момента аварии на Чернобыльской АЭС прошло 23 года. Многое уже забыто. Многие из создателей реакторов типа РБМК-1000 и РБМК-1500 уже ушли из этой жизни. Однако ~~многие живые~~ участники создания таких реакторов ещё продолжают анализировать причины этой техногенной катастрофы прежде всего для того, чтобы получен-

ный опыт можно было наиболее объективно использовать для оценок будущих рисков, связанных с атомной энергетикой.

Предыстория

В период 1966–1975 гг., являясь сотрудником Сектора № 14 ИАЭ им. И. В. Курчатова, который возглавлял профессор Савелий Моисеевич Фейнберг, я принимал участие в работах по проектированию реакторов типа РБМК-1000 и РБМК-1500. С. М. Фейнберг был заместителем научного руководителя проектов. Научным руководителем проектов был академик Анатолий Петрович Александров, бывший в то время директором ИАЭ им. И. В. Курчатова (с 1991 г. — Российский научный центр «Курчатовский институт»).

Сразу после окончания МИФИ в 1963 году по специальности инженер-физик я был направлен на работу в должности инженера-конструктора в организацию п/я 788, ныне — Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники (НИКИЭТ) им. Н. А. Доллежаля. Начав в августе 1963 года работу в группе Ю. И. Митяева, входившей в состав физического Отдела № 5, которым руководил А. Д. Жирнов, уже через два месяца получил временный пропуск в ИАЭ им. И. В. Курчатова с целью использования имевшейся там вычислительной техники (ЭВМ типа М-20) для проведения работ в области расчётного моделирования характеристик канальных реакторов с прямым перегревом пара, установленных и сооружавшихся на Белоярской АЭС (реакторов типа АМБ — Атом Мирный Большой). НИКИЭТ не обладал необходимой вычислительной базой.

Начав с освоения программирования в кодах для ЭВМ М-20, находившейся в здании 101 ИАЭ, уже к середине 1964 года, работая в основном по ночам, так как дневное отладочное время на ЭВМ было

практически недоступно, создал первый в НИКИЭТ программный комплекс для расчёта эффектов реактивности уран-графитовых реакторов типа АМБ. В основу конструкции этого реактора были положены методики расчётов, разработанные в Физико-энергетическом институте в Обнинске: этот институт руководил проектом создания реакторов типа АМБ. Передо мной была поставлена задача перевести методики, применявшиеся для проведения расчётов на электрических счётных машинах, на большие ЭВМ. В результате в 1964 году квартальные планы группы Ю. И. Митяева по расчётному обоснованию параметров реакторов типа АМБ стали выполняться за две-три недели. Затем на ЭВМ устремились другие сотрудники НИКИЭТ. Решением директора НИКИЭТ Николая Антоновича Доллежаля в конце 1964 года на меня были возложены задачи поиска и аренды свободного машинного времени на ЭВМ типа М-20 в Москве и Московской области, а также организации расчётных работ сотрудников НИКИЭТ. Мне было предоставлено право подписи документов на оплату использованного машинного времени. К началу 1965 года совместно с сотрудниками НИКИЭТ В. К. Викуловым и В. Г. Овсепяном мы разработали комплексную программу расчёта физических характеристик ячеек рабочих каналов уран-графитовых реакторов с учётом выгорания топлива. Программа получила наименование ВОР — выгорание однородных решёток, что совпало с первыми буквами фамилий авторов. В этой комплексной программе для расчёта распределений тепловых нейтронов по ячейке уран-графитового реактора и коэффициента использования тепловых нейтронов использовалась недавно созданная (в 1964 году) программа Г. И. Марчука (ФЭИ), осуществлявшая более точный расчёт полей тепловых нейтронов. Расчёты коэффициентов размножения быстрых нейтронов и вероятности избежать их

резонансного захвата осуществлялись по методикам, разработанным ФЭИ для реакторов типа АМБ с кипящими и пароперегретыми каналами. Эта программа и её последующие модификации были рабочим инструментом НИКИЭТ вплоть до снятия с эксплуатации ЭВМ типов М-20 и М-220 в начале 1970-х годов.

Мои работы в области физики и теплогидравлики уран-графитовых реакторов с применением ЭВМ, в том числе находившихся в ИАЭ им. И. В. Курчатова, были замечены сотрудником Сектора №14 Я. В. Шевелёвым, который предложил С. М. Фейнбергу перевести меня из НИКИЭТ в ИАЭ им. И. В. Курчатова. Поскольку я ещё считался молодым специалистом, такой перевод мог быть произведён только решением Управления кадров Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР (ГКАЭ). По инициативе С. М. Фейнберга, материализованной его заместителем по Сектору-14 В. А. Чеботарёвым, ГКАЭ принял такое решение, и в марте 1966 года, ещё будучи молодым специалистом, я был переведён в ИАЭ им. И. В. Курчатова с повышением в должности до старшего инженера.

Перед уходом из НИКИЭТ пришлось объясняться с Н. А. Доллежалем и его заместителем И. Я. Емельяновым. Они обнаружили, что сумма подписанных мной счетов на оплату машинного времени, использованного сотрудниками НИКИЭТ на разных ЭВМ в Москве и Московской области в 1965 году, многократно превосходит финансовые возможности НИКИЭТ. Последовали и уговоры остаться с повышением в должности, и угрозы наказания за такое распоряжение предоставленными мне правами, которое «разорило» НИКИЭТ.

Участие в работах по проектированию реактора РБМК-1000

С начала 1967 года С. М. Фейнберг полностью переключил меня на работы по проектированию канальных уран-графитовых реакторов с охлаждением кипящей водой — реакторов типа РБМК. Практически все расчётно-теоретические и экспериментальные работы по реакторам типа РБМК были сосредоточены в Секторе-15, которым руководил Е. П. Кунегин. С. М. Фейнберг как заместитель научного руководителя проекта РБМК считал необходимым вести независимые проектные проработки для того, чтобы иметь возможность относительно независимого суждения о работах Главного конструктора РБМК, которым был назначен НИКИЭТ, работах Сектора-15 и работах Главного проектанта, которым был назначен ВНИИ «Гидропроект». Сам он, по сути, выступал интегратором идей и подходов, вырабатывавшихся различными коллективами специалистов.

С одобрения С. М. Фейнберга в период с конца 1967-го по конец 1968 года в течение нескольких месяцев пришлось быть в командировках в филиале ИАЭ им. И. В. Курчатова — НИТИ, в городе Сосновый Бор, рядом со строительной площадкой 1-го блока Ленинградской АЭС с реактором РБМК-1000. Целью командировок было проведение множественных вариантных расчётов активной зоны реактора РБМК-1000 с возможно более полным анализом влияния конструкции ТК и режимов их эксплуатации на нейтронно-физические и теплогидравлические характеристики реактора РБМК-1000. Результаты выполненных расчётных исследований были суммированы в ряде закрытых отчётов ИАЭ им. И. В. Курчатова, отредактированных и утверждённых лично С. М. Фейнбергом.

В июне 1973 года я защищал свою диссертацию на соискание учёной степени кандидата физико-математических наук на Совете ИАЭ им. И. В. Курчатова. Совет возглавлял А. П. Александров. Темой диссертации, имевшей гриф секретности, были созданные методы расчёта стационарных нейтронно-физических и теплогидравлических характеристик трёхмерных реакторов канального типа, соответствующие программные комплексы и некоторые результаты расчётов параметров реакторов типа РБМК-1000. По совместному решению С. М. Фейнберга, бывшего заместителем председателя Совета, и Я. В. Шевелёва, моим научным руководителем был назван Я. В. Шевелёв. Из первоначального текста диссертации были исключены результаты расчётов, ставившие под сомнение принятые проектные параметры реактора РБМК-1000. Защита прошла успешно.

В конце 1974 года я был зачислен в резерв ГКАЭ для работы в МАГАТЭ. С февраля 1975 года были прекращены работы по анализу РБМК. Все материалы, включая действующие программные комплексы, были формально переданы Е. П. Кунегину. В мае 1975 года я уехал в Вену для стажировки в МАГАТЭ.

В марте 1976 года я уехал на работу в МАГАТЭ. Перед отъездом я договорился с Л. С. Данченко о том, что она сбережёт в 1-м Отделе все мои рабочие тетради, все весьма толстые папки с распечатками как исходных текстов моих программ, так и результатов моих расчётов.

Завершив командировку в МАГАТЭ, с января 1981 года я вновь стал сотрудником ИАЭ им. И. В. Курчатова в ранге заместителя директора Отделения вычислительной техники и радиоэлектроники (ОВТиР). По возвращении из МАГАТЭ выяснилось, что в процессе переезда 1-го Отдела из здания 101 в здание 158 все мои рабочие тетради и бумаги были уничтожены по указанию Е. П. Кунегина. Мой бывший аспирант

Н. Л. Поздняков, к этому времени также направленный в МАГАТЭ, не сумел предотвратить эту акцию по «разгребанию» архивов 1-го Отдела. Л. С. Данченко очень переживала, но ничего не могла сделать по формальным причинам (срок хранения, гриф секретности и т. п.). Попытки восстановить программные комплексы для трёхмерных расчётов, предпринятые в 1981 году, не удались.

В процессе работ по развитию вычислительной базы ИАЭ им. И. В. Курчатова удалось узнать об усовершенствованиях в РБМК-1000, внедрённых на Чернобыльской АЭС. Наибольший интерес вызвало решение об укорочении графитовых вытеснителей на стержнях СУЗ и АЗ (системы управления защитой и автомата защиты). Попытки выяснить у лиц — тогда уже лауреатов Государственной премии за реактор РБМК — меру обоснованности таких усовершенствований ни к чему не привели. Оставалось только ждать. Е. П. Кунегин, осуществлявший функции заместителя научного руководителя проекта РБМК, ушёл из жизни в 1983 году, В. А. Сидоренко был переведён на работу в Госатомнадзор, А. П. Александров стал президентом АН СССР. Фактическое руководство реакторными направлениями перешло к заместителю директора института В. А. Легасову, талантливому химику.

На расширенном заседании партийно-хозяйственного актива ИАЭ им. И. В. Курчатова 13 ноября 1984 года, которое вёл А. Ю. Гагаринский, только что избранный секретарем парткома института, мною от имени ОВТиР (директор ОВТиР И. И. Малашинин, как обычно, срочно «заболел» — залёг на дно) была изложена программа развития вычислительной базы Института на перспективу 10–15 лет в рамках реализации Постановления ЦК и Совмина. Было подчёркнуто, что недостаток вычислительных мощностей не позволяет в необходимой мере анализировать безопасность принимаемых проектных

решений по АЭС, и что **наиболее вероятным кандидатом на тяжёлую аварию являются новейшие блоки РБМК со всеми внедрёнными в них усовершенствованиями**. Острую нехватку вычислительных мощностей и риск «недоделанности» проектов реакторов подчеркнул Л. В. Майоров. В первом ряду конференц-зала здания 158 сидели А. П. Александров и В. А. Легасов. Легасов бурно реагировал на услышанное, перейдя на личные оскорбления в адрес Л. В. Майорова. Александров в основном молчал, но настолько близко к сердцу принял эту информацию, что спустя три дня поставил вопрос об упразднении ОВТиР, что и было сделано. На том же заседании главный инженер ИАЭ им. И. В. Курчатова Е. О. Адамов (будущий глава Минатома) выступил с предложением построить гараж и автоматизированные механические мастерские вместо вычислительного центра, в рамках разработанной им программы инженерной реконструкции института. В итоге было реализовано предложение Е. О. Адамова. Постановление ЦК и Совмина было без последствий проигнорировано. Гараж был построен и стоял пустым свыше 10 лет, пока его не передали автомобильной фирме Audi. Механические мастерские, объявленные Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, стоят недостроенными и поныне. Единственным человеком, однозначно оценившим происшедшее на этом партийно-хозяйственном активе, оказался Н. Н. Пономарёв-Степной, который, уже после окончания актива, сказал мне, что КВЦ будет построен. Несмотря на все трудности, здание для КВЦ было построено 12 лет спустя в рамках программы создания космических реакторных установок исключительно благодаря инициативе и поддержке со стороны Н. Н. Пономарёва-Степного. Магнитофонные ленты с записью выступлений и дискуссий на расширенном заседании того

партийно-хозяйственного актива «исчезли» из архивов парткома в мае-июне 1986 года после аварии на 4-м блоке ЧАЭС.

Информация об аварии на 4-м блоке ЧАЭС была получена от А. Ю. Гагаринского 28 апреля 1986 года без каких-либо деталей. В отношении деталей он, секретарь парткома, публично посоветовал слушать радиостанцию «Голос Америки». Неделю спустя я как руководитель политико-экономического семинара ОВТ (отдела вычислительной техники) проводил плановый семинар. На нём А. А. Дербенёв, хорошо знавший историю моих работ по РБМК, спросил о возможных причинах этой аварии. Не зная никаких деталей происшедшего, кроме официальных сообщений об аварии, я высказал ряд версий, основной из которых была **спровоцированная работой на малой мощности неравномерность энерговыделения, инициировавшая образование локальных зон надкритичности** (надкритичность — это зона, где реакция деления изотопов U-235 может выйти из-под контроля). Позже выяснилось, что так оно и было. В июне 1986 года начальник Лаборатории РБМК А. Я. Крамеров, вернувшийся из командировки на ЧАЭС, встретив меня в столовой института, задал тот же вопрос. И получил тот же ответ, чему очень удивился.

(В мае 1986 года при личной встрече с В. А. Легасовым, вернувшимся с ЧАЭС, А. Н. Румянцев попросил включить его в команду института, которая занималась анализом причин аварии. Тот пообещал это сделать. Два года спустя, после кончины В. А. Легасова, удалось узнать, что он отдал команду «не подпускать Румянцева к анализу этой аварии на пушечный выстрел». Как писал Александр Николаевич в своих мемуарах: «Причины такого решения мне неизвестны».)

О причинах аварии на ЧАЭС

Немного о самой аварии на 4-м блоке ЧАЭС. Ни интенсивные послеаварийные исследования, ни доклад комиссии под руководством В. А. Легасова, представленный в МАГАТЭ, не открыли ничего нового в отношении характеристик РБМК. Длительная работа реактора на малом уровне мощности и почти «чистая» от системы управления и защиты и других узлов активной зоны спровоцировала создание локальных зон надкритичности в нижней части реактора. Последующее относительно медленное нарастание мощности было обнаружено оператором реактора, который нажал кнопку сброса стержней автоматической защиты (АЗ) с «усовершенствованными» графитовыми вытеснителями. Начало ввода стержней АЗ спровоцировало последующий разгон мощности реактора. Специалисты-взрывники оценили тротиловый эквивалент аварии на 4-м блоке ЧАЭС на уровне 10–15 тонн ТНТ (тринитротолуола). Эта величина вполне коррелирует с оценками, сделанными мной в 1973 году.

Официальный доклад ГКАЭ СССР «Авария на Чернобыльской АЭС и её последствия», составленный комиссией под руководством В. А. Легасова и представленный на совещании экспертов МАГАТЭ 25–29 августа 1986 года, содержал некоторую информацию, которую можно было использовать для подтверждения или опровержения моих прогнозов нестационарных процессов в реакторах типа РБМК-1000, сделанных в 1972–74 гг.

(Изложенное выше Румянцев рассматривал и качественным, и количественным подтверждением его прогнозов нестационарных процессов в реакторах типа РБМК-1000 с образованием локальных зон надкритичностей, сделанных им ещё в 1972–74 годах. Приведённые оценки могут ~~рассматриваться~~ доказательством проектной ошибки

Главного конструктора и научного руководителя, укоротивших графитовые вытеснители стержней СУЗ, что и вызвало катастрофические последствия аварии на ЧАЭС.)

Немного о самом докладе об аварии на 4-м блоке ЧАЭС

В докладе, представленном в МАГАТЭ, констатируется, что (цитата): «*Раздел 4 «Причины аварии». …Разработчики реакторной установки не предусмотрели создание защитных систем безопасности, способных предотвратить аварию при имевшем место наборе преднамеренных отключений технических средств защиты и нарушений регламента эксплуатации, так как считали такое сочетание событий невозможным. Таким образом, первопричиной аварии явилось крайне маловероятное сочетание нарушений порядка и режима эксплуатации, допущенных персоналом энергоблока. Катастрофические размеры авария приобрела в связи с тем, что реактор был приведён персоналом в такое состояние, в котором существенно усилилось влияние положительного коэффициента реактивности на рост мощности …*»

Такова официальная версия аварии. Однако чуть ниже в том же докладе содержится фраза (цитата): «*Раздел 5 «Первоочередные меры по повышению безопасности АЭС с реакторами РБМК». …Принято решение переставить на действующих АЭС с реакторами РБМК концевые выключатели регулирующих стержней так, чтобы в крайнем положении все стержни были погружены в активную зону на глубину 1,2 м. Эта мера повышает скоростную эффективность защиты и* ***устраняет возможность повышения размножающих свойств активной зоны в нижней её части при движении стержня с верхнего концевика».***

Выделенный мной фрагмент текста был призван завуалировать истинную причину столь масштабной аварии, связанную с укорачива-

нием графитовых вытеснителей «регулирующих стержней» на 1,2 метра в рамках работ по усовершенствованию реакторов типа РБМК-1000, выполнявшихся Главным конструктором с участием научного руководителя, которые проигнорировали уже известные особенности нейтронной физики и теплогидравлики в нижней части активной зоны при работе реактора на малой мощности. Полагаю, что без укорачивания графитовых вытеснителей любые манипуляции персонала ЧАЭС могли привести лишь к повторению аварии, случившейся на 1-м блоке ЛАЭС в декабре 1975 года. Может быть, в несколько большем масштабе. За это их и можно было бы наказать. Насколько мне известно, никто из персонала 1-го блока ЛАЭС не был привлечён к суду за аварию в декабре 1975 г. Однако группу сотрудников ЧАЭС отдали под суд.

Подтверждением вывода о «завуалировании» является публикация в журнале «Атомная энергия» в ноябре того же 1986 года статьи «Информация об аварии на Чернобыльской АЭС и её последствиях, подготовленная для МАГАТЭ» с текстом в подзаголовке: «Ниже следует краткое изложение информации, представленной советскими экспертами в МАГАТЭ». В этом «кратком изложении» слово в слово воспроизведён цитированный выше Раздел 4 «Причины аварии», ряд разделов доклада даже расширен, но полностью исключён цитированный выше Раздел 5 доклада в МАГАТЭ «Первоочередные меры по повышению безопасности АЭС с реакторами РБМК». Видимо, это было связано с нежеланием сообщать советским читателям то, что уже было известно весьма широкому кругу международных экспертов, собранных в МАГАТЭ в августе 1986 года. Ни представители Главного конструктора, ни представители научного руководителя к суду не привлекались. Группу сотрудников ЧАЭС посадили.

Послесловие

Полагаю, что судьба реакторов типа РБМК была предопределена безвременной кончиной С. М. Фейнберга за две недели до физического пуска реактора 1-го блока Ленинградской АЭС в 1973 году. Считал и считаю, что это был «второй звонок». Пришедшие ему на смену возместить эту утрату не смогли. «Третьим звонком», полагаю, была авария на 1-м блоке ЛАЭС в декабре 1975 года. В наборе других случайностей, которые предшествовали аварии на ЧАЭС, видимо, есть некая закономерность. Слишком много произошло взаимно коррелированных событий, приведших к такому печальному результату.

К сожалению, многих из перечисленных выше сегодня уже нет в живых. Из лиц, имевших прямое отношение к созданию АЭС с реакторами РБМК, **лишь один человек — Анатолий Петрович Александров публично взял всю вину за аварию на ЧАЭС на себя**. Прямой и косвенный ущерб от аварии на ЧАЭС многократно превысил все капиталовложения в атомную энергетику СССР и, по сути, инициировав экономическую катастрофу в условиях низких мировых цен на нефть, привёл к исчезновению СССР.

Авария на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС была не первой ~~аварией~~ в истории атомной энергетики. Наиболее впечатляющей ~~аварией до аварии на ЧАЭС~~ была авария на американской АЭС «Трёхмильный остров» («Three Mile Island») в 1979 году, приведшая к плавлению активной зоны, но без серьёзных последствий для населения и окружающей среды. Однако масштаб аварии на ЧАЭС был несоизмеримо большим. Не исключаю, что С. М. Фейнберг был прав, сказав мне однажды у себя дома: **«Атомная энергия — не для этих поколений людей»**. К этой оценке мне нечего добавить.

27 апреля — 10 июня 2009 г.

В. Н. Румянцев

«СОЛДАТУ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НИ ЖАРКО, НИ ХОЛОДНО»

1966 год. Ровно через четыре месяца после призыва в армию, 4-го июня, я поехал в отпуск. Заслужил его работой по благоустройству части перед намечавшимся, но так и не состоявшимся визитом Главнокомандующего. Кроме того, мне пришла телеграмма о вручении отцу Ленинской премии. За что, я не знал. Предполагал, что за запуск ракеты в сторону Луны и её фотографирование с обратной стороны. Через много лет узнал, что это не так. Ленинская премия была ему присуждена за работы по созданию военной техники.

Доехал я от Жангиз-Тобе поездом до Новосибирска. Взял билет на самолёт в Москву и пошёл погулять по городу. Жара выше 30 градусов! А на мне же парадная суконная форма. Наконец, пошёл в сторону автобусной остановки около ж/д вокзала, чтобы ехать в аэропорт.

Людей впереди и сзади меня в просматриваемом пространстве не было. Поэтому я снял фуражку и прошёл так примерно метров сто. Потом надел её снова. Когда был без фуражки, мне дорогу пересёк выехавший из какого-то двора, справа от меня, «козлик». Проехав немного вперёд, машина останавливается. К этому моменту я был уже в фуражке, но не потому, что заметил сидевшего рядом с водителем полковника, а потому, что голова уже «проветрилась». Полковник выглядывает из машины, подзывает меня к себе. Я подхожу, представляюсь. Следует вопрос: почему нарушаю воинскую форму одежды? Я объяснил, что прошёл без фуражки всего сто метров, поскольку жарко, а вокруг никого не было, и сразу надел её, даже не видя его. Жарко ведь. В ответ услышал то, что отвернуло меня от армии на долгие годы: «Солдату не должно быть ни жарко, ни холодно».

После этого полковник приказал, чтобы я шёл в комендатуру. Оказалось, что «козлик» выезжал из ворот комендатуры, а я её вывеску даже не заметил. Делать нечего, иду назад. Полковник не поленился, заставил водителя развернуть машину и въехать в ворота. В комендатуре молодые дежурные офицеры — старлеи. Полковник приказывает им в отношении меня: «Два часа строевой подготовки и назад в часть». И … уезжает. Я, понятное дело, расстроился. Что делать? Рассказываю дежурным, которые одних лет со мной, что произошло, и показываю телеграмму. Сказал, что служу после института, и как заработал отпуск. Обратился к ним не по уставу: «Ребята, …» — я же после института, одного с ними возраста. В итоге они поставили мне в предписание штамп с указанием, что я нарушил форму одежды, и рекомендовали быстрее сматываться из этого района. Я воспользовался их советом.

Когда прилетел в Москву, я позвонил маминому брату, Герою Советского Союза, полковнику, дяде Феде и рассказал, что случилось

в Новосибирске. Сказал, что боюсь идти в комендатуру отмечать своё прибытие в Москву — как бы меня не отправили сразу назад в часть. На следующий день мы с ним встретились у памятника Лермонтову у Красных ворот, и я рассказал ему всё ещё раз. А он сказал, что именно такое отношение имеет свое название — «жуковщина». Мне это запомнилось. Так сказал человек, прошедший войну. Пошли мы с ним в комендатуру на Новобасманной улице. Я отметил командировочное удостоверение, но ничего за этим не последовало. Позже прочитал в книге воспоминаний Г. К. Жукова о годах его учёбы и понял, что в 60-е годы в отдельных частях пытались прививать то же самое, о чём он писал про период Первой мировой войны.

Е. Н. Викторова-Зуева

«ПРЕЛЕСТИ ЖИЗНИ» В СССР

В память о моём расстрелянном деде Александре Фёдоровиче и репрессированной бабушке Людмиле Филипповне

Моя сестра Таня была старше меня на три года. В 1974 году она с отличием окончила Институт иностранных языков (факультет французского языка). Ещё студенткой Таня неоднократно работала синхронистом на различных встречах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в СССР. При выполнении подобной работы она (естественно!) работала и на КГБ — писала отчёты на всех иностранцев и на своих — членов делегации. Но эта связь с КГБ не помогла ей в её жизни.

После окончания института Таня получила распределение на работу: переводчиком в Алжир (там велись совместные нефтяные разработки в Сахаре). Жила и работала в столице страны — Алжире. Через пару месяцев у неё начался роман с красавцем иракцем, арабом, который дарил всякие мелочи (зажигалка — волна зависти от всех соседок

по квартире!), и с которым были какие-то встречи. А это отклонение от «заданного маршрута»! Начались вызовы в так называемый «первый отдел». Откровенные беседы в КГБ: «Тебе что, своих мужиков не хватает?» Она же проигнорировала эти вызовы.

И вдруг одна подлая душа, которая жила за стенкой в соседней комнате, доносит, что якобы Таня собирается стать «невозвращенкой». Объясняю термин: так называли тех, кто сбегал в другой мир, просил политического убежища и оставался за границей жить навсегда. Сделать это было не так просто, но кто очень хотел, тот добивался своего. Из Алжира очень часто бежали во Францию (кстати, та девица, что донесла на сестру, через год убежала сама, в СССР она не вернулась).

Мою сестру выслали из Алжира в 24 часа, и все эти часы она была под жёстким надзором, ей не дали даже взглянуть на друга. Так он и не узнал, что случилось. А сама Таня о причине высылки узнала от другой своей соседки по квартире.

(Отец мне рассказывал, что после того, как стали открывать доступ к личным делам репрессированных, он читал дело своего отца — деда Александра. Донос был написан мужем любовницы деда. В 90-е годы этот муж ещё был жив и жил в Москве. Отец хотел с ним встретиться, но потом передумал.

Вся страна, как безумная, писала и писала доносы десятилетиями!!! Мой дед, бабушка, моя сестра, я… — каждому досталось).

Вернулась сестра в Москву униженная, растоптанная (начало 1975 года), больная после перенесённого в Алжире воспаления лёгких. Из зарубежной конторы её уволили. А с новой работой что? А другой работы по специальности ей не давали! КГБ всемогущ: Тане, окончившей иняз с великолепным дипломом, работавшей переводчиком-синхронистом, не было места в столице. Ни в одной школе Москвы для

неё не нашлось места обычного преподавателя французского языка даже для первоклашек. Персонал учителей в школы набирался через роно (районные отделы народного образования), а там ей всегда давали отказ — такой был запрет на профессию по милости КГБ. Она стала «неблагонадёжной». А уж о более престижной работе по своей специальности и речи не могло быть.

Только через полгода мытарств её взяли на работу в Комитет молодёжных организаций СССР (был такой комитет, ответвление ЦК комсомола). И знаете, кем? Машинисткой! Бумажки печатать! И то работу дали по личной протекции главы этого комитета Г. И. Янаева, будущего члена ГКЧП в 1991 году. Он знал Таню как отличного синхрониста и не побоялся нарушить молчаливые указания КГБ. Работала там Таня недолго, так как вскоре, весной 1976-го, неизлечимо заболела и умерла в начале 1978 года.

Теперь обо мне. Я училась в то время в Московском инженерно-строительном институте (МИСИ) по специальности «Строительство специальных сооружений». Четко осознавая, что Таню *лишили права на профессию*, и понимая, что сама учусь на военной, закрытой специальности, я ждала для себя последствий — гонений. К моему удивлению машина КГБ сработала не сразу. Я спокойно проучилась четвёртый курс, прошла летнюю практику в военном проектном «ящике» и стала в нём же готовиться к диплому весной пятого курса (1978 год). К этому времени моей сестры уже не было на этом свете, а полным недееспособным инвалидом она стала весной 1977 года.

В отличие от других студентов нашего МИСИ, моя специальность давала возможность не только остаться в Москве, но и выбрать местоположение работы рядом с домом. И в самом начале пятого курса нам всем уже сделали подтверждённое распределение на работу. Я выбра-

ла тот «проектный ящик», в котором проходила практику и писала диплом (тема: «Подземный ангар для самолётов вертикального взлёта с расчётом на надземный ядерный взрыв»). И вот как-то в мае меня вызывают в отдел кадров. Там серьёзный дядька, отводя в сторону глаза, начинает мне объяснять, что свободных мест для меня в его конторе нет. Я всё понимаю сразу же — началось! Но так как я была ещё совсем молода и запугана своим будущим, то я не хамила, сделала вид, что всё нормально. «А кто же меня будет распределять на работу?» — «Обращайтесь в свой деканат». Пропащая моя жизнь!

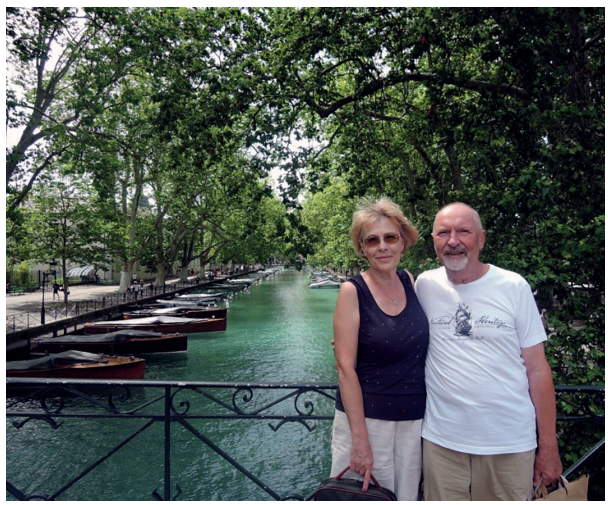
Со мной уже перестали общаться мои школьные друзья, узнавшие судьбу сестры, теперь это же произойдет и с институтским кругом моего общения… Ведь для них контакты со мной означают распрощаться со специальностью и карьерой. (Мы с сестрой были «прокажёнными»! Моя закадычная школьная подруга из нашего дома пробегала мимо, отвернувшись и не «замечая» меня…) Осталась я в своём родном городе совершенно одна. Мир стал враждебным. Страна стала чужой и опасной, а я оказалась гонимой… Что ещё меня ждало? Я впала в депрессию, чувствуя полное безразличие к своей дальнейшей жизни. (Кстати, своему жениху я всё-всё рассказала и предупредила, что у него впереди нелегкая жизнь в качестве моего мужа: никакого членства в партии — его туда не примут, и как следствие — никакой карьеры… Я предложила ему отказаться от меня, неблагонадёжной. Он не поверил — но так и вышло! Уже в конце 80-х Слава несколько раз пытался стать членом КПСС, но его не принимали. Большой удачей для него стал развал СССР.)

Часто в своей жизни я вспоминала рассказы о 1937 годе, когда люди *шарахались* от «врагов народа» и их родных. Нечто подобное — «*шарахание от врага*» и полную потерю всего круга общения

— пережила и я уже в конце 1970-х. Нет, меня не пытали в тюрьме, не сослали в лагеря и не морили голодом… Со стороны вообще всё выглядело неплохо: мне дали возможность работать инженером-строителем и даже проектировщиком, а не на стройке. Душевная травма же осталась навсегда.

За мной всю жизнь «присматривали»! Всесильное ОГПУ-НКВД-КГБ… Моя закадычная подруга (из новых друзей) была со мной всегда и всюду целых семь лет — ровно до той минуты, пока я не уволилась со своей работы. Тут она резко пропала: видимо, ей уже не надо было писать свои отчёты. Это был сильный удар. И так было в моей жизни неоднократно. Любой желающий со мной близко дружить стал восприниматься как потенциальный информатор… И это не мания преследования, а реальность социализма: в каждом отделе каждой конторы в СССР была пара-тройка людей, которые писали свои регулярные перекрёстные отчёты обо всём. Не думаю, что сейчас что-либо изменилось. Просто переименовали организацию в ФСБ, а эта организация вряд ли уступит хоть пядь из своих завоеваний.

Яркий пример: уже после разрушения СССР, когда разрешили иметь загранпаспорта, я воспользовалась своим правом. Никуда ехать я не собиралась, но паспорт иметь

Мы с моим мужем Валерием на отдыхе в Анси, Франция

хотелось. В 1994 году подала в милицию все нужные документы и стала ждать (кстати, с большим интересом), чем дело кончится. По нормам паспорт должны были выдать через месяц. Один месяц проходит — решения нет, другой проходит — решения нет… Вдруг мне звонит моя бывшая приятельница из института, с которой мы не виделись целых 15 лет, напрашивается ко мне в гости. Приходит — как будто мы расстались только вчера. Какое же наслаждение я получила, не ответив толком ни на один её вопрос о своей жизни! Уж не знаю, что она написала в своём отчёте, но через месяц мне все-таки паспорт выдали.

В итоге: я до сих пор ни одному человеку не доверяю до конца — меня этому долго учили… Постепенно я стала *просто жить*, мне ведь нечего было скрывать. Пусть пишут свои доносы… Но я не была строителем социализма, мне было *абсолютно наплевать на эту страну и режим*, мне были чужды многие радости моих знакомых, я была «по другую сторону барьера». И с большим счастьем я встретила падение СССР и КПСС! Мне стало легче дышать.

Единственный и большой плюс этой истории — *меня никогда не пытались заставить доносить на других.*

Сын Костя с семьёй: новорожденный младший мой внук Климентий, жена сына Ольга и старший мой внук Глеб

И. Н. Мещеряков

О МОИХ РОДИТЕЛЯХ

Я был младшим сыном Николая Александровича Викторова, но отец был «приходящим». С ним было очень интересно. Он был хороший рассказчик и ещё у него были очень работящие руки. У нас стоял ящик с его инструментами, которые я вечно раскидывал по комнате, за что мне доставалось. А он преподал мне умение работать с инструментами.

В детстве частенько зимой ходили с отцом на лыжах в парке Сокольники. Иногда вместе ездили отдыхать — на Волгу, на рыбалку. Вернее, отец уезжал в командировку, а я ехал вместе с ним, чтобы рыбачить, пока он был на работе. Первый раз ездили в Капьяр, что рядом с полигоном, там я впервые увидел издалека запуск ракеты. Второй раз были с ним в Саратове.

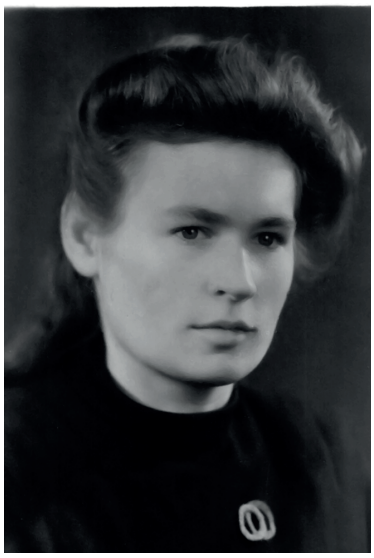

Мама до войны поступила в Институт связи, после войны окончила Энергетический институт, стала инженером-радиотехником, проработала всю жизнь в нынешнем ВНИИРТе (бывший ЯРТИ, а ещё раньше НИИ-20), была ведущим инженером,

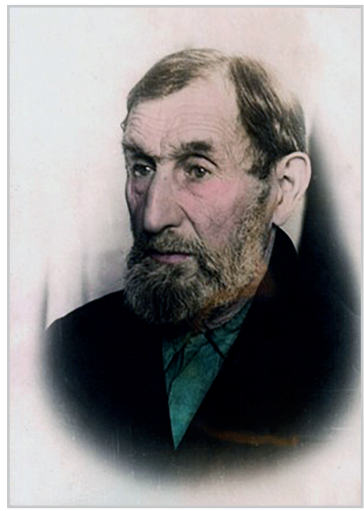
Мы с родителями в Тракае, Литва

депутатом Бауманского районного совета. В ЯРТИ она и познакомилась с отцом. Занималась там высоковольтными устройствами питания, мощными передатчиками. Она была успешным инженером, пользовалась уважением и авторитетом на фирме.

О семье мамы знаю мало. По рассказам, очень интересным, мой дед по матери Пётр Мещеряков служил лесником и имел награды ещё от государя императора в виде именных золотых часов. Механизм их не сохранился, а вот корпус с гравировкой храню как семейную реликвию. Родственников отца не знал, кроме его матери Людмилы Филипповны. Она дружила с мамой.

Любовь Петровна Мещерякова (1922–1997)

Мой дед Пётр Мещеряков

Сам я учился в средней специальной школе № 1 с преподаванием ряда предметов на английском языке (она находилась рядом с метро «Сокольники»). Учился средненько по гуманитарным предметам и на «хорошо» и «отлично» по математике, физике, химии. По окончании школы в 1978 году поступил в Институт связи на факультет «Автоматика, телемеханика, электроника». После окончания института в 1983 году и защиты диплома (тема «Подвижный ретранслятор с пространственно-временным разделением каналов», руководитель — Михаил Бонч-Бруевич) работал до 1990 года в научно-исследовательском секторе того же института, ездил в командировки по Союзу, внедряя автоматизированное рабочее место телеграфиста, разработанное в нашей лаборатории на базе ПЭВМ ДВК-1, 2, 3. В «лихие 90-е» работал в Гематологическом научном центре РАМН компьютерщиком, инструктором по вождению автомобиля; в ООО «Пейдж-Линк» занимался разработкой и установкой пейджинговых станций и пейджинговых ретрансляторов. С 1998 по 2000 год работал инженером-компьютерщиком в ЗАО «Люберецкий производственно-технический узел связи», внедрял элементы сетевой инфраструктуры. С лета 2000-го по осень 2003-го был инженером поддержки на Московской межбанковской валютной бирже. С октября 2003 года по настоящее время работаю в «НТВ-ПЛЮС» в должности ведущего специалиста управления спутникового вещания, занимаюсь системами условного доступа.

Е. А. Румянцева

ФИЗИКА, МАТЕМАТИКА И… ПАЛИТРА

В 1986 году я окончила МИФИ с красным дипломом по специальности инженер-математик. С 1995 года работаю в Научно-исследовательском центре «Курчатовский институт» (НИЦ КИ). Принимала участие в научно-исследовательских и проектных работах, связанных с обеспечением безопасного обращения с ядерными материалами (ЯМ) и радиоактивными веществами (РВ) на установках НИЦ КИ,

на объектах ВМФ и 4-го ГУ МО РФ в рамках российско-американского сотрудничества по Программе Нанна–Лугара. При моём непосредственном участии были разработаны и внедрены нормативные документы (более 60) по совершенствованию системы учёта, контроля и физической защиты ЯМ и РВ в интересах МО РФ.

Награждена почётными грамотами за многолетнюю добросовестную и плодотворную работу в НИЦ «Курчатовский институт». Получила благодарность за большой личный вклад в реализацию особо важных и сложных заданий. Имею звание «Ветеран атомной энергетики и промышленности». И после получения звания начала писать маслом картины!!!

Вот это поворот! Это прекрасно, когда человек делится своим видением мира. У каждого своё: кто-то предпочитает Фейсбук, а вот Лена выбрала кисть. Я не искусствовед, но вижу, что у неё яркая палитра, смелый мазок, есть свой взгляд. Это её видение, которым она делится с друзьями. И она — успешный инженер-математик! — Л. Краснов

В настоящее время принимаю участие в реализации проектов создания и совершенствования систем безопасности ядерных объектов и проектов реабилитации радиационно загрязнённых территорий РФ, которые осуществляются НИЦ в сотрудничестве с российскими и зарубежными организациями.

М. А. Румянцева

МАшины машИны

Машины в моей жизни появились очень рано, не сказать, чтобы с рождения, но действительно рано. Папа брал меня на колени (впервые — в года два) и давал возможность почувствовать себя настоящим водителем. Ноги до педалей не дотягивались, но это было и не важно, главное — возможность порулить. Когда рост уже позволял осуществлять все необходимые действия, чтобы автомобиль двигался, папа начал обучение. Но не на обычных дорогах… «Сможешь хорошо водить в грязи, сможешь и на асфальте», — это был основной девиз «автошколы Александра Николаевича».

Обучались на папиной «Ниве-2121», что и предопределило мой дальнейший выбор транспортных средств. А дороги… их, скорее, не было: грязь, колея, камни — заключительные пять километров пути до дачи. После папиной школы на права сдала экстерном: выучила правила и сдала теорию с первого раза, практику — со второго (в первый раз, по словам экзаменатора, поворотник поздно включила при перестроении).

Права получила, а водить получалось, только когда папа уезжал в командировки и оставлял мне машину.

1995 год. Очень популярное международное автоподключение «Camel Trophy». Двадцать экипажей со всех уголков света, от каждой страны-участницы — по два человека, прошедших жёсткий национальный отбор, плюс два журналиста. Быть участником «Camel Trophy» мечтал практически любой мужчина, который умел водить и хотел испытать себя в суровых условиях многодневного марафона по непроходимым джунглям. Мои друзья решили подать заявку на участие и уговорили меня (тогда впервые допустили к отбору и представительниц слабого пола). Так сложилось, что из всей нашей компании на московский отбор пригласили только меня. Затем последовал национальный этап отбора в лесах под Яхромой. По дороге один из бывших участников «Camel Trophy» (их ещё называют «маршАлы» — с ударением на второй слог) велел мне снять серёжки («А то вдруг в лесу зацепишься и ухо порвёшь»). В общем, я мало понимала, куда еду и зачем, но было страшно интересно. Те три дня отбора запомнились постоянным недосыпом (ночевали в палатках), постоянным бегом (ночное ориентирование из-за частых блужданий плавно переходило в утреннее) и необъяснимыми заданиями «маршАлов» (например, подкоп «Ленд Ровера», чтобы под ним можно было пролезть, или затаскивание машины в гору с помощью лебёдок). Конечно, попасть в команду тогда не получилось. Но желание доказать, что и водить, и бежать, и грести, и копать могу не хуже других, осталось. Родители, кстати, всегда меня поддерживали и отправляли на очередное приключение со словами: «Чем бы дитя не тешилось…»

На следующий год (уже выполнив норматив мастера спорта по лёгкой атлетике) я решила во чтобы то ни стало попытаться пробиться

На «Camel Trophy-97»

в экипаж на «Camel Trophy-97», маршрут которого должен был пройти по территории Монголии.

И московский, и национальный отборы прошла на «отлично», и стала первой женщиной от России, кому удалось попасть на международный этап.

В Испании, где из четверых представителей нашей страны выбирали основной и запасной экипажи, показала наилучший результат в прохождении сложнейшей трассы за рулем «Ленд Ровера», но немного уступила мужчинам в силе и выносливости (35 км на велосипеде, 10 км на байдарках, ориентирование на местности и т. д.).

После этих приключений меня пригласили работать на вновь созданный телевизионный канал RenTV.

К тому моменту у меня уже была своя «Нива» (другой автомобиль даже не рассматривался), и я оттачивала мастерство вождения в любую свободную минуту. На ней же участвова-

Интервью для финского ТВ во время работы на Олимпиаде в Пхенчхане (я — комментатор и обозреватель спортивных новостей на Первом канале). Февраль, 2018

ла в любительских соревнованиях клуба «4 на 4» в Крылатском, которые назывались «Покатушки». После очередной такой вылазки отец сказал, что к машине надо относиться бережнее, и больше шаровую он мне менять не будет. В итоге под его чутким руководством эту несчастную шаровую я поменяла сама. Больше она не ломалась…

Спустя пару лет меня пригласили в кольцевые гонки, причём в Формулу (был такой класс Формула-1600).

Мягко говоря, это была та ещё авантюра (отрыв в повороте плохо прикрученного механиком колеса, аварии на старте, перегрев движка с душем из кипящей охлаждающей жидкости…). Мой опыт ралли-рейдов и бездорожья здесь практически не пригодился, но всё равно удалось трижды финишировать в десятке, набрать по итогам сезона три очка и выполнить норматив кандидата в мастера спорта.

Родители так переживали, что ни разу не приехали смотреть на эти эксперименты, но … «чем бы дитя…»

легкими царапинами. В чемпионате России занимала призовые места на этапах. Однако тя-

Сезон 2000-го года, чемпионат России по кольцевым гонкам, класс Формула-1600. Между заездами — публикации в газете «Моя семья»

Этим же летом я всё-таки стала участником экипажа на «Camel Trophy», но уже в качестве журналиста. Это была заключительная серия легендарного приключения и проходила она в Тихом океане у берегов Фиджи и Самоа, а в качестве средства передвижения были использованы лодки. Моя мечта сбылась!!!

А всего через полгода — вновь ралли-рейды. На этот раз в составе женского экипажа на автомобиле «Митсубиси Паджеро». Заняв призовые места на нескольких этапах чемпионата России, выполнила норматив мастера спорта, а удостоверение получала на седьмом месяце беременности! Но это уже совсем другая история!)))

Вот она какая: «комсомолка, спортсменка, отличница» (дважды мастер спорта, кандидат педагогических наук, мама двоих детей!) – Л. Краснов

Л. А. Краснов

«ЕСТЬ СИГНАЛ!»

Наверное, самый драматичный момент в работе испытателя ракетной или космической техники — обнаружение и захват сигнала с «изделия», летящего где-то очень далеко… Ниже приведены такие моменты из моей жизни. Эти тексты не новые, они рассыпаны по другим моим книжкам, но я привожу их здесь, чтобы показать, как эмоционально богата была моя работа.

15.05.57. Первый пуск Р-7. Тюра-Там

В день первого пуска «семёрки» я был оператором дальномера на станции «Бинокль». Обрадовались все страшно, когда мы уверенно «захватили» сигнал и «повели» его. При восклицаниях: «Вон она летит!»

Радиолокатор «Бинокль»

мы побросали свои рабочие места (благо, вся автоматика работала нормально!) и выскочили из станции. По тёмному небу плыла яркая точка (когда мы расшифровали плёнки, то поняли, что ракета «загнулась» раньше и мы не могли её видеть).

1959 г. Центр Камчатки

Живу я в маленьком домике. Его площадь поменьше 10 кв. м. Называется он «полярный домик». Вместо окон у него четыре иллюминатора, из которых свет дают только два, так как остальные завалены снегом (снег завалил домик по самую крышу).

Живём мы втроём, топим печку, а она раскаляется так, что вот сейчас я сижу в одних трусах, и мне жарко (утром, правда, залезаешь в спальный мешок, да ещё накрываешься меховым одеялом). На той же печке «изготовляем» воду (топим снег).

Погода пока нас балует. Только сегодня подул ветер, который гнал высокие облака, а то стояла солнеч-

ная погода с небольшим морозцем. Красота! Снега здесь много, он безусловно ослепительно белый (а не как в Москве) и искрится на солнце. Без очков смотреть просто нельзя.

Места очень красивые, рельеф переменный. Поэтому на лыжах есть где разгуляться, это не однообразная равнина. Последнюю неделю хожу на лыжах почти каждый день. Можно оттолкнуться палками и проехать с километр под горку, только потом взбираться тяжело. Чем не Кавказ?

Ходим, бродим, наблюдаем звериные следы: и заячьи, и лисьи, и горностаев, и рыси. Ещё более поздней весной здесь пойдут медведи и олени. Но наша охота пока неудачна. Просто расстреливаем патроны. Говорят, к весне зайцы становятся непоседами (как и все!)

25.03.59. Работа! Приём информации был очень эмоциональным. Сигнал пропал в шумах (плазма всё экранировала) и появился буквально на несколько секунд перед падением головной части на землю. Нас все поздравляли. Советовали: «Крутите дырки». И действительно, после принятия Р-7 на вооружение я получил орден «Знак Почё-

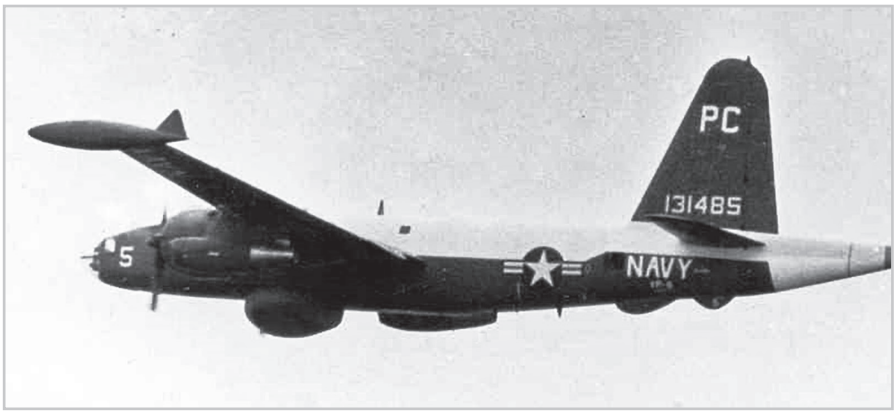
та» (в шутку его называли в те времена «Весёлые ребята» — этот орден дали Г. Александрову за фильм с таким названием, а Л. Утёсову подарили фотоаппарат).

Сейчас нахожусь в Ключах. Думал, что уже отправлюсь в Москву, но нам несколько расширили задание, так что в лучшем случае задержусь на недельку. Ключевская сопка довольно интенсивно курится.

09.04.59. Погода улучшилась. Курс на Москву. Прогноз осуществился (быть в Москве в апреле). Не удивительно — настала эра ТУ-104.

Тихий океан. Корабли ТОГЭ-4

23.10.59. Ночь — работа!!! И «Нептун» (американский разведчик) тут, но с опозданием к работе. Наши корабли шли с потушенными огнями: видимо, не хотели чужого присутствия. Пуск был удачным. Вся наша аппаратура оправдала ожидания. Интерес к данным «Трала-Д» был настолько велик, что меня потребовали к командиру на мостик. Вид с мостика на силуэты корабельных надстроек в темноте — потрясающий. Но любоваться не пришлось. В нарушение всех законов связи

мне пришлось открытым текстом передать значения принятых параметров за последние 10 секунд полёта.

24.10.59. Ну и штормяга! Волна выше корабля. 11 баллов… Жестокий шторм.Не удивительно, ведь мы находимся где-то на 39° северной широты и 180° восточной долготы — это же «ревущие сороковые», как пишут в приключенческих романах.

1964–65 гг. Медвежьи озёра

Мальков сделал мне шикарный подарок, назначив начальником станции приёма ТВ-сигнала на Медвежьих озёрах, а потом отправив для участия в обработке полученных плёнок в Московский телецентр (тогда он был ещё на Шаболовке).

~~12 октября 1964 года был запущен «Восход-1» с космонавтами В. Комаровым, К. Феоктистовым и Б. Егоровым. Наше телевидение решило на этом материале сделать фильм (его назвали «Штурмующие небо»). Авторами фильма были В. Виноградов и Л. Золотаревский. Я был «приставлен» к ним для помощи и погрузился в телевизионную «кухню» — ночные бдения в монтажной, перебиваемые чашкой кофе, знакомство с ТВ-знаменитостями.~~

А потом 18 марта 1965 года был выход Алексея Леонова в открытый космос! Мы на Медвежьих озёрах были первыми в мире (!), кто увидел картинку Леонова на краю люка, а потом плывущего в космосе в невесомости. Мы транслировали сигнал ТВ на Шаболовку, но они прямое включение на весь мир дать побоялись.

К этому времени относится масса очень интересных моментов: встречи с космонавтами, с М. В. Келдышем, с С. П. Королёвым во время показов телефильмов и на пресс-конференциях (вот уж воистину рук можно было не мыть пару недель и помнить крепкие рукопожатия этих людей).

Очень запомнился приём на фирме Королёва. Мы прямо с Ярославского шоссе безо всяких пропусков въехали на территорию «Подлипок» — почти на самую секретную фирму СССР! Нас провели в корпус, где находился кабинет Королёва. У него в конференц-зале шёл большой прием — Котельников, Келдыш, Богомолов, космонавты и другие «капитаны», соратники Королёва. Мы подготовили к показу фильм. Показ был принят на ура. Королёв нас поблагодарил и приказал помощнику:

«Этих ребят накормить и напоить!» Нас отвели в банкетный зал, где ждала гора яств и напитков… Но мы были вполне скромны — ушли достойно, на своих ногах.

1988 г. Пуск индийского спутника IRS-1A

В 1982 году было заключено межправительственное соглашение Индии и СССР об обеспечении запуска и управления индийским спутником дистанционного зондирования Земли IRS-1A. Реализация договоренностей — от соглашения к запуску — заняла почти шесть лет. К 1988 году на «Медвежьих озёрах» была создана телекомандная станция «Индия». Заместителем главного конструктора по этой теме был назначен Л. А. Краснов.

Наконец 17 марта 1988 года — пуск спутника дистанционного зондирования Земли IRS-1A. Наша станция отлично захватывает и ведёт сигнал, индийцы рукоплещут! Через день у нас на станции появляется стартовая команда во главе с У. Р. Рао, К. Кастуриранганом и директором проекта с нашей стороны И. Н. Горошковым (НПО им. С. А. Лавоч-

Индийские и советские специалисты перед станцией «Индия» в период подготовки пуска. Третий слева — м-р Тьяги, руководитель индийской группы, второй справа — д-р Пал, руководитель антенного отдела ИСРО, второй слева Л. Краснов, крайняя справа Светлана Орлова

кина). Приятно было видеть их восхищённые и радостные лица после сообщения, что спутником принята первая «картинка» ~~(эту историческую сцену смог схватить наш неизменный фотограф В. Дьяков).~~

~~Всё получилось хорошо, но переживаний хватило. Дело в том, что наш командный передатчик (на начальном этапе в метровом диапазоне 1кВт) создавал огромные помехи действующей в то время правительственной связи. Мы еле-еле отстояли возможность так работать на начальном периоде. Помню, что в ударе я объяснял (естественно, на английском) ситуацию профессору Рао, который уже вернулся из Байконура, и мистеру Тьяги, который представлял ISRO у нас на Медвежьих озёрах. Откуда слова-то нашлись!~~

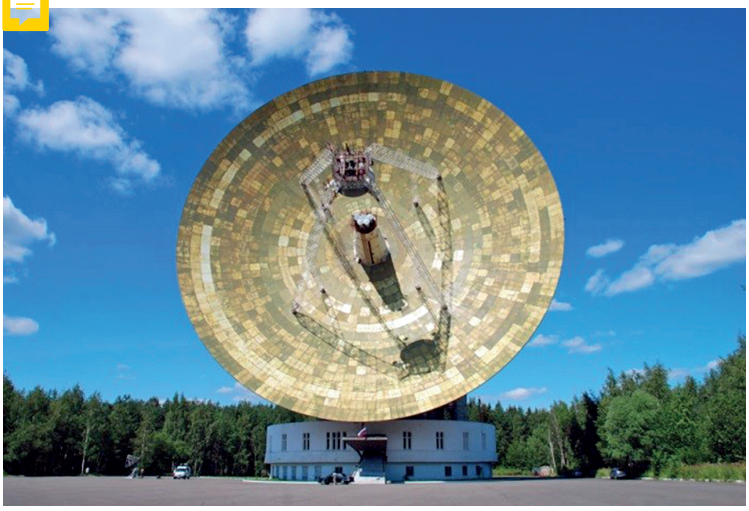
Ноябрь 1983 г. Медвежьи озёра. Радиотелескоп ТНА-1500

Работаем по космическому аппарату «Венера-15». Сигнал находится легко, но он очень слабый. Его качество явно не удовлетворяет

необходимому для приёма картинки от РЛБО (радиолокатор бокового обзора) с орбиты Венеры. Команда нашей лаборатории к тому времени уже имела опыт работы с сигналом в шумах (было понимание, что такое фазовые шумы). Втроём с Кокойкиным и Кудиновым мы разработали и ввели в работу новый вариант фазового детектора и устройства обработки, и дело пошло. Был принят полный массив сигнала и впоследствии создана первая карта Венеры.

Последний контакт с сигналом. Запуск индийского лунника Чандраян-1

Весна 2008 года. Радиотелескоп ТНА-1500 готов к работе. Индия запускает свой первый лунник. Начинаем работу, всё идет отлично, сигнал хороший. Но… наши начальники не договорились о цене. Индия расторгает контракт. Работа окончена. Окончено и моё деловое сотрудничество с индийскими коллегами. Осталась память о счастливых рабочих буднях и о совместных праздниках. И, конечно, осталась дружба.

Радиотелескоп ТНА-1500

Л. А. Краснов

ЧЕТЫРЕ ИНДИЙСКИЕ СКАЗКИ

«Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полудённом —
Далёкой Индии чудес…»

Первая поездка Дениса в Индию. 2004 год

Мысль, не свозить ли Дениса в Индию, появилась у меня после нашей с Толей Черноплёковым встречи с Саи Бабой в мае 2002 года. А вдруг что-то получится?

Денис заболел сахарным диабетом в два года. По слухам, индийский полубог Сатья Саи Баба помогал людям в преодолении этой жестокой болезни.

В переводе с санскрита «Сатья» означает «Истина», «Саи» — «Мать», «Баба» — «Отец», то есть, имя основателя и руководителя популярнейшего религиозного течения переводится как «истинные мать и отец».

Его доктрина основана на элементах индуизма. Саи Баба воспринимается своими последователями как воплощение бога, чудотворец, перевоплощение мистика Шри Саи Баба из Ширди (предыдущего Саи Баба), являющегося великим индуистским святым, проповедником равенства людей и сторонником единства мусульман и индусов.

Храм «Лотос»

У меня было много страхов, как Денис всё это выдержит: тут и вопрос полёта на самолёте, и вопрос провоза шприцов с инсулином. Поэтому постарался всё заранее провентилировать и предусмотреть все защитные варианты.

Ниже — мой дневник из этого путешествия.

18 февраля 2004 года

В аэропорту Дели нас выловили Оля Терлецкая с мужем Сашей почти сразу после паспортного контроля, и вот мы уже в Guesthouse ISRO. Саша — большой знаток Индии, владеет языком хинди. Вечером Саша показал нам места, где европеец не может появиться: мы побывали в «старом городе» Дели. Тёмные узкие улочки, запахи пряностей, фигуры людей, укладывающихся спать прямо на землю…

19 февраля, четверг. Дели

Сын Оли Терлецкой Олег покатал нас по Дели. Первая точка — храм «Лотос». Делийское небо в дымке, народу мало. Храм «Лотос» — храм Бахаи. Такие храмы есть на всех континентах. Бахаи провозглашал равенство религий. В этом смысле Саи Баба примыкает к нему.

Дальше — Кутуб-Минар. Там находятся самый высокий в мире кирпичный минарет высотой 72,6 метра и знаменитая нержавеющая колонна, которая не ржавеет, хотя ей более

Удивительная встреча: Шивакумар и Джаларамайя

тысячи (!) лет. И откуда взялась, никто не знает. Но, увы, железная колонна обнесена решёткой. Власти боятся, что с неё сдерут металл!

Снова аэропорт, и там удивительная встреча: Шивакумар и Джаларамайя летели тем же самолётом из Дели в Бангалор.

Guesthouse ISRO находится всего в 15 минутах езды от аэропорта. Устроились очень хорошо.Ужинали в соседнем ресторане Tundur Corner. Это очень простой ресторан для небогатых людей. Там типичная индийская кухня, но мы с этим справились. Дениса тянет на что-то экзотическое, я ограничился кислым молоком с рисом. А чай только дома. Погуляли по ночной Airport-road, зашли в новый храм Шивы.

20 февраля, пятница. Бангалор

Подъём в 8 часов. «Кофе в постель» — принесли по чашке кофе прямо в номер. Это у них принято. В 9.00 стандартный завтрак, и в 10.30 тронулись в ISTRAC. Обсуждали развитие наших общих работ.

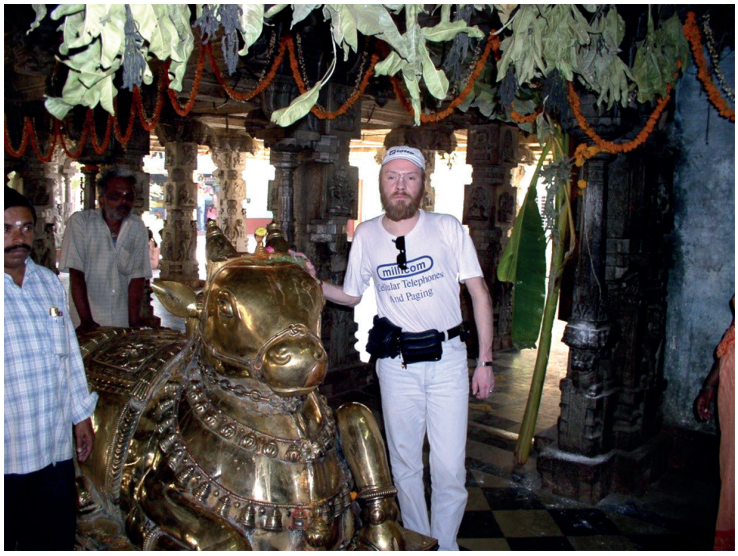
На обратной дороге заехали на Commercial street. Зашли в обувной магазин, купили Денису кроссовки. Денис ошеломлён обслуживанием. Ещё бы, он — «саиб».

После отдыха в Guesthouse пошли искать пропитание. На этот раз зашли в китайский ресторанчик. Пожалуй, там менее остро. Потом домой — устали и уже очень темно.

21 февраля, суббота. Бангалор

Утром были в храме SRI SOMESHWARA SWAMY, которому, по словам служителя, более двух тысяч лет. И действительно, по всем показателям храм этот староиндийский: низкий, много каменных колонн, очень симпатичный бык Нанда. В индийской мифологии это бык бога Шивы, на котором Шива любит ездить.

Нас провели по всем «уголкам причащения»: мазали лоб благовониями, обносили огнём, звонили в колокольчик и т. п.

Обедали в Tundur corner вместе с гидом. Денис налегает на вегетарианскую кухню. Говорит, если бы можно было так питаться дома, отказался бы от мяса.

После 16 часов были в храме Кришны. Это новое сооружение. Прошли все циклы песнопений «Хари Кришна…»

Дениса это очень впечатлило, он хотел бы приехать сюда ещё и один.

Вечером были у Чиранживи в гостях. По индийскому обычаю порог дома украшен.

У него трёхэтажный собственный дом. Семья: он, жена, сын и дочь. Жена шьёт дома куклы, сын учится, собирается поступать в университет, дочка — школьница.

Затем Чиранживи попросил благословить своих детей. Я удивился: почему и как. Он ответил, что я уже «человек в возрасте», и получить напутствие от меня им важно. Ребята упали передо мной на колени и склонили головы. Я даже растерялся. Денис, к сожалению, эту сцену пропустил, ковыряясь в своём фотоаппарате.

Чиранживи — поклонник «старого» Саи-Бабы (но не Сатьи Саи-Бабы, объявившего себя реинкарнацией предшественника). У него есть домашний алтарь.

По совету Чиранживи мы решили поехать в Путтапарти — в ашрам Саи Бабы.

22 февраля, воскресенье. Бангалор — Путтапарти

Встали в 6.00. 7.30–7.45 тронулись в главное путешествие. Чиранживи отвёз нас на автовокзал. Сели в рейсовый автобус и, как обычные жители страны, пересекли большой кусок глубинки Индии. Пейзаж интересный: «красная» земля, иногда из неё вздымаются валуны, какие-то горы. На остановке Денис плотно познакомился с нищими. Ехали

Вид на ашрам в Путтапарти

четыре часа: шум, жарковато, но немного продувает, потому терпимо.

Наконец, мы в ашраме Саи Бабы.

Ашрам (дословно — место уединения) — место приёма паломников, вроде нашего монастыря. Он обнесён стеной. Ашрам закрыт для входа-выхода примерно с 9 часов вечера.

Получили за 100 рупий в день (2,5 USD) комнату с туалетом, душем и двумя кроватями. Правда, нет никаких спальных принадлежностей, кроме простыней (по одной на человека) и подушек. По горячим следам сразу же пошли на дневной даршан (дословно — лицезрение образа бога) — «свидание с богом», общее слушание проповеди от Саи Бабы и его обход поклонников.

Сидели не близко. Саи Баба по залу не передвигался, говорили, что у него перелом шейки бедра, его привезли на машине прямо к алтарю. Сам Саи Баба ничего не говорил, проповедь за него читал служка.

У меня бродят мысли либо о золотом шаре («Сталкер» Стругацких), либо о современном Папе Римском. В общем, ждать чуда не приходится. Да я на него не очень и надеялся. С Денисом пришли к выводу, что главное — энергетика места. Недаром именно здесь проповедовали и первый, и второй Саи Баба. После даршана приняли душ и пошли искать пропитание и исследовать посёлок при ашраме.

Обедали в German bakery, расположенном на крыше дома. Кстати, хозяин этого ресторанчика — выходец из Тибета. Он сам обслуживает посетителей, когда много народа и его персонал не успевает.

В этом ресторане мяса не подают, а предлагают блюда из сои — имитацию мясных блюд. Называется TOFU. Всё достаточно вкусно. Поужинали и бродим по сувенирным улочкам. Ужин обошёлся в 350 рупий.

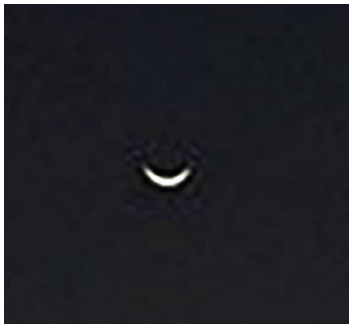

23 февраля, понедельник. Путтапарти

Денис решил выспаться. Вчера вечером он рухнул и проснулся только поздно утром. Позавтракали в том же ресторанчике за 250 рупий (круассан, масло, порридж —овсяная каша, чай). Потом решили прокатиться на велорикше. Путешествие обошлось в 60 рупий, но это годится только для экзотики и съёмок. Мы вдвоём еле сидим, он — еле едет. Проехав 100–200 метров, я встал и начал помогать рикше.

Заехали на какую-то улочку, посмотрели местную жизнь: буйволы, работа и т. п. Купили себе «белую форму» (150 рупий за комплект). «Белая форма» — это белые брюки и рубашка из тонкого материала. Все здешние посетители ходят в такой форме. На кармашке вышит символ Саи Бабы (пятилистник с символами разных религий). Денису брюки оказалась велики, и т. к. он вроде бы освоился в ашраме, пошёл менять на свой размер один. С чем успешно справился.

Вечером мы сели уже в моторикшу за 10 рупий. Потом так же вернулись. Купили манго (15–20 рупий) — а нам говорили, что не сезон.

24 февраля, вторник

Купили Денису майку с «Омом». ОМ — АУМ: в ведическом ритуале одно из главных возглашений, производящее благо.

Вчера, когда сидели в ресторане, видел месяц рожками вверх.

25 февраля, среда

Это середина нашего путешествия. Теперь дни пойдут на убыль и побегут быстрее. Через день-два надо будет отсюда уезжать в Бангалор.

Вообще, у меня складывается всё более скептическое отношение к местному культу. Когда это обретает столь массовые формы, возникает стихийный процесс отторжения — может быть, и не к самому Саи Бабе, а к его окружению. А что касается его чудес — себя-то он вылечить не может! И кругом катаются инвалиды на колясочках (опять же стоит вспомнить «Праздник святого Йоргена»). Всё это дело (даже при нашей дешёвой комнате) — большой бизнес. Кстати, Саи Баба собирается уехать в Бангалор. Вчера здесь было много охраны.

Сегодня утром успели на завтрак до 10! Вместо каши снова взял фруктовый салат. Весьма вкусно! Денис говорит, что он иногда почти такой же делает себе сам.

За столиком сидели с молодым немцем. Он здесь с 27 января! Уже почти месяц. Здесь в первый раз и, видимо, не очень «продвинут». Например, он ни разу не был на даршане.

После завтрака взяли авторикшу (скутер) и поехали в сторону небольшой горушки. Оттуда общий вид на Путтапарти, а по дороге

могли поснимать сценки местной жизни. Заходили в деревню для стариков и на плантацию кокосовых пальм.

Старики в своей деревне всё же работают! Видели лачуги бедняков. Возвращались вдоль русла сухой речки, где выложено выстиранное белье.

Кстати, все вечера здесь мы заканчиваем съедая по одному плоду манго. Это здорово. Я научился их правильно есть: снимаю шкурку, обрезаю плод вокруг косточки и складываю в самодельную чашечку из пластиковой бутылки. Очень вкусно! Попытки попробовать манго в Москве ничего хорошего не принесли. «Того» вкуса нет!

26 февраля, четверг. Путтапарти

Сегодня Денис встал в 3 утра!!! Принял душ, надел саибабайский костюм и в 4.15 отправился на OMCAR. Я вышел в 5.00 и отправился туда же.

За ритуальной площадью с крышей — она называется мандир (этот мандир размером с половину футбольного поля! Дословно — местонахождение, обитель, храм) — в закрытом помещении проводится OMCAR. Помещение почти полно народа и освещено тусклым светом. Все сидят и молчат. Так прошло минут 10. Потом удар гонга, свет гаснет, и люди тянут ОМ. И так 21 раз (этот ритуал и называется OMCAR). Вот заиграла музыка, и запели женские голоса. Это длилось

минут 5–8. Когда всё смолкло, стали расходиться, однако на площади уже собирался народ на следующую «программу».

Вот как эта процедура объясняется: *ОМКАР — Священный звук ОМ, или АУМ символически представляет божественное триединство, где А символизирует Браму (Создателя), У — Вишну (Вседержателя-Хранителя), М — Шиву (Разрушителя). Повторение священного звука ОМ 21 раз символизирует наполнение Божественной энергией чувств человека. Последний 21-й раз символизирует полное единство и целостность всех перечисленных аспектов в индивидуальной душе. Заканчивается пение ОМ словами ШАНТИ, ШАНТИ, ШАНТИ, что означает «Мир телу, уму и душе».*

Утром в ашраме всё в движении. У некоторых алтарей молятся или идёт шествие с песнопениями. Правил не разберёшь. Кстати, на мандире надо снимать обувь. Её оставляют перед входом. Я боялся потерять свои босоножки, однако нашёл!

На обратном пути встретил Дениса. Он сказал, что ожидал OMCAR на площади, медитировал и чуть не заснул. Потом их завели в закрытое помещение, там же был потом и я. Так что приобщились к OMCAR.

А я, наконец, пошёл на утренний завтрак в специальную столовую ашрама для паломников (Денис ещё спал). Начал я с того, что заблудился, пришел на женскую половину столовой, откуда меня вежливо вытурили. Я пришёл к окончанию завтрака, но успел ухватить молочный порридж, тост с джемом, чай с молоком. И это всего за 12 рупий! Денис встал около 10. Примерно в 11.30–12.00 в German bakery мы позавтракали, взяли велорикшу и доехали до музея.

Оказалось весьма любопытно. Жаль, никаких материалов не продают, снимать не разрешают. А по сути музей — это презентация

всех мировых религий. Там стенды пяти религий: буддизма, христианства, зороастризма, индуизма и мусульманства. Это отражено и на символе Саи Бабы.

У ворот музея — буддистские молитвенные барабаны и символ Шивы — лингам.

От музея сели на велорикшу и отправились до госпиталя Саи Бабы. Всё очень красиво и ухоженно. По дороге есть институт, колледж, музыкальная школа и т. п. Всё это итоги благотворительной деятельности Саи Бабы.

По инициативе Саи Бабы было построено четыре госпиталя. Все эти госпитали предоставляют бесплатную медицинскую помощь, в них нет кассы для оплаты услуг. Саи Баба обеспечил завершение строительства госпиталя в Путтапарти. Специалисты в области хирургии из известных госпиталей Индии и зарубежных стран на добровольной основе приезжали в Путтапарти, оставляя свою постоянную работу, чтобы бесплатно проводить операции.

Сатья участвовал в создании домов для престарелых. Они функционируют в Кадугоди. Проживающим предоставляется бесплатно кров, питание и медицинская помощь.

Организация Шри Сатьи Саи Бабы занималась реализацией проектов по снабжению населения чистой питьевой водой. Проект Шри Сатья Саи по обеспечению питьевой водой охватывает 730 населённых пунктов, в которых проживает свыше миллиона человек.

Вечером ужинали в тибетском ресторане TIBET KITCHEN.

Денис с хозяином ресторана и его служащими

Наконец обнаружили внутри ашрама огромный универмаг, и там продаётся то самое «випхути» (100 граммов за 2 рупии) — это вроде священный пепел (от чего?), а не дело рук самого Саи Бабы. Он же не фабрика?! Надо бы разобраться. Кстати, при выходе из столовой даршана стоит чашечка с випхути. Выходя из столовой, ставят себе пятнышко на лоб.

27 февраля, пятница. Путтапарти — Бангалор

Из тибетского ресторана очень интересный вид на улицу. Поэтому мы завтракали дважды: в «нашем» обычном, а потом в тибетском ресторане. Денис ненасытен! Остановить его с едой трудно.

Заказали такси до Бангалора (1200 рупий). Тронулись только в 2 часа. Очень любопытная дорога. Иногда «выходят наружу» груды камней. А по цвету — почти марсианская пустыня. Было три встречи с местными «террористами». Женщины загораживают дорогу грудой камней и, пока не отдашь какую-то денежку, не пропускают.

28 февраля, суббота. Бангалор

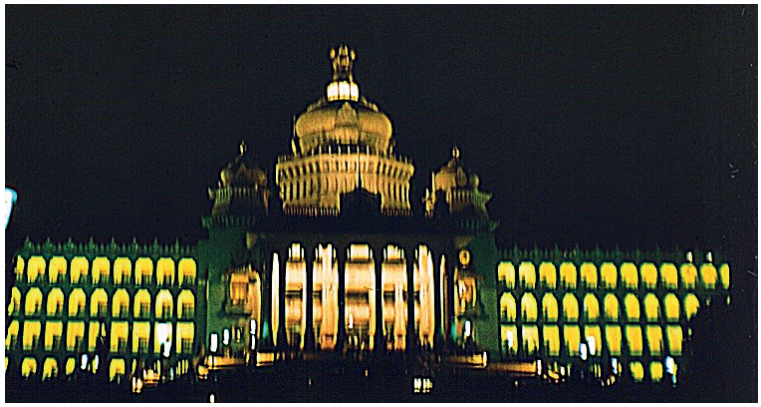
Денис встречает свой 34-й день рождения в Бангалоре. Собираемся, как всегда, не быстро. Выехали только в 10.00. Цель — Большой баньян.

Баньян — национальное дерево Индии, по виду похоже на многоруких танцующих божеств. Оно поистине уникально, имеет самую большую крону из всех деревьев, которые вообще существуют на планете. Баньян — дерево-лес, может иметь несколько тысяч стволов. Ветви баньяна отпускают вниз свои большие корни, некоторые из них прорастают прямо в землю, а в итоге наземную часть невозможно отличить от главного ствола.

Дорога дальняя. В городе трафик очень плохой, муторно ехать, движение затруднено. За городом пошли плантации, в том числе цветочные. Побродили внутри баньяна. Денис пообщался с обезьянами.

Поняли, что следующее мероприятие не осилим. В 1.30 вернулись домой для отдыха. Денис признался, что он, пожалуй, перенасыщен впечатлениями.

Поехали к парламенту, а он освещён «под кукурузу». (При первом моём посещении Бангалора я любовался освещением парламента и хотел показать это Денису.)

Пошли в свой Tundur corner и отметили день рождения Дениса парой глотков виски и рисом.

29 февраля, воскресенье. Бангалор

У нас с Денисом, конечно, разные стереотипы. Он никогда не сработает на опережение, он получит кайф от процесса принятия душа, кофе, утренней сигареты. А то, что он сам у себя ворует время… он так не считает. Вот и сегодня, собравшись уехать в 8.00, дай бог тронемся в 8.30–8.40.

Приехали мы в национальный парк в 9.30–9.40. Билеты для иностранцев в пять раз дороже (200 рупий), чем своим. Нас посадили в машину с решётками на окнах для поездки в зону сафари. Примерно в 10.00 тронулись. Очень интересная природа. Профиль очень пересечённый, как будто в предгорьях, вниз уходит долина. А лес — как весенний лиственный лес, голый, почти без листвы.

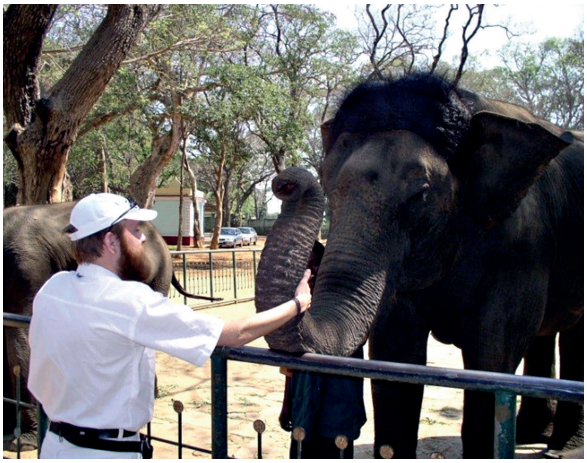
Были в двух зонах: сафари бенгальского тигра (он почти белый, но с полосками) и в зоне львов. Действительно, и тигры, и львы рядом, на нас внимания не обращали. А в каком-то месте львы разлеглись на дороге и не очень-то хотели уходить.

Денис сидел на переднем сиденье с прекрасным обзором.

Мне сие приключение очень понравилось.

Потом прошли собственно в зону зоосада, где главное — возможность погладить слона, что Денис и сделал, поздоровавшись за хобот. Гладили слонёнка. Ему три месяца, и у него торчит жёсткая редкая щетинка. К 12 часам дня слонов вывели для катания публики. Заплатив 25 рупий, Денис взгромоздился в корзину на спине слона и сделал круг почёта, почти как на стадионе (300–400 м).

Из парка поехали к Шиле (наша постоянная переводчица и большой друг) домой.

Нас очень вкусно накормили овощными котлетами и подарили Денису чудесные диски с национальными мелодиями.

Ужинали в Tundur corner. Денис по-прежнему предпочитает вегетарианскую пищу, а я предпочёл рис с кислым молоком. Запили всё это Ice tea — очень вкусное питьё (1 бутылка — 10 рупий).

Завтра у нас будет деловой день.

1 марта, понедельник. Бангалор

Утром были в ISTRAC. По дороге успели заехать в Coffee Board — магазин, в котором я обычно покупал кофе с плантации, это уже традиция.

2 марта, вторник. Бангалор — Дели

Утром я поехал в штаб-квартиру ISRO. Состоялась встреча с новым председателем ISRO. Были я, Шивакумар, Шила, Чиранживи. Мы остались друг другом довольны, подтвердив, что наши отношения взаимно полезны. Потом зашли к профессору Рао, руководителю работ по индийским спутникам. Его долго не было, я гулял по коридо-

ру. Он очень удивился, увидев меня. Был тёплый разговор, вспоминали былые времена.

Вернувшись домой, подхватил Дениса и пошли в храм Шивы, благо, он недалеко от нашего жилья. Этот храм новый, построен на деньги какого-то мецената.

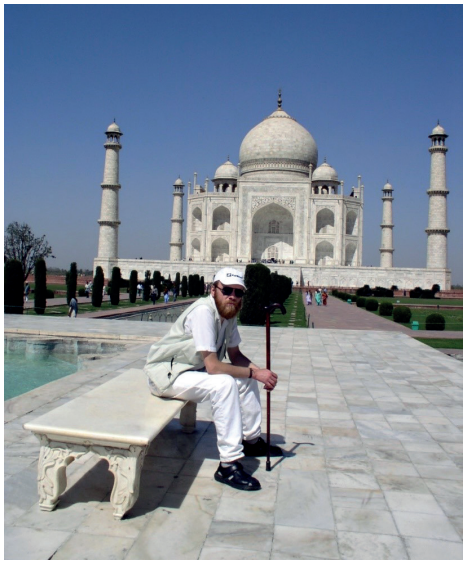

3 марта, среда. Дели — Агра

Сначала я не планировал поездку в Агру. Но, когда стал понимать, что пока у нас всё получается и Денис держится нормально, решил не упускать шанса. Попросил Чиранживи заказать хорошую машину с кондиционером, прибавив, что я сам готов её оплатить. Так и было сделано. Ехали мы на прекрасной машине Indica индийской фирмы «ТАТА».

Итак, встали мы в 6.00, в 6.45 выпили свой чай с тостами, и в 7.00 тронулись. Шофер — молодой симпатичный парень 22 лет. Всю дорогу звучала ритмичная индийская музыка (потом я выпросил у него эту кассету). По дороге один раз остановились на перекус. Около 12 часов были у первого объекта — кажется Акбар-тумб. Я уже здесь бывал и поэтому помнил, что на поляне живут обезьяны. Потащил туда Дениса. Действительно, так и было.

Потом — Тадж Махал. От парковки взяли моторикшу (всего 20 рупий). Интересно, это машина на аккумуляторах! К Тадж Махалу проезд обычных машин ограничен. Индусы боятся, что выхлопы от машин могут испортить это чудо! Билеты для иностранцев относительно дорогие. Это встало нам с Денисом в 1500 рупий (примерно

30 USD). Описывать чудеса Тадж Махала не буду. Обошли мы его на всех уровнях. Денис всё достойно отснял.

По легенде властителя Агры отстранил от власти собственный сын и поместил в форт Агра. Так он мог любоваться Тадж-Махалом из заключения.

Забрели в маленькую белоснежную мечеть. Как было написано, она находится в личном пользовании хозяина.

Пообедали в прохладном ресторанчике и рванули в Дели.

Приехали затемно, дай бог успеть собраться.

На следующий день, 4 марта, мы вернулись в Москву.

Вторая поездка Дениса в Индию. 2005 год

Через год состоялась поездка в Индию на переговоры по поддержке работ с индийским спутником «Чандраян». Мне удалось взять с собой Дениса. На этот раз свободного времени было мало, в основном переговоры и другие деловые встречи. Но нашли небольшую пау-

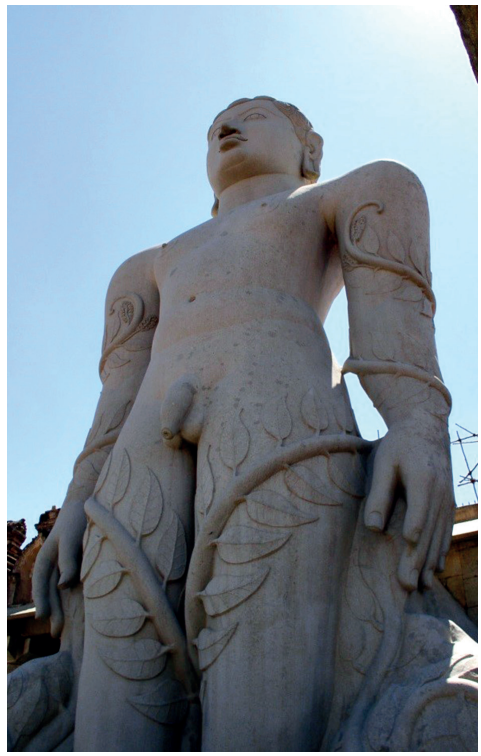

зу и сумели посетить Хассан, где располагался спутниковый центр ISRO. Главной изюминкой нашей поездки были южноиндийские храмы и Гоматешвара.

Мы осмотрели два «типовых» южноиндийских храма (названия их не помню). За забором тёмные храмовые здания, богато украшенные каменной резьбой с индийской мифологической тематикой. Внутри храма темно и прохладно. В центре — круглая площадка для ритуальных танцев.

А потом отправились к Гоматешвару — символу джайнизма. Огромный истукан стоит на вершине каменного «бараньего лба». Чтобы к нему подойти, необходимо преодолеть свыше пятисот ступенек. Для инвалидов существуют носилки, на которых можно нести человека на вершину.

Гранитный колосс был вырублен из камня в 983 году нашей эры. Работа длилась около пяти лет.

Мы с успехом преодолели все пятьсот ступеней громадной лестницы. Прошли через массивные ворота в стене и вошли в закрытый двор. Перед нами Гоматешвара — двадцатиметровый каменный гигант — стоит на развёрнутом лепестке огромного каменного лотоса, руки сложены «по швам».

«Древние камнерезы придали его лицу выражение какой-то глубокой мысли. Он словно погружён в вечное раздумье и с лёгкой снисходительной улыбкой смотрит на мирскую суету.

Весь дух джайнского аскетизма и самоотречения, вся суть религии в полной силе выражены в этой статуе. Гоматешвара совершенно нагой — истый джайн не нуждается в одежде» (Крашенинникова).

Третья поездка Дениса в Индию. 2007 год

В следующий раз мы решили посетить Гоа. Мы много не путешествовали, ограничившись южным, более «респектабельным» Гоа (в северном — наркотики и всё, что с этим связано). Главное на Гоа — океан и заходящее солнце.

Наблюдать заходящее солнце на Гоа — настоящий ритуал. Света Мягченкова после ухода Дениса сделала такую запись о снимке (внизу): «..ты смотришь на закат и как будто уходишь туда, на небо, тихо

и печально… А потом ты будешь смотреть на нас сверху и улыбаться своей хитрой улыбкой…»

А второе — ресторанчик в шалаше на берегу. Все блюда из свежих морепродуктов.

На берегу под тентом мы читали модного тогда Дэна Брауна, или развлекались покупкой сувениров, или смотрели выступление бродячих циркачей, или осматривали остатки португальского владычества.

Интересно, что от постоянного ветра некоторые деревья на Гоа стоят изогнутые.

И наконец — аэропорт, и домой!

Четвёртая поездка Дениса в Индию. 2008 год

Москва — Дели — Агра — Варанаси — Амритсар — Дхармсала — Дели — Москва

В конце августа 2008 года у Дениса появилась идея самостоятельной поездки в Индию. Решение о поездке было достаточно случайным: Света Кузнецова предложила ему поехать в Индию вдвоём. Мы с Галкой основательно подумали и решили дать «добро», посчитав, что положительные эмоции, которые он может получить, превышают риск. Схему маршрута продумали вместе.

Текст этого раздела составлен из его рассказа и СМС-сообщений. Его СМСки из Индии полны восторженных эмоций: «Ой, Пенджаби! Очень интересно! …Мне так понравилось в Амритсаре, что уезжать не хочется!»

В Индии он был счастлив! Весной снова хотел побывать там — СМС из-под Чандигарха: «Ничего, весной посмотрю»…

Дели

10.09. Мы в Дели. Шофер такси не понимал, что нам нужно. На тёмной улице остановился около какого-то отельчика — только отстаньте от меня! Мы выгрузились. От Кеннаут Плэйс это было достаточно далеко. Зашли туда, выяснили, что комнат не сдают. Я оставил Светку с рюкзаком сидеть в холле, а сам пошёл искать что-нибудь. Встретил парнишку, он мне показал другой отель. Зашли туда, договорился за 45 USD насчёт комнаты. Вернулись с парнишкой и принесли вещи.

В Дели дождь. Тёплый, достаточно редкий, но совсем не такой, каким ты нас пугал. Сидел на крылечке отеля и наблюдал местную

жизнь. Гулял по городу, был на базаре, нравилось говорить с индусами. Познакомился с Санджо, который за 170 долларов довёз до Агры.

Агра

14.09. Живём в отеле «Taj home stay». Санджо повозил по городу, затащил в ювелирный магазин, где я купил Татьяне опал. Опал хороший. Как его выбирал? Сказал: «Нужен опал». Мне показали кольцо, но я вернул: дорого. Тогда вытащили камень из кольца и продали за 350 баксов.

Хотел посмотреть Тадж-Махал при луне, но всё было под дождём. Дождь и жара.

Варанаси

22.09. Название места, где я в Варанаси жил — Sandhya Guest House.

Платим 25 USD в сутки (за двоих, естественно). Дорого, но очень качественно.

СМС: *Привет. Сидим в Варанаси, пьём чай. Очень симпатичный город.*

Купил кучу платков на фабрике, где их делают. По Гангу на лодке не катался, но ходил на место сжигания трупов, видел эту процедуру. Купаться не стал — стрёмно. Да и не нашёл удобного спуска к воде.

СМС: *А вообще, всё замечательно.*

Амритсар

СМС: *Привет из сказки! Кстати, Джордж Лукас, когда придумывал Татуин* (родную планету Дарта Вэйдера и Люка Скай Уокера — главных персонажей «Звездных войн» — Л. К.)*, явно был под впечатлением городов типа Амритсара. Я тут себя чувствую вроде Оби Ван Кноби.*

Когда я остановился в гостинице, дела у хозяев пошли в гору, так что я теперь у них вроде талисмана.

Много путешествовал по городу. Побывал в музее-диораме, посвящённом местному махарадже, который защищал здешние земли от

захватчиков. Он же построил Золотой храм и вообще был королём Мендета. Смешавшись с толпой индусов, сходил в Золотой храм.

Долго катался на рикше.

СМС: *Мне так понравилось в Амритсаре, что уезжать не хочется. Не устал! И ещё хочу! Я тут как рыба в воде!!!*

Дхармсала

01.10. Я добрался, наконец. Дорога была тяжёлая — с 10 утра до 7 вечера.

Жил в «Маклеодганджe». Это район резиденции Далай-ламы. Там бродят кучи буддистских монахов. Был в музее Далай-ламы, в музее Тибета, поездил по окраинам. Купил «старинную» брошку.

СМС: *Хотел сходить в монастырь, начался дождь, сейчас пережидаю в ресторанчике. Не знаю, доберусь ли я куда-нибудь ещё, град величиной с яйцо. Горы изредка проглядывают через туман. Дождь, туман — мы весь день сидим, пьём чай и болтаем «за жизнь». Настроение какое-то японско-философическое. И фон такой же, «японский»: деревья и смутные очертания гор. А вообще, всё клёво!*

07.10. Сегодня погода получше. Сейчас поеду смотреть вершины. Оби обещал отвезти на место, где их хорошо видно. Оби — хозяин guesthous'a, который мне тут всё показывает. Очень хороший парень.

Вершины посмотрел, наснимал кучу кадров. Снежных вершин не видел, но очень красиво!

День прошёл чудесно! Сейчас сидим с Оби в ресторане Taste of India.

09.10. Вещи собраны, погружены. Еду на хорошем большом джипе Toyota.

… Пока что проехали под указателем, что до Чандигарха 20 км.

Жалко, уже основательно стемнело — разглядеть полностью не удастся, да и проезжать его мы будем по касательной. Ну, ничего, весной посмотрю.

01.10. (МСК). Я уже прошёл все контроли, сижу жду посадки.

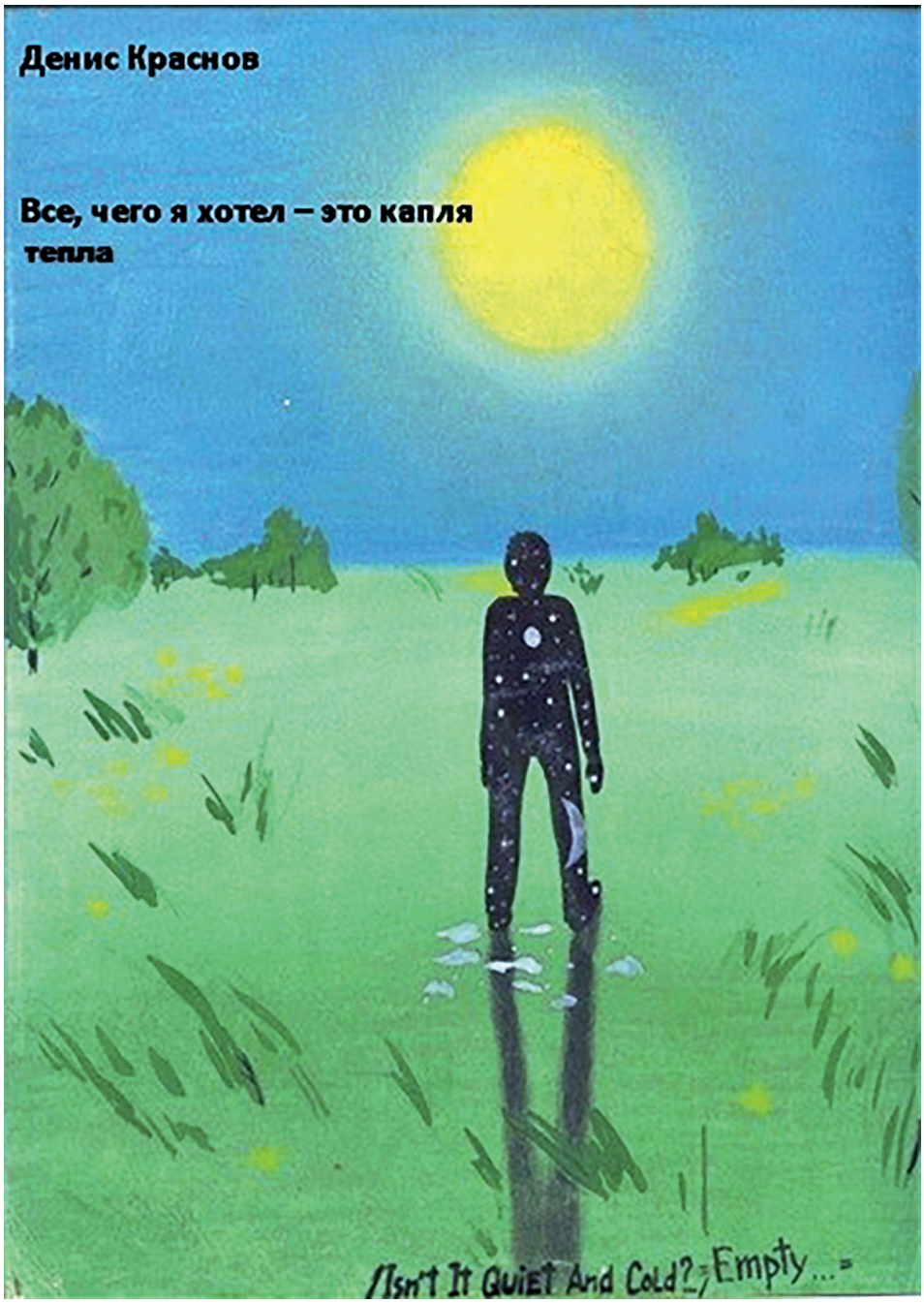
О самом большом впечатлении: Мне было интересно всё: просто пребывание в Агре, просто пребывание в Дели… Но очень понравился Амритсар.

Денис и ~~его спутница~~ Света Кузнецова

Резиденция Далай-ламы в Дхармсале

Денис Краснов
Все, чего я хотел – это капля тепла
/Isn't It Quiet And Cold?=Empty...=

В храме, которому 2000 лет

Стихи 1992–1997 гг.

Чашка ночи

Ночь на кухне за столом,
Пляшут тени за стеклом,
Где-то капает вода,
Где-то ходят поезда.

Дремлет в поле сон-трава,
И в дурмане голова,
Тени ходят по квартире —
Тишина в уснувшем мире.

А в стаканах крепкий чай.
Спой, дружок, не подкачай!
Светит за окном луна —
Чашку ночи пей до дна!

Сны

Ночь приходит неслышно,
Как большая чёрная кошка.
Сны — летучие мыши,
Перепончатые ладошки,

Мягко по комнате вьются,
Музыка тихо играет,
В зеркале маленьком блюдца
Отражение тает.

Дом засыпает, и в двери
Реки звёздные льются,
Сказок волшебные звери
Кружат и тихо смеются.

Ресницы, глаза закрывая,
Стирают тени в окне.
И снова, неслышно ступая,
Во сне ты приходишь ко мне…

Рыбий блюз

Я — Рыба. Живу я в ванной,
Сплю и вижу сны в воде.
Я — Рыба. Говорят, что странный,
И нет таких теперь нигде.

Но я не та рыба, которую едят
И давятся костями.
Я такая Рыба, на которую глядят
И у которой бывают гостями.

Припев:
Я такой, какой есть, живу, как умею.
Учить и воспитывать бросьте!
Не пытайтесь съесть — я тоже зубы имею,
А также, уверен, и кости.

Я хочу, чтобы всё было складно
Между мною и остальными,
Я могу что-то сделать — ладно!
Пусть дела и не будут большими.

И я знаю, что часто бываю полезен,
Но мне кажется, любят не только за это.
И я верю, что мир не так уж железен,
И что кто-то просто так ждёт меня где-то.

Дождь

За окном серый дождь —
Длинна тёмная ночь.
Тех коротких дней ложь
Течёт медленно прочь.

Снов обрывки кружат
Над моей головой,
Все давно уже спят,
А я болен тобой.

Свет луны на стекле
Нарисует портрет,
И ты снова со мной,
Хоть тебя рядом нет.

След смывает вода,
Всё, что было — забыть!
Ты уходишь туда,
Где нам вместе не быть.

И когда сказкой ночь
Успокоит тебя,
Не заснём мы вдвоём —
Дождь осенний и я…

Путь

Ветер сдержит стена —
Сбрось в углу сапоги.
Дом — четыре окна,
Ты в них свет сбереги.

Тише топот копыт,
Гаснут угли костра,
Но не будет забыт
Шедший рядом вчера.

Ночью выпадет снег —
Ты почувствуешь вдруг,
Как замедлился бег —
Замыкается круг.

Вспомни тех, кто упал.
Их уже не спасти.
Ты смертельно устал,
Но нельзя не идти.

Много дней позади,
И потерь не вернуть,
За окно погляди —
Ждёт непройденный путь!

Мой путь

Пусть воет ветер, поднимая снега муть —
Он не прикажет мне остановиться,
Со мною снова вечный спутник — Путь,
Зовут меня с собою, улетая, птицы.

И вот за спиной моей то, что любил,
Звук шагов — сколько их впереди, я не знаю.
Мимо тех, кто живёт, и мимо древних могил
В серой сетке дорог я снежинкой растаю.

Всё, чего я хотел — это капля тепла,
Ноты Солнца и звёзд, свежий ветер в лицо.
Но запутана жизнь, путеводная нить из стекла,
И теперь одному мне идти сквозь Кольцо…

Нет дороги назад, и я не вернусь
К суете бестолковой ушедшего дня,
От Вчера мне остались лишь память и грусть,
А что ждёт впереди… Не зовите меня!..

Лорке

Гаснет вечером алый закат,
Снова я возвращаюсь домой.
И легко на душе, я так рад,
Что увижусь я скоро с тобой.

Когда отворю свою дверь,
Меня встретишь ты, вихрь живой,
Обниму тебя, верный мой зверь,
И гулять мы пойдем под луной.

Ты торпедой живой по зелёной траве
Пронесёшься — тебя не догнать!
Что за мысли гуляют в твоей голове?
Жаль, я их не умею читать.

Погуляли, на улице стало темно —
Побежали на ужин домой!
После ужина вместе посмотрим кино —
Ляжем спать до утра мы с тобой!

Человек и собака, лишь ты есть и я,
И пусть ссоримся мы иногда,
Знаю, могут предать и друзья,
А вот ты не предашь никогда!

Отдельные строчки

Чашу неба — глотком до дна —
И опять накрывает волна.
Жизнь и Смерть — это брат и сестра —
Светлячки и угли костра.

Искры звезд и солнечный свет
Ночь и день охраняют от бед.
Вечность — танец живых огней —
Чашу неба возьми и пей!

*****

Темнота унесёт усталость и боль,
Тишина погасит и страх, и печаль,
Я для звёзд доиграю до конца свою роль,
Но погасшего дня не вернуть мне, а жаль.

*****

Но ни звука в ответ — тишина,
Чёрно-белые клетки молчат.
Продолжается эта война —
Свет и тень надо мною стоят.

*****

И станет вдруг яснее ясной суть
Головоломки тонкой поворотов,
И знаков карусели дикой муть
Застынет, не набравши оборотов.

Но — вот беда! — опять звено,
Которое казалось столь надёжным,
Взорвётся, мысли выбросив в окно,
Решенье сделав просто невозможным.

*****

Птицы, звери, рыбы, люди —
Пусть во сне всё добрым будет,
Зло обходит стороной
Сны твои и мир весь твой.

*****

ВолчЁнок, ВолчЁнка, с ВолчЁнком, к ВолчЁнку…
Весь мир я отдал бы за эту девчонку!
С ума я схожу иль уж вовсе свихнулся,
Но поздно метаться: влюбился, споткнулся…

*****

Спи, малыш! Пускай приснится
Тебе кошка, рыба, птица.
Будут добрыми они,
Спи, ВолчЁнок, спи, усни.

Стихи 2008–2009 гг.

Всяко хокку

Был краток полёт.
Вот вспышка — и пустота…
О, ветер богов!

Вот опять любовь.
А что толку в ней?
Одиночество…

Свеча на ветру —
И только холод пустоты.
Одинокий свет…

Капля за каплей
Покидает жизнь тело.
Конец уж близок…

Ох, и тяжело
Ящеру харакири —
Хвост отрастает!

Волчица

Сестра ветров,
Чужая людям,
Волчица вольная,
С тобою будем
Под облаками
В степи безбрежной
И днём, и ночью
В метели снежной
Вдыхать туман,
Пожаров дым,
В дожде купаться
И плакать с ним.

Пусть вихрь подхватит,
Нас унесёт
Вперёд, любимая, вперёд!
Туда, где звёзды,
Где Млечный Путь.
Печали прошлого забудь!

Из чаши неба
Простор глотнуть
Ведут нас боги —
Не повернуть…

Бегом сквозь бурю,
Туда, где свет,
Где только счастье,
Где горя нет.
Идём же,
Ты должна идти.
Преград так много
Ждёт впереди,
Но вместе
Мы должны пройти
Все петли
Этого пути!

Час великого камланья

Вот и утро осветило
Этот мир и это небо,
Всё, что ночью с нами было,
Это лишь морок и небыль…

Солнца явь лучами выжжет
Сказку тени из пространства,
Пепел тьмы уносит ветер
С неизменным постоянством.

Но не вечен день творений
Без загадок и без мрака.
Вечер магией наполнит
Кошку, птицу и собаку.

Тени всё вокруг изменят,
То, что днём обычным было,
Всё волшебным ночью станет —
День препятствовать не в силах!

Пусть вернётся ночь скорее,
Пусть исполнит все желанья.
Звезды лишь светить нам будут
В час великого камланья.

Отдых богов

Утро, как серою паутиной,
Холодом день открывает весенний,
И нет над всею этой картиной
Солнца, и воздух какой-то осенний.

А на дворе конец уже мая,
Близится лето. Каким оно будет?
Тучи по небу ветром гоняя,
Боги скучают — они ведь не люди!

Это лишь люди мелочной страстью
Ум занимают, вот вся их забота.
Ну, а богам ни деньгами, ни властью
Ум не занять — их другая работа!

Дело богов — мирозданья проблемы,
Их не распутать монетою звонкой.
Законы природы и теоремы
Вшиты в творение ниточкой тонкой.

Но иногда ведь, устав от творенья,
Боги дают и себе чуть развлечься.
Вот отчего эти все отклоненья —
Богам всемогущим нужно отвлечься!

Старый тролль

Вышел в горы прогуляться
Спозаранку старый тролль.
На боку ему валяться
Надоело, видно, что ль.

По тропинке, что бежала
Среди неприступных скал,
Старый тролль шагал устало
И негромко напевал.

Про великие походы,
Про роскошные пиры,
Про удачи и невзгоды,
Про далёкие миры.

Про героев и злодеев,
Холод ночи, солнца жар,
Про великих чародеев,
Наводненья и пожар.

Про бочонок с добрым элем,
Танец искр над костром,
Горный лес, что вечно зелен,
И про дым над очагом.

Солнце с неба улыбалось,
Ветер с тучами играл,
Речка среди скал плескалась.
Славно старый тролль гулял!

Погулял, домой вернулся
И в очаг подкинул дров.
Выпил эля, потянулся.
Спи, тролль, добрых тебе снов!

Смерть

Утро приближается, как зверь,
Жертву ищут чьи клыки и когти.
Я сижу и жду, гляжу на дверь —
Может, смерть заглянет ко мне в гости?

Я её не приглашал сюда зайти,
Вовсе не спешил на встречу с нею,
Но не терпится ей уж за мной прийти.
Я же возражений не имею.

Ты одна держала меня здесь,
Смерть бежала, лишь тебя со мной увидев,
А теперь один сижу, истерзан весь,
Не нарочно зло тебя обидев.

Ты махнула на прощание рукой
И ушла, сказав: «Спокойной ночи!»
Я кричал: «Не уходи, постой!»
Но ушла ты. Я изорван в клочья.

Я один. И тикают часы,
Отсекая, что ещё осталось.
Не забыла ль смерть своей косы?
Что-то она очень задержалась.

Река времени

Я ныряю в ночь, как рыба в воду,
Темнота мне словно жизни эликсир.
Звёзды освещают мне свободу,
Млечный Путь — моя дорога в этот мир.

Огоньки созвездий, россыпи галактик —
Острова в безбрежном океане пустоты,
Я лечу вперёд вслепую, как лунатик,
Оставляя позади тревоги, боль, мечты.

Сколько впереди всего, не знаю.
Позади парсеки и века,
Я средь них, как капля в море, таю.
Вдаль уносит времени река.

Но ведь реки, сколько б им не виться
От истоков горных через степи и леса,
К океану каждая стремится,
Отражая звёзды в небесах.

Что за океан, куда впадают
Реки времени, секунды и века?
Все мы: боги, рыбы, что летают…
Бесконечна времени река!

Но мир — он всё равно прекрасен!

Гляжу в окно — там ночь темна,
Но звёзд на небе не видать.
Готов я выпить боль до дна
И душу Сатане отдать

За взгляд на звезды без преград,
За воли лишь один глоток.
Я был бы беспредельно рад
Пожить ещё, ещё чуток.

Но боги воли не дают пока,
И взгляд мой все ещё не ясен,
Не очень-то тверда рука.
Но мир — он всё равно прекрасен!

И верю я: настанет час,
Когда падут пред нами все преграды,
И боги примут, примут нас,
И будут, будут тому рады.

И ты, и я — мы дети их,
Они хранят нас от беды!
…А может быть, я просто псих,
И смоет дождь мои следы?

Но даже если это так,
Ведь сбыться же должно, коль веришь.
И я же не слепой дурак,
Я знаю: не узнаешь, если не проверишь!

4–14 апреля 2009 г.

Денис ушел из жизни 18 апреля 2009 года.

Прозаические этюды

Синяя Птица Счастья

В открытую настежь форточку самого обыкновенного окна в самом обыкновенном многоквартирном доме совершенно случайно (наверное, по ошибке) влетела Синяя Птица Счастья. Немного полетав по комнате для изучения возможных мест, пригодных для посадки, она села на люстру, долго пыталась понять суть действия, целиком поглотившего внимание людей, находившихся в комнате.

А люди, манипуляции которых так заинтересовали Птицу, ловили Кайф. Занятие это проходило у них далеко не безуспешно, так как Кайф отличался солидными размерами и потрясающей неуклюжестью, а потому поимка его явно не представляла для ловцов, к тому же прекрасно для этого экипированных, особо сложной проблемы.

Птица довольно долго недоумевающе разглядывала описанную картину, а потом, видимо, поняв, что осмысление наблюдаемого ей недоступно, грустно вздохнула, с трудом протиснулась обратно в маленькую форточку и, расправив крылья, быстро растворилась в стремительно темнеющем вечернем городском небе… Её так никто и не попытался поймать, её даже никто заметил.

Люди в комнате продолжали ловить Кайф.

Маленькое Ночное Волшебство

Сказка

Настоящему индейцу завсегда везде ништяк!
Дядя Фёдор («Ноль»)

Автор просит читателей учитывать несколько иное, чем у Дяди Фёдора (Ф. Чистякова), значение слов «настоящий индеец», а также извиняется перед Ф. Чистяковым за использование этих же слов без его разрешения.

Настоящий Индеец Д. Краснов

Я всегда жалел тех людей (себя они считают Носителями Абсолютной Истины), которые сами себя по собственной воле загнали в жёсткие временные рамки Правильного Образа Жизни, под развесистыми знамёнами которого они пытаются обратить в свою веру и без того

малочисленное племя Настоящих Индейцев — Романтиков, к каковому, искренне надеюсь, принадлежу и я сам (кстати, я уверен, что принадлежность к этому славному племени — большая честь, и каждый Индеец вправе гордиться ею). Так вот, я, живя со своими родителями (классическими Нормальными), убедился, что стоит засидеться чуть-чуть за полночь, читая книгу, что-нибудь рисуя, сочиняя или же просто предаваясь размышлениям или мечтам, как тут же (замечательно, что из этого кошмарного правила, хоть и редко, но всё же бывают исключения) появляется кто-нибудь из Нормальных, то есть, всё тех же Носителей Абсолютной Истины. И потом долго в ушах Романтиков, к каковым, искренне надеюсь, принадлежу и я сам (кстати, я уверен, что принадлежу), зудит голос, выговаривающий нравоучения из серии: «Ты мешаешь нам спать», «Нормальные люди ложатся спать не позже…», «Ранняя птичка клювик прочищает…»

Короче говоря, эти цитаты могут, наверное, занять том не очень маленьких размеров.

И когда пытаешься объяснить им, что существует такая очень редкая и хрупкая штука, называемая Настоящими Индейцами Вдохновением, которое ведёт — так уж оно, Вдохновение, устроено — почти исключительно ночной образ жизни, и каждое появление которого (а появление это неуправляемо, если, конечно, Вдохновение настоящее) ценится на вес золота, они с Очень Умным и Серьезным видом кивают своими Хранилищами Абсолютного Знания (а попросту головами), стремясь показать тебе, что всё это им известно и понятно с библейских времен — но потом всё начинается сначала! А ведь они же совсем не глупы, и если в общении с ними не касаться Вдохновения, то перед собой обнаруживаешь вовсе не тупых догматиков, а образованных, интеллигентных и в общем-то неплохих людей. И поэтому самое обид-

ное то, что они лишают себя самого настоящего Волшебства, которое исчезает без следа при дневном свете, и даже не понимают этого!

* * *

Однажды вскоре после наступления Нового года я допоздна засиделся с компанией таких же, как я, Настоящих Индейцев за рюмочкой доброго вина. Было уже далеко за полночь, когда, преодолев жгучее желание остаться в уютной берлоге, где играла музыка и звучали голоса и весёлый смех людей, ставших для меня такими близкими, я распрощался с моими братишками по духу — последними из Романтиков — и, пожелав им счастливой ночи, вышел из подъезда на холодные заснеженные просторы прерии, также зовущейся просто улицей, и отправился в далёкую, полную неопределённости, неожиданностей и опасностей дорогу к родительскому дому, кроме меня населённому тараканами, бультерьером Лоркой, кошкой, носящей странное имя Ириска, почти забытое из-за именования всеми его владелицы просто кошкой, и двумя Нормальными — родителями.

Добредя до остановки автобуса, я, с тоской поглядывая на приветливо светящиеся окна покинутой мною квартиры, некоторое время курил, пока наконец на очередную сигарету не поймал старый, дребезжащий всеми своими металлическими внутренностями автобус, дотрясший, как это ни удивительно, меня до метро. После неизбежного прослушивания Великого Гимна Метрополитена, состоящего в основном из утробных гудящих звуков, позвякивания и повизгивания, было почти (счастье, что только «почти»!) безнадежное ожидание на остановке; потом был снова автобус… Шёл второй час ночи, к моменту моего торжественного выхода из автобуса, проковылявше-

го изрядную часть отпущенного ему пути, из чего неизбежно вытекал печальный вывод (как же я ошибался, считая его таковым!), что тролл-лейбуса, который, окажись я на том же месте чуть раньше, помог бы мне преодолеть заключительный этап моего ночного круиза, ждать бессмысленно, что и подвигло меня, душой находившегося всё ещё там, где пировали мои Индейцы, воспользоваться «транспортным средством номер 11», именуемым также ногами, то есть пешком (скажите мне, ну какой Нормальный окажется мало того что в бодрствующем состоянии, с обострённой до предела чувствительностью да ещё на улице (причём, отнюдь не у порога своего обиталища), когда на небе сверкают звёзды, а часовая стрелка вот-вот доползёт до цифры 3? Ну-ну, не терзайте, пожалуйста, слух окружающих бессмысленной смесью бульканья, мычания и прочих звуков, не всегда поддающихся классификации — ни один экземпляр упомянутой разновидности homo sapiens до сих пор обнаружен в природе не был.

Ну и, естественно, так как другого выхода у меня не было, я пошёл… Спасибо тебе, Волшебник Случай, ведь именно благодаря тебе всё и произошло!

* * *

Я шёл по пустынной улице. Вокруг не было ни души. Тишина, неведомая Нормальным, лишь изредка нарушалась звуком проносящихся мимо меня автомобилей (хотел бы я знать, какое племя произвело на свет тех, кто находился внутри них: все Нормальные в этот час сопят, храпят и чмокают — в общем, издают полный набор звуков, соответствующих крепкому здоровому сну, а Индейцы, как правило, автомобили для перемещения в пространстве не используют).

Всё вокруг было покрыто ещё не побитым гарью и копотью, а потому пушистым и белым, недавно выпавшим снегом и темнотой, великолепие которой только подчёркивал слабый свет придорожных фонарей. Снег и темнота скрывали от моих глаз серый цвет города, спавшего вокруг меня, и его грязь, столь привычные взорам Нормальных. Изредка попадались заснеженные ёлки, подмигивавшие мне (только мне!) лампочками новогодних гирлянд, и постепенно меня наполнило чувство восхищения Красотой всего, что окружало меня. Я вдруг понял, какой чудесный подарок преподнесла мне эта вынужденная прогулка! Но если бы я знал, что откроется мне через какие-то две-три минуты…

«Жизнь прекрасна и удивительна! Мир полон чудес! И какой ненормальный Нормальный объявил, что чудеса невозможны?» — проносились в моей голове, кружащейся от Красоты, сверкавшей вокруг меня, обрывки мыслей, дурашливо гонявшиеся друг за дружкой, словно детёныши каких-то сказочных пушистых зверьков. На свежем снегу позади меня оставалась цепочка моих одиноких следов — я ощущал себя первым человеком, открывшим этот мир! Мне было так хорошо, как бывает лишь в самые счастливые минуты жизни.

И вдруг я услышал тихую-тихую музыку, словно доносящуюся до меня из немыслимой дали и в то же время рождавшуюся где-то совсем близко. Я остановился: в ночной тишине эти звуки… Перед глазами возникла живая картинка, выплеснутая моим Воображением, которое, как только я осознал неизбежность пешей прогулки, всеми своими рецепторами, жадно впитывавшими ощущения, до сих пор почему-то молчавшим: крошечные человечки, одетые в светящиеся разноцветные костюмчики, танцуют на пушистых лапах новогодней ёлки и звенят серебряными колокольчиками, которые держат в руках, сплетая волшебное кружево из совсем простенькой, но такой чудесной

мелодии и весёлого мелькания живых разноцветных звёздочек. Некоторое время я стоял с закрытыми глазами и открытым ртом (не помню, как мои глаза и рот оказались в таком сочетании состояний, но до сих пор я, представляя себе, какой вид у меня был тогда, не могу удержаться от улыбки), а когда глаза открылись, то рот, вместо того, чтобы закрыться, открылся еще шире: видение не исчезло, как не исчезло оно и после традиционного в подобных случаях комплекса мер, вроде протирания глаз, щипков и тому подобных глупостей.

Я стоял, напоминая, наверное, пещерного человека, неведомой силой перенесённого через время и пространство в центр современного большого города, и не мог оторвать глаз от маленькой ёлочки, задрапированной пушистым снежным покрывалом и усыпанной перемигиванием разноцветных огоньков… Это было — да-да! — самое настоящее Волшебство!

Ещё через какое-то время я с трудом стал соображать, что вижу на самом деле, но — ещё одно Чудо! — понимание секрета увиденного, вопреки распространённому мнению, не только не разрушило Волшебства, но даже не уменьшило моего чисто детского восхищения увиденным, услышанным и почувствованным: хотелось кричать и петь от радости, но в то же самое время я не издавал ни единого звука, даже дыхание затаил и боялся шевельнуться — казалось, что малейший звук или движение разрушат сказку.

Не знаю, сколько времени я простоял неподвижно, всем своим существом впитывая чистую и светлую энергию Чуда — полчаса, час, а может быть, больше.

Не помню, как и когда добрался я, наконец, до квартиры родителей. Я настолько был переполнен энергией Счастья, что не удивился бы, узнав, что просто материализовался в прихожей…

Думаю, что нет необходимости описывать произошедшее после моего появления, тем более что помню я всё это очень смутно. Но я почему-то думаю, что Нормальные тогда всерьёз усомнились в том, что им удастся когда-нибудь обратить меня в свою веру: никогда я, наверное, не реагировал на их стандартные, хорошо отработанные и не раз проверенные действия с настолько несоответствующим ситуации сияющим, безмятежно-счастливым видом. Кажется, я попытался объяснить им, какое Чудо я только что видел, поделиться с ними тем, что получил сам, своим Счастьем, но, к великому моему сожалению, безуспешно.

На следующий вечер, окончательно придя в себя, я предпринял ещё одну попытку возбудить в Нормальных хотя бы любопытство. Никакого успеха в этом безнадёжном деле я, конечно же, снова не достиг. Ещё некоторое время я тешил себя надеждой (а вдруг?), что мне удастся пробить железобетонную броню их нормальности. Но прошло Рождество, с елей были сняты и убраны до следующего Нового года их праздничные наряды, а мои Нормальные так и не согласились (а может, просто испугались за свою нормальность?) выйти вместе со мной ночью из дома, чтобы увидеть Чудо, наполниться всем тем, чем оно наполнило меня.

Мне до боли жаль их. Но я не теряю надежды: может быть, в следующем Новом году мне удастся РАЗБУДИТЬ их, может быть, через пару лет…

* * *

…А мне с тех пор часто снится по ночам моя сказка, моё Маленькое Ночное Волшебство. После таких снов я просыпаюсь обновлённым, наполненным той самой энергией Чуда — иногда мне кажется, что

каким-то немыслимым образом через пространство и время я снова попадаю ТУДА и в ТОГДА. Или это Чудо само приходит ко мне, чтобы помочь в трудную минуту, а может быть, просто оно теперь живёт во мне?

Послесловие

Дорогие друзья и добрые знакомые Дениса!

Поэт обязан быть влюблён
Вседневно. Ежечасно.
Желательно несчастно…

Наша совместная жизнь с ним (в борении и преодолении) была очень острой и насыщенной. Да, было много печали, горя, стрессов, но и радости — сколько хочешь!

Рисунок Дениса

Последнее путешествие в Индию дало ему море положительных эмоций. Ими полны его СМС-сообщения оттуда: «Ой, Пенджаби! Очень интересно!», «Мне так понравилось в Амритсаре, что уезжать не хочется!» В Индии он был счастлив. Это здорово. Хотел весной снова побывать там. Писал из-под Чандигарха: «Ничего, весной посмотрю». Увы, не успел.

И всё же надо считать, что жизнь его состоялась со знаком плюс.

И спасибо самой сильной боли,
Ибо что-то всё-таки дала.
И спасибо самой сирой доле,
Ибо доля всё-таки была.

Не рекламирую и не обсуждаю литературное достоинство текстов Дениса, но, читая его стихи и прозаические наброски, я думаю, что он обладал даром чувства слова (не случайно, когда я читал ему и что-то произносил не так, он просил повторить, а в детстве, слушая пластинку и что-то не поняв, переставлял адаптер назад). Ну вот, например, строчки:

Ночь приходит неслышно,
Как большая чёрная кошка.
Сны — летучие мыши,
Перепончатые ладошки.

Ведь, правда, здорово!

В этой тетрадке примерно четверть написанного им. Пожалуй, это его лирический дневник. А вообще — просто память о его метаниях, мечтах и переживаниях.

Вот и всё.

Многоголосье

Составитель: Л. А. Краснов

Редакция и издатель: ООО «РИЦ «Курьер-медиа»
Генеральный директор: Г. П. Митькина
603009, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 110–40
E-mail: direktor@kuriermedia.ru

Дизайн и вёрстка – Л. С. Белопросова

Печать: Типография «Юникопи»,
г. Нижний Новгород

Издание не предназначено
для коммерческого использования

2020